ISSN 1728-7804

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Abai Kazakh National Pedagogical University

ХАБАРШЫ
ВЕСТНИК

«Филология ғылымдары» сериясы
Серия «Филологические науки»
Series "Philological Sciences"
№ 1 (91), 2025

Алматы

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Abai Kazakh National Pedagogical University

ХАБАРШЫ
ВЕСТНИК

«Филология ғылымдары» сериясы
Серия «Филологические науки»
Series "Philological Sciences"
№ 1 (91), 2025

Алматы, 2025

Абай атындағы
Қазақ ұлттық педагогикалық университеті

ХАБАРШЫ
«Филология ғылымдары» сериясы
№1 (91), 2025 ж.

Шығару жиілігі – жылына 4 нөмір.
2000 ж. бастап шығады.

Бас редактор:
филол.ғ.д., проф. **Абишева С.Д.**

Бас редактордың орынбасары:
филол. ғ. д., проф. **Есенова К.У.**
Ғылыми редактор:
PhD, қауымд. проф. м.а. **Сабирова Д.А.**

Редакциялық алқа:
филол. ғ. к., қауымд. проф. **Жиренов С.А.**
филол. ғ. к., қауымд. проф. **Сатемирова Д.А.**
филол.ғ.д., проф., Әл-Фараби ат. ҚазҰУ
Джолдасбекова Б.У.
пед.ғ.д., проф., әл-Фараби ат. ҚазҰУ
Салханова Ж.Х.
филол.ғ.д., проф., ҚазҰҚызПУ
Киынова Ж.К.
PhD, қауымд. проф.м.а., Т. Жүргенов ат. Қазақ ұлттық өнер академиясы
Жалалова А.М.
филол.ғ.д., доцент, Таулы Алтай мемлекеттік университеті
Алексеев П.В. (Ресей)
филол. ғ.д., проф., Ресей халықтар достығы университеті **Бахтикереева У.М.** (Ресей)
филол.ғ.д., проф., Варминь-Мазур университеті
Киклевич А.К. (Польша)
PhD, проф., Джордж Вашингтон университеті
Роллберг П. (АҚШ)
PhD, проф., Орталық Ланкашир университеті
Табачникова О.М. (Ұлыбритания)

Жауапты хатшы:
PhD, қауымд.проф. м.а. **Серикова С.К.**

Техникалық хатшы:
филол.ғ.к., қауымд. проф. **Османова З.Ж.**

© Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, 2025

Қазақстан Республикасының Мәдениет және ақпарат министрлігінде 2009 жылы мамырдың 8-де тіркелген №10109-Ж

Басуға 28.03.2025 қол қойылды.
Пішімі 60x84 1/8. Көлемі 19,00 е.б.т.
Тапсырыс 250.

050010, Алматы қаласы,
Достық даңғылы, 13.
Абай атындағы ҚазҰПУ

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің «Ұлағат» баспасы

МАЗМҰНЫ
СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT

ТІЛ БІЛІМІ
ЛИНГВИСТИКА
LINGUISTICS

Жиренов С.А., Ержанқызы Ә. Қазақ тілінің синонимдерін психолингвистикалық әдіспен зерттеу жолдары……..... 5
Жиренов С.А., Ержанқызы Ә. Способы изучения синонимов казахского языка методом психолингвистики
Zhirenov S., Yerzhankyzy A. Ways of studying synonyms of the Kazakh language using the method of psycholinguistics

Молдагалиева Р.Ш., Бигалиева А.С. Метафорическая интерпретация звуков природы и техники в русском, казахском и английском языках.....……..... 13
Молдагалиева Р.Ш., Бигалиева А.С. Орыс, қазақ және ағылшын тілдеріндегі табиғат пен техниканың дыбыстарын метафоралық интерпретациялау
Moldagaliyeva R., Bigaliyeva A. Metaphorical interpretation of natural and technological sounds in Russian, Kazakh, and English languages

Пашан Д.М. Қызбалаға қойылатын есімдер: заманауи ұстанымдар……... 20
Пашан Д.М. Имена для девочек: современные позиции
Pashan D. Names for girls: modern positions

ӘДЕБИЕТТАНУ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
LITERARY STUDIES

Abisheva S., Abuova B. Berdibek Sokpakbayev's creativity in the field of children's literature (1924-1991)……..... 30
Абишева С.Д., Абуова Б.П. Бердібек Сокпақбаевтың балалар әдебиеті саласындағы шығармасы (1924-1991)
Абишева С.Д., Абуова Б.П. Творчество Бердибека Сокпакбаева в области детской литературы (1924-1991)

Мустояпова А.Т. Природа мистического в романе Тони Мориссон «Возлюбленная»……. 36
Мустояпова А.Т. Тони Моррисонның «Сүйікті» романындағы мистиканың табиғаты
Mustoyapova A. The nature of the mystical in Toni Morrison's novel “Beloved”

Казахский национальный педагогический университет имени Абая

ВЕСТНИК
Серия «Филологические науки»
№1 (91), 2025 г.

Периодичность – 4 номера в год.
Выходит с 2000 года.

Главный редактор
д.филол.н., проф. **Абишева С.Д.**

Зам. гл. редактора
д.филол.н., проф. **Есенова К.У.**
Научный редактор
PhD, и.о.ассоц.проф. **Сабирова Д.А.**

Редакционная коллегия:
к.филол.н., ассоц. проф. **Жиренов С.А.**
к.филол.н., ассоц. проф. **Сатемирова Д.А.**
д.филол.н., проф., КазНУ имени Аль-Фараби **Джолдасбекова Б.У.**
д.пед.н., проф., КазНУ имени Аль-Фараби **Салханова Ж.Х.**
д.филол.н., проф., КазНацЖенПУ **Киынова Ж.К.**
PhD, и.о.ассоц.проф. КазНАИ имени Т.Жургенова **Жалалова А.М.**
д.фил.н., доцент, Горно-Алтайский государственный университет **Алексеев П.В.** (Россия)
д.филол.н., проф., РУДН **Бахтикереева У.М.** (Россия)
д.филол.н., проф., Варминьско-Мазурский университет **Киклевич А.К.** (Польша)
PhD, проф., Университет Джорджа Вашингтона **Роллберг П.** (США)
PhD, проф., Университет Центрального Ланкашира **Табачникова О.М.** (Великобритания)

Ответственный секретарь:
PhD, и.о.ассоц.проф. **Серикова С.К.**

Технический секретарь:
к.филол.н., ассоц. проф. **Османова З.Ж.**

© Казахский национальный педагогический университет им. Абая, 2025

Зарегистрировано
в Министерстве культуры и информации РК
8 мая 2009 г. №10109-Ж

Подписано в печать 28.03.2025.
Формат 60x84 1/8. Объем 19,00 уч-изд.л.
Заказ 250.

050010, г. Алматы,
пр. Достык, 13. КазНПУ им. Абая

Издательство «Ұлағат»
Казахского национального педагогического университета имени Абая

Серикова Л.А. Переплетение идентичностей: «Свой – чужой – другой» в рассказах С.А. Муминова…… 48
Серикова Л.А. Тұлғалардың тоғысуы: «Өзіндік – бөтен – басқа» С.А. Муминовтың әңгімелерінде
Serikova L. The interweaving of Identities: "Friend – Foe – Other" in the Stories of S.A. Muminov

Sylam D., WenLiang Q. Unfinished projects: the transformation of urban literary writing paradigms in China since the new century……. 58
Сылам Д., Вэньлян Ц. Аяқталмаған жобалар: жаңа ғасырдан бергі Қытайдағы қалалық әдебиеттің жазу парадигмаларының трансформациясы
Сылам Д., Вэньлян Ц. Незавершенные проекты: трансформация парадигм городской литературной письменности в Китае с начала нового века

Умирханова Ш.А., Орынханова Г.А. Национальная идентичность и культурная память в рассказе Бахытжана Канапьянова «Бахчисарай»…….. 70
Өмірханова Ш.Ә., Орынханова Ғ.А. Бақытжан Канапьяновтың «Бақшасарай» әңгімесіндегі ұлттық болмыс пен мәдени жады
Umirkhanova Sh., Orynkhanova G. National identity and cultural memory in Bakhytzhan Kanapyanov's story "Bakhchisaray"

ПЕДАГОГИКА МЕН ӘДІСТЕМЕ МӘСЕЛЕЛЕРІ
ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ И МЕТОДИКИ
PROBLEMS OF PEDAGOGY AND METHODOLOGY

Жиндеева И.А. Практика использования лакунизации в системе сравнительно-сопоставительного изучения художественных произведений…… 78
Жиндеева И.А. Көркем шығармаларды салыстырмалы зерттеу жүйесінде лакунацияны қолдану тәжірибесі
Zhindeeva I. The practice of using lacunization in the system of comparative study of works of fiction

Ибраева Ж.Б., Курманчакова А.Э. Содержание и методика преподавания фольклора в школе: морфология волшебной сказки……. 91
Ибраева Ж.Б., Құрманчакова А.Е. Мектепте фолклорды оқытудың мазмұны мен әдістері: сиқырлы ертегінің морфологиясы
Ibrayeva Zh., Kurmanchakova A. Content and methodology of teaching folklore at school: morphology of a fairy tale

Молдагали М.Б., Асылбекова М.С., Проскурина Л.В. Звукоцветовой анализ стихотворений А.А. Блока о весне на уроках литературы в школе……. 100

Abai Kazakh National Pedagogical University

BULLETIN
Series "Philological Sciences"
No. 1 (91), 2025.

Periodicity - 4 issues per year.
Published since 2000.

Editor-in-chief
Doctor of Philological Sciences, Professor **Abisheva S.**

Deputy Editor-in-chief
Doctor of Philological Sciences, Professor
Essenova K.
Scientific Editor
PhD, Associate Professor **Sabirova D.**

Editorial board
Candidate of Philological Sciences, Associate Prof.
Zhirenov S.
Candidate of Philological Sciences, Associate Prof.
Satemirova D.
Doctor of Philological Sciences, Prof., Al-Farabi Kazakh National University **Dzholdasbekova B.**
Doctor of Pedagogical Sciences, Prof., Al-Farabi Kazakh National University **Salkhanova Zh.**
Doctor of Philological Sciences, Prof., Kazakh National Women's Teacher Training University **Kiynova Zh.**
PhD, Associate Prof., T. Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts **Zhalalova A.**
Doctor of Philological Sciences, Prof., RUDN
Bakhtikireeva U. (Russia)
Doctor of Philological Sciences, Associate Prof., Gorno-Altaysk State University
Alekseyev P. (Russia)
Doctor of Philological Sciences, Prof., University of Warmia and Mazury **Kiklewicz A.** (Poland)
PhD, Prof., George Washington University **Rollberg P.** (USA)
PhD, Prof., University of Central Lancashire
Tabachnikova O. (The United Kingdom)

Executive Secretary
PhD, Associate professor **Serikova S.**
Technical Secretary
Candidate of Philological Sciences, Associate professor
Osmanova Z.

©Abai Kazakh National Pedagogical University, 2025

Registered
in the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan
8 May 2009 No10109-Zh/Ж

Signed in print 28.03.2025
Format 60x84 1/8. Volume 19,00
teaching and publishing lists.
Order 250.

050010, Almaty, Dostyk avenue 13,
Abai KazNPU

Publishing House "Ulagat" of the Abai Kazakh National Pedagogical University

Молдағали М.Б., Асылбекова М.С., Проскурина Л.В. А.А. Блоктың көктем туралы өлеңдерін дыбыстық-түсті талдау мектепте әдебиет сабағында
Moldagali M., Assylbekova M., Proskurina L. Sound and color analysis of A.A. Blok's poems about spring in literature lessons at school

Назарбекова Г.А. Изучение английского языка через искусственный интеллект: новые горизонты обучения.. 111
Назарбекова Г.А. Жасанды интеллект арқылы ағылшын тілін үйрену: оқытудың жаңа көкжиектері
Nazarbekova G. Learning English through artificial intelligence: new horizons of learning

Оспанов Е., Иманғали Ө. Ағылшын тілінің басым тіл ретінде қазақстандағы білім беруде басқа тілдерге әсері қандай? 125
Оспанов Е., Имангали О. Каково влияние английского языка как доминирующего языка на другие языки в системе образования Казахстана?
Ospanov Y., Imangali O. What is the impact of English as a dominant language on other languages in Kazakhstan's education system?

АУДАРМАТАНУ
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ
TRANSLATION STUDIES

Жаткин Д.Н., Сердечная В.В. И.М. Сабашников (Юринский) – переводчик Эдвина Арнольда..... 135
Жаткин Д.Н., Сердечная В.В. И. М. Сабашников (Юринский) – Эдвин Арнольдтың аудармашысы
Zhatkin D., Serdechechnaya V. I.M. Sabashnikov (Yurinsky) – translator of Edwin Arnold

Біздің авторлар..... 147
Наши авторы..... 149
Our authors..... 151

ТІЛ БІЛІМІ
ЛИНГВИСТИКА
LINGUISTICS

ҒТАМР 16.21.21 10.51889/2959-5657.2025.91.1.001

**Жиренов С.А.[1], Ержанқызы Ә.[2]*
[1,2]Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Алматы, Қазақстан
**e-mail: Saken82@mail.ru*
e-mail: erzhankyzy91@gmail.com

ҚАЗАҚ ТІЛІНІҢ СИНОНИМДЕРІН ПСИХОЛИНГВИСТИКАЛЫҚ ӘДІСПЕН ЗЕРТТЕУ ЖОЛДАРЫ

Аңдатпа

Мақала синонимдерді кешенді талдаудың құрамдас бөлігі – психолингвистикалық тәсілдің тиімділігін дәлелдеуге арналған. Қазіргі қазақ тілінің сөз байлығын дамыту арқылы тілдің өміршеңдігін арттыру үрдісі қалыптасты. Тілдің сөз байлығының басты көрсеткіші – синонимдер деп танысақ, оның дамуындағы өзгерістерді айқындау арқылы тілдің даму динамикасын да анықтауға болады деген сөз. Сондықтан синонимдік қатардың кеңею немесе тарылу үдерісін кешенді зерттеу аса маңызды. Мақалада қазіргі қазақ тілінің синонимдер сөздігін кешенді толықтыру қажеттілігі және оны шешу жолдары ұсынылды. Тіліміздегі синонимдер қатары лексикалық қабатты толық қамтымаған, лексикалық синонимдермен шектелген. Авторлық окказионалды қолданыстар, тұрақты тіркестер, тұрақты теңеулер, бейнелі сөздер мен перифразалар синонимдік қатарға енбеген. Ендеше мағыналас бейнелі қолданыстар адамның ассоциациялық және стереотиптік танымынан туындайтын қарабайыр және ойбейнелерінің тілдегі көрініс болғандықтан синонимдік қатардан орын алуы тиіс. Синонимдес бірліктер қатары көп болған сайын, тілдің құндылығы артатынын мағыналас сөздерге психолингвистикалық тәсілдер арқылы талдау жасау негізінде дәлелденді. Осының негізінде мақаланың мақсаты – синонимдерді психолингвистикалық әдіспен зерттеуге болатынын дәйектеу. Мақалада ассоциа-тивтік талдау тәсілі, орын ауыстыру тәсілі, интиутивтілік тәсілі, стереотиптік таным тәсілдерінің тиімділігі дәлелденді.

Түйін сөздер: синоним, лингвистика, синонимдік қатар, бейнелі сөздер, семантика, психолингвистика

**Жиренов С.А.[1], Ержанкызы А.[2]*
[1,2]Казахский национальный педагогический университет им. Абая
Алматы, Казахстан
**e-mail: Saken82@mail.ru*
e-mail: erzhankyzy91@gmail.com

СПОСОБЫ ИЗУЧЕНИЯ СИНОНИМОВ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА МЕТОДОМ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Аннотация

Целью статьи является доказательство эффективности психолингвистического подхода, который является составной частью комплексного анализа синонимов. За счет развития словарного запаса современного казахского языка сформировалась тенденция повышения жизнеспособности языка. Основным показателем словарного запаса языка являются синонимы,

а это значит, что динамику развития языка можно определить, выявляя изменения в его развитии. Поэтому, комплексное исследование процесса расширения или сокращения синонимического ряда очень важно. В статье предложена необходимость комплексного дополнения словаря синонимов современного казахского языка и пути ее решения. Спектр синонимов в нашем языке не охватывает полностью лексический пласт, он ограничивается лексическими синонимами. В состав синонимии не включаются авторские окказиональные словоупотребления, регулярные словосочетания, регулярные сравнения, образные слова и парафразы. Поэтому среди синонимов должны иметь место образные обороты со смысловым значением, поскольку они являются выражением в языке примитивных и стереотипных человеческих мыслей. На основе психолингвистического анализа слов-синонимов доказано, что увеличивается количество синонимических единиц, возрастает ценность языка. Исходя из этого, цель статьи – продемонстрировать, что синонимы можно изучать психолингвистическим методом. В статье доказывается эффективность метода ассоциативного анализа, метода смещения, метода интуиции и стереотипных методов познания.

Ключевые слова: синоним, лингвистика, синонимический ряд, образные слова, семантика, психолингвистика

*Zhirenov S.A.[1], Yerzhankyzy A.[2]
[1,2] Abai Kazakh National Pedagogical University
Almaty, Kazakhstan
*e-mail: Saken82@mail.ru
e-mail: erzhankyzy91@gmail.com

WAYS OF STUDYING SYNONYMS OF THE KAZAKH LANGUAGE USING THE METHOD OF PSYCHOLINGUISTICS

Abstract

The purpose of the article is to prove the effectiveness of the psycholinguistic approach, which is an integral part of a comprehensive analysis of synonyms. Due to the development of the vocabulary of the modern Kazakh language, a tendency has been formed to increase the vitality of the language. The main indicator of the vocabulary of a language is synonyms, which means that the dynamics of language development can be determined by identifying changes in its development. Therefore, a comprehensive study of the process of expansion or contraction of the synonymous series is very important. The article proposes the need for a comprehensive addition to the dictionary of synonyms of the modern Kazakh language and ways to solve it. The range of synonyms in our language does not completely cover the lexical layer; it is limited to lexical synonyms. Synonymy does not include the author's occasional word usage, regular phrases, regular comparisons, figurative words and paraphrases. Therefore, among synonyms there should be figurative phrases with semantic meaning, since they are an expression in the language of primitive and stereotypical human thoughts. Based on the psycholinguistic analysis of synonymous words, it has been proven that the number of synonymous units increases and the value of language increases. Based on this, the purpose of the article is to demonstrate that synonyms can be studied using the psycholinguistic method. The article proves the effectiveness of the method of associative analysis, the displacement method, the method of intuition and stereotypical methods of cognition.

Keywords: synonym, linguistics, synonymic series, figurative words, semantics, psycholinguistics

Кіріспе. Тіл білімінің антропоөзектік бағытта зерттелуі әсіресе сөз мағынасын анықтауда маңызы жоғары. Сөз мағынасының өзгерісін айқындайтын категориялардың бірі – синонимдер. Адам сөз жасаумен қатар, сөз мағынасын толықтырушы да саналады. Ендеше санада қалыптасқан ұғымға атау беріп, оны түрлі мағынада қолданысқа енгізетін адамның сөз жасау

үдерісінде танымы, көңіл-күйі, бағалауы, сипаттауы, т.б. жан дүниесі ұғымды барынша дәл танытудың тетігі болады. Тілдің бойындағы адамтанымдық әрекеттерді синонимдік қатардың кеңею және тарылу үдерісінен байқалады. Синонимдер – адамзаттың белгілі бір зат не құбылысқа бағалау және сипаттау әрекетінен туған санадағы ойдың тілдік көрінісі. Сондықтан синонимдерді бағалауыш, сипаттауыш мағыналарға ажыратып зерттеу тиімді тәсіл саналады. Ол үшін адамтанымдық лингвистика аясына енетін психолингвистика әдістері негізге ала отырып, тілдегі синонимдердің табиғатын жаңаша тануға болады.

Синонимия мәселесі құрылымдық лингвистиканың негізгі категорияларының бірі болғанымен, оның даулы мәселелері көп екенін жасыруға болмайды. Синонимия құбылысы мағына ажыратушы қызметімен ерекшеледі. Ал мағына – ой мен танымның тілдегі көрінісі. Сондықтан тіл білімінде мағынаға қатысты мәселелер құрылымдық лингвистика шеңберіндегі тұрақты формулаларға бағына бермейді. Адам танымы кеңейген сайын тіл мағынасындағы динамикалық өзгеріс те оны түрлендіруге әкеледі. Сондықтан синонимия құбылысындағы басы ашылмаған мәселелерді антропоцентристік парадигмада қарастыру тиімді болады.

Құрылымдық-жүйелік лингвистика синонимияны ментальды-лингвистикалық категория ретінде қарастырмағандықтан, тек қана тілдік құбылыс ретінде, синонимдерді қатып қалған жүйе ретінде зерттейтіндіктен, синонимияның табиғатын ашатын, әсіресе олардың сөйлеудегі табиғи қызметіне дәл анықтама тұжырымдалмады. Танымның ақиқат теориясы зат не құбылыстың шынайы мәнін анықтау үшін әлемдегі ақиқат дүниелермен байланыстыруға ұмтылады, ақиқаттың мәнін дәл анықтау заттың концептуалдануы және категорияланыуын қажет етеді.

Синонимдерді психолингвистикалық аспектіде зерттеу оның тілдік сипаттамаларымен анықталатын өте күрделі мәселелерін шешуде аса маңызды саналады. Мысалы: синонимдердің көп мағыналылығын, референциясының белгілі немесе белгісіз болуын, институционалды дискурста жүзеге асырылатын синонимдік қатынастар жүйесін, сонымен қатар тілден тыс факторлар: контекст пен жағдаяттағы синонимдердің мағыналық тепе-теңдігін, коммуникаторлардың өзара байланыстары кезіндегі, сөйлеушінің аялық білімі (фоновое знание), коммуникативті мақсаттары мен ниеттері (оның стратегиясы мен тактикасы) бойынша синонимдердің сәйкестігін, оларды бір тілден екінші тілге аударудағы қиындықтарды анықтауда синонимдердің семантикалық өзгерісіне психолингвистикалық тұрғыдан талдау қажеттілігі туындайды.

Әдістер мен материалдар. Синонимдерді психолингвистикалық әдіс бойынша зерттеу үшін «Қазақ тілінің синонимдер сөздігі» (2005) мен «Жалпы білім берудегі қазақ тілінің жиілік сөздігі» (2016) негізгі дереккөз ретінде пайдаланылады. Зерттеудің негізгі әдісі – психолингвистикалық әдіс, ассоциациялық әдіс, жиілік анықтау әдісі (статистикалық әдіс) болды. Психолингвистикалық зерттеу барысында дәстүрлі компонеттік талдау әдісі сөздердің семантикалық ұқсастығын толық анықтауға жеткіліксіз екендігін көрсетті. Себебі қазіргі қазақ тілінің сөзқолданысында ана тілінде сөйлейтін тіл иелмендері сөз мағынасын ауыстыруда интуитивті танымға сүйенеді. Мәнмәтінде авторлық қолданыстағы мағыналас сөздер қатары көбеюде. Бұл – тілдік қолданыстағы субъективтіліктің басым екенін аңғартады. Е.В.Глазунова мен А.С.Стерннің пікірінше, субъективтіліктен аулақ болу сөздердің жақындығының барабар өлшемін анықтай алатын психолингвистикалық әдістерді қолдану тиімді саналады [1, 27]. Ю.Сазонованың пікірінше: «Синонимдік қатардағы сөздердің жиілігі мағыналық қолданыста айқындалады» [2, 46]. Е.Глазанованың зерттеуі бойынша: «Сөздердің мағыналық жақындығын бір жүйедегі тұтастай мағыналық ұқсастық деуге келмейді» [3, 20]. Осындай психолингвисти-калық зерттеулерді сараптай келгенде, синонимдік қатарды құратын мағыналас сөздерді анықтауда ассоциациялық түсінік те, бағалауыштық таным да, сөздердің жиілігі де қатаң ескерілуі қажеттігін көрсетеді. Бұл тәсілдердің барлығы – психолингвистикалық зерттеу аспекті-сінде анықталатын әрекеттер.

Психолингвистикалық тұрғыдан А.А.Залевская [4] мен С.В.Лебедеваның [5] еңбектерінде синонимияны адамтанымдық аспектіде зерттеу маңыздылығы туралы кеңінен қарастырылады. Бұл зерттеуде ана тілінде сөйлейтіндер үшін дәстүрлі түрде синоним болып саналмайтын сөздер

мағынасы жағынан жақын екендігі көрсетілген. Сөз мағынасы көп болған сайын, яғни бір сөздің көпмағыналылық қатары кеңейген сайын, синонимдес сөздер қатарын да ұлғайтады. Бір сөздің әртүрлі мәнмәтінде қолданысына қарай мағыналық реңкін ажырата беру мағыналастар қатарын көбейтеді. Жаңа семантикалық байланыстарды қалыптастыруға ынталану – бұл салыстыру актісі болып табылады. Ғалымдардың пайымдауынша, синонимдердің типтері былайша ажыратылады: біріншісі – дәстүрлі синонимдік қатар – абсолютті синонимдер және екіншісі – тіл иелмендерінің сөздің семантикалық жақындығын сезініп қолданудан туындаған мағыналас қатарлар. Екінші типі психолингвистикалық қағида бойынша қалыптасқан сөздікке ілініп үлгермеген синонимдер қатары. Қазақ тіл білімінде синонимдерді қарастырған ғалым Ә.Болғанбаевтың зерттеуінде де синонимдік қатардың қалыптасуы адамтанымдық қағидаға негізделетіні айтылады [6, 477]. Сондай-ақ ғалым Б.Әбілқасымов ұғымдық жақындығы бар тұрақты тіркестерді синонимдік фразеологизмдер деп атайды [7, 88]. Тіліміздегі синонимдерді антропоцентристік тұрғыдан шолу жасаған ғалымдардың бірі Л.Бегалиева: «Қарындас деген сындық мағыналы (бір қарында жатқан) сөз заттық ұғымға ауысып, семантикалық тәсіл арқылы транспозицияланады. Қазіргі қазақ тілі тұрғысынан қарындас, сіңлі сөздерінің мағынасын тарылған деп есептейміз. Мағынаның тарылуы да мағыналық даму деп аталады. Қанша уақыт өтсе де қарындас, сіңлі сөздерінің когнитивтілігі өз мәнін жойған жоқ. Мағыналық өзгеруге түскенімен, уәжділік сипаттарының бір қыры, антропоцентристік танымның бір ізі, табы қалғандығы көрініп тұр» [8, 181]. Б.Сағындықұлы, Ж.Аманжанованың зерттеулерінде синонимдердің семантикалық және қолданыстық реңктерін ажырату аса маңызды екенін айтылады да зауық/тәбет синонимдері әрқашан мағыналас емес екенін дәлелдейді [9, 87]. Сондай-ақ синонимдердің қатарын кеңейтетін тетік – мағына алмастырушылық қасиеті екенін профессор Ф.Оразбаева да дәлелдеген болатын: «Синонимдер мағыналары жақын сөздер, дегенмерн, мағыналалы тепе- тең болуы шарт деген түсінік тумауы керек. Мағынасы ұқса сөздердің контексте бірін-бірі алмастыра алу қабілеті – көмекші белгісі» [10, 25].

Байқағанымыздай, қазақ тіл білімінде синонимдердің зерттелуі адамның дискурс барысында сөздерді мағына қолданысына қарай пайдаланады. Сол арқылы синонимдік бірліктер кеңейіп әрі жүйеленіп, мәтіндегі қолданыстағы мағыналарының ара жігін ажыратуға елеулі септігін тигізетіндігі байқалады. Бұл зерттеулер адамтанымдық немесе психолингвистикалық бағыттағы әдістер деп аталмағанымен, адамның қабылдауы, сезінуі, қалауы/қаламауы, санада және көңілге қону/қонбауы арқылы анықталады.

Натижелер және талқылау. 2016 жылғы «Қазақ тілінің синонимдер сөздігі» бойынша тілімізде шамамен 3600-ден аса синонимдік қатар бар. Бұл қатар жылдан жылға қосылу үстінде. Сондай-ақ синонимдік қатар реестрі де кеңейе түсуде. Демек, тіліміздің даму қарқыны жоғары. Әдетте көпмағыналылық мағынаны көбейтетін болса, синонимдер атауды көбейтеді де, әсерлі, бейнелі, толымды, түсіндірімді сөйлеуге ықпал етеді. Демек, тіліміздегі синонимдер – әрі сөздік қорды да, әрі мағына қорын да дамытушы категория.

Синонимдік қатардағы мағыналастардың көбейіне ең алдымен адамзаттың ассоциативті танудан туындаған қолданысы ықпал етеді. Сөз еркіндігінің салдарынан жағымды/жағымсыз бағалаудан адамдардың танымында ассоциациялық танымды бүкпесіз айту үрдісі қалыптасты. Ойды әсірелеп жеткізудің негізінде бейнелі-ассоциативті сөзқолданыстар пайда болады. Мысалы: *Балалар үйіндегі **жәутеңкөздер** ештеңеге мұқтаж емес пе? Медициналық қызмет, білім беру ісі дұрыс жолға қойылды ма?* Деген сөйлемдердегі «**жәутеңкөздер»** жеке лексема күйінде әртүрлі мағына беруі мүмкін: 1. Мүмкіндігі шектеулі жан; 2. Қараусыз қалған қарт; 3. Жетім. Бірақ сөйлемде «балалар үйіндегі» сөзімен тіркесуі арқылы жетім мағынасында қолданылғанын нақтыланады. Демек, жетім ұғымының контекстегі мағыналасы – жәутеңкөз деген қорытынды жасауға болады. Qazkorpus.kz сайтында [11], яғни Қазақ тілінің ұлттық корпусында жәутеңкөз (жетім мағынасында) – 5 рет қолданылған. Ал goole.kz деректері бойынша жәутеңкөз жиілігі – 223 рет қолданысты көрсетіп тұр. Ал «Қазақ тілінің синонимдер сөздігінде» [12, 261] жәутеңкөз кездеспейді: жетім синонимдер қатары – жетімек, панасыз, ата-

анасыз деген мағыналастармен шектелген. Жетім мағынасын дәлме-дәл ассоциациялайтын – жәутеңкөз осы синонимдер қатарынан орын алуы тиіс деп санауға болады. Себебі бұл – қазақ халқының ассоциациялық танымынан туындаған жалпыхалықтық қолданысқа еніп бара жатқан сөзқолданыс. қазақ әдеби тілінің сөздігінде 15 томдығында жәутеңкөз – жаутаңкөзге сілтенген [13]. Жаутаңкөз – жадырай, мөлдірей қарайтын мағынада деп анықталған. Демек, қазақ әдеби тілінің сөздігіне жәутеңкөздің екінші мағынасы – жетім мағынасын да түсіндіріп, мысалдармен дәйектеп беру болашақтың ісі екендігін көрсетеді.

Сондай-ақ қазіргі синонимдер сөздігіне енбеген *ойынхана – құмархана – құмаройынхана – казино* тізбегіндегі әрбір мағыналас сөздер де адамның танымдық санасынан, ассоциациялану үрдісінен туындаған. Қазақ тілінің ұлттық корпусында құмархана – 8 рет, ойынхана – 2 рет сөзқолданыста болғаны тіркелген. Ал goole.kz жиілігі бойынша құмархана – 82800 рет, ойынхана – 157000 рет қолданыс тапқан. Казино атауын қазақ тіліне аудару барысында қазақтың ассоциациясы бойынша құмар ойындарға әуестік, құмарлық (азарт) бірінші мағынасы болғаны дәйектеледі. Себебі «құмар ойын» тіркесі де, «құмаройын» біріккен формасы да қолданыс жиілігі бойынша (1 млн сөзқолданыс) басымдыққа ие болып тұр. Ендеше «құмаройынхана – құмархана – ойынхана – казино» синонимдік қатары осы реттілікпен сөздіктерге ену тиіс саналады. Себебі синонимдер қатарын түзуде ассоциациялық таным жиілігі және жиілік басымдығы бірінші ескеріледі.

Синонимдерді психолингвистикалық әдіспен зерттеудің тағы бір жолы – мағыналас сөздердің орын алмастыру қызметінің тоқтауын анықтау. Мысалы, қазақ тілінің синонимдер сөздігіндегі «ЖАНҰЯ – отбасы – үйелмен – түтін – шаңырақ – үй іші» синонимдік қатарының реттілігі өзгерді. Қазір жанұя сөзі белсенділігі төмен саналады. «Отбасы» – бірінші қатарға шықты және жиілігі ұлғайды. Қалған мағыналастарын орын алмастыруға қолдану үдерісі де тоқтады. Оған басты себеп – адамның негізгі тұтынуындағы ұғымдардың атауына берілуі. Мысалы: оқулықтағы «Отбасы құндылықтары» тақырыбы, «Отбасы» ипотекалық бағдарламасы, «Отбасы» спартакиадаларының атауы синонимдік қатардың көшін бастап тұрған ЖАНҰЯ сөзін ығыстырды, тіпті қолданыстан алшақтап та қалғандығын байқауға болады. Бұл да – адам психологиясына ықпал етудің бір жолдары. Демек, қазақ тілінің синонимдер сөздігіндегі қатар «ОТБАСЫ – жанұя – үйелмен – түтін – үй іші» деп өзгертуді қажет етеді. Себебі мағыналас сөзді іздеуші оқырман отбасының мағыналастарын оңай табуы тиіс.

Синонимдерді психолингвистикалық әдіспен зерттеудің тағы бір жолы – атаужасамдағы интуитивтілік (түйсік таным). Мәселен, «командировка» терминіне қазақша балама атау беруде іссапар мен жолсапар лексемалары жарыспалы түрде қолданылды. Бірақ екі атау да қазақ танымындағы интуициядан туындады. Бірқатарларының танымында іске қатысты сапар болса, екіншілерінің түйсігінде жолға шығу, жол бүру басым критерий болды. ***Іссапар*** *– еңбек құқығында жұмыс берушінің өкімімен қызметкердің тұрақты жұмыс орнынан тыс жерде қызмет бабындағы тапсырманы орындау үшін белгілі бір мерзімге барып қайтуы (https://kk.wikipedia.org/).* ***Жолсапар*** *очерктері – журналистің белгілі бір аймаққа немесе елге сапары жайлы жазбалары (https://kk.wikipedia.org/).* Ресми құжаттарда теңмағыналас ұғымдар ретінде танылады. Qazkorpus.kz сайтындағы Қазақ тілінің ұлттық корпусында жолсапар – 43 рет, іссапар – 487 реттік көрсеткішті береді. Жалпы білім берудегі қазақ тілінің жиілік сөздігінде жолсапар – 7 рет; іссапар – 137 рет деп тіркелген [14, 718]. Ал 15 томдық қазақ әдеби тілінің сөздігінде іссапар анықтамасына ресми белгіленімі берілген. *ІССАПАР ресми. Кәсіпорын, ұйым, мекеме, фирма қызметкерінің қызмет бабындағы тапсырманы тұрақты жұмыс орнынан тыс жерде орындау үшін басшының өкімімен шығатын сапары.* Іссапар – терминдік атау. Ал «*ЖОЛСАПАР – қызмет, жұмыс бабымен тапсырылған істі орындау үшін басқа бір жерге бару бабындағы іссапар*» деген анықтамамен түсіндірілген. Демек, іссапар мен жолсапар теңмағыналас синонимдер. Қазіргі таңда ресми қолданыстағы іссапар синонимдік қатардың біріншісі болып рәсімделеді. Синонимдік сөздікке тіркелмеген, болашақта енгізілуі тиіс синонимдік бірліктер ретінде саналады.

Синонимдерді психолингвистикалық әдіспен зерттеудің тағы бір жолы – стереотиптік танымның тұрақталуы. Синонимдік қатарды толықтыратын – халықтық өзі. Егер мағыналас сөздің қолданыс жиілігі артса, онда сол сөз синонимдік қатарға енеді. Мәселен, «сараң» сөзі – қазіргі сөзқолданыста жағымсыз, дөрекі мағынаны білдіретін атау ретінде аз жұмсалады. «Сараң екен» немесе «сараң екенсің» десе, әрбір адамның көңіл күйі бұзылатыны анық. Оның орнына жұмсартылған мағынасы «шық бермес Шығайбай», «қолы тар», «қуса құмалақ түспейді», «қысты күні қар бермейді» секілді тұрақты тіркестері белсенділікке ие болады. Ал «*қарынбай – қарау – қарабай – пес – шығымсыз – сырдаң – қатты – сығырдаң*» сияқты мағыналастарының сөзқолданысы азайды. Демек, «сараң» сөзінің синонимдік қатарында фразеологизмдер реттілігі бойынша бірінші болады. Бұл – жалпыхалықтық коммуникацияда негатив сөздердің астарлы, бейнелі қолданысын пайдаланудың тиімділігі мен қолайлығының көрсеткіші. Бұл коммуникациядағы стереотиптердің тілдегі тұрақтылығын көрсетеді. Бейнелі стереотиптер әдетте жағымсыз ұғымдарды жұмсартып жеткізуде жиі қолданылады. Соның негізінде тілде тұрақталады да, әдеби тілдік қорға тіркеледі. Тиянақтау үшін тағы бір мысал келтірейік: «еңгезердей жігітсің» деген тіркестің мағыналық реңкінде жағымсыз сипат бар сияқты. Сондықтан оның орнына жағымды сипаттайтын «*екі иығына екі кісі мінгендей», «темсе темір үзетін», «қол аяғы балғадай» алып денелі, тұлғалы, иықты*, *қақпақтай, таудай, алпамсадай, қошқардай, нардай, алпамса, мауыздай, алып, еңгезердей, қапсағай, алпауыт, білдей, сойталдай, соқтауылдай, соқтандай, келепандай, сойталдай, дыңдай, зіңгіттей, сомаладай, сойдауыттай, бақандай, дығырдай, дардай, таудай, сойылдай, сомадай, соқтадай, дырдай, дыраудай* деген мағыналас қатарлары белсенділікке ие. Осы ойымыздың негізін ғалым Г.Смағұлова: «Нақты сезім түрлерін белгілеуде эмоцияны саралайтын экспрессиялық белгілер мағыналас фразеологизмдердің қатарларынан-ақ мен мұндалап тұрады. Себебі тірек сөз, тірек ұғымның өзінен кейде эмоционалдық мазмұнын байқауға болады» [15, 7]. Синонимдерді зерттеу мәселесі еуропалық ғылыми басылымдарда санадағы ассоциациялану ерекшелігі мен когнитивтік-синергетикалық аспектіде қарастырылуы мәндес сөздерге деген қызығушылықты көрсетеді. Мәселен, еуропалық басылым XLinguae журналында: «Les participants au test choisissent des synonymes pour les mots Janybek, Kazakh Khanate, par exemple: Janybek, Khan, Janybek – fondateur de la Horde Blanche, Horde Blanche – Horde Bleue, Horde Blanche – Desht-i Kipchak: antonymes: Janybek – Aboulkhaïr (ennemi) ; associations créées par l'implication du mot dans des rangées syntagmatiques, par exemple, combinaisons de mots: Janybek – Khan de l'Ak Horde, Grand Conseil de Janybek, quartier général de Janybek Khan» – деген теориялық тұжырым мен практикалық мысалдарда бір ұғымды қабылдаудағы адам санасындағы бейненің субъектінің когнитивтік әрекетіне тікелей қатысты екендігін көрсетеді. Бұл жерде зерттеушілер когнитивтік-синергетикалық аспектіге басымдық бергенімен санадағы ассоциацияның психолингвистикалық әрекет-тестікпен тікелей байланысқа түсетіндігі когнитивтік-синергетикамен сабақтастықта қарастырады [16, 73]. Бұл мәселеге қатысты профессор С.Бизақовтың зерттеуінше: «Белгілі бір ұғымды білдіретін мәндес сөздердің қатарын синонимдік қатар дейміз. Әрбір қатарда бір сөз басқа синонимдерге қарағанда басым айтылып, басқа сөздерді өзінің төңірегіне топтауға негіз болады» [17, 9].

Қазақ тілінің синонимдер сөздігі мағыналас фразеологизмдермен толықпаған. Біздіңше, толық синонимдер сөздігі лексикалық қабаттағы барлық мағыналас сөзқолданыстарды (жергілікті сөздер (диалектілер), фразеологизм, перифраза, жаңа/көне сөздер) қамтуы тиіс. Бейнелі перифразалар, тұрақты теңеулер мен тұрақты тіркестер, окказионалды қолданыстар, метафоралар, тіпті метонимиялар арасынан мағыналас сөзқолданыстар қатарын жасауға болады. Мысалы: «өлім» ұғымының синонимдік қатары – *ажал, қаза* сөздерімен шектелген. Ал публицистикалық және көркем стильдегі қазақ мәтіндерінде бұл сөздің мағынасын алмастыратын сөзқолданыстар өте көп. Мәселен: *Өлім – ақырет күні, тіршіліктің таусылуы, демнің үзілуі, ақ кебінге орану, келмеске кету, қайтыс болу, о дүниелік болу, жүрек тоқтау, мәңгілік ұйқы, жерге сіңу, табыт болу, бақилық болу, рухы ұшу, жан тапсыру, аруаққа айналу,*

дәм-тұзы таусылу, дүниеден өту, жазатайым болу, морт сыну, жан тәсілім қылу, жер қабу, желкесін қию, көз жұму, күні біту, көрге кіру, қайтпас сапарға кету, т.б. Осы аталған тұрақты фразалардың әрқайсысы – халықтың когницияльық танымынан, сезім мүшелері арқылы визуалды, тактильді тануы арқылы санада қалыптасқан ақиқат дүниенің тілдік бейнелері саналады.

Қазақ тілінде барлық сөздің лексикалық мағыналастары болуы мүмкін емес. Бірақ фразеологиялық мағыналастары кездеседі. Мысалы: «жұмысбасты» сын есімінің лексикалық синонимі жоқ, бірақ фразеологиялық мағыналастарынан синонимдік қатар құруға болады. *ЖҰМЫСБАСТЫ – жұмысы шаш етектен – мұрнынан шаншылу – мұршасы болмау – тыным таппау – тізе бүкпеу – ат үстінде жүру – қызыл танау болу – сіңбіруге мұршасы болмау*, т.б.

Орын ауыстыру – синонимдік қызметтің негізгісі болып саналады. Себебі мағыналардың өзара орын ауыстыру мүмкіндігіне ие болуы синонимдік операцияның басты категориялық белгісі деп танылады. Мағыналардың орнын ауыстыру қызметі нөлдік оппозиция (күмән келтірмейтін), толық эквивалентті (толық сәйкестік); дистрибуция (теңмағыналылар желісі) сияқты қабілеттерден тарайды. Мағыналардың орын ауыстыру қызметі – теңмағыналы сөздердің пайда болуынан туындайды. Теңмағыналы сөздердің қалыптасуын «тіл мен ой» қатынасындағы, яғни тілдік санадағы конструкция аясында анықталуы тиіс. Сондықтан синонимдердің басты қызметі – орын ауыстыру антропоцентристік лингвистика аясында когнитивті синонимдердің қатарын қалыптастырады. Когнитивті синонимдер – тілдік жүйедегі белгілі бір ұғымның мағыналас бірліктерінің жиынтығы. Когнитивтік синонимдерді құрайтын ассоциациялар мен стереотиптер мағыналас компоненттердің психолингвистикалық тәсілдер арқылы бір өріске жиналуының негізінде қалыптасады.

Синонимдердің орын ауыстыру қызметі стилистикалық мұқтаждықтан туындаған, себебі мәтін ішінде бір сөзді қайталай беруден гөрі орын ауыстыратын абсолютті теңмағыналы сөздерді болуы сөйленіс тәжірибесінен, сөздің стилистикалық мәдениетінен туындаған.

Синонимдік қатардың кеңеюі «архизм - историзм - неологизм» үштігі арқылы жүзеге асуда. Мәселен, «бастық - менеджер» синонимдерінің арасында қандай мағыналас тізбектер болатынын талдап көрелік: *бастық – басшы – басқарушы – директор – әкімші – менеджер – топ-менеджер*. Синонимдік қатардың кеңейгені соншалық, бірнеше тарихи оқиғаларды еске түсіреді. Демек, адамтанымда және қоғам сұранысында белгілі бір зат не құбылыс қолданыстан шықпаса да ұғымның атауы өзгереді екен. Бұл құбылыс синонимдік қатарды кеңейте түседі.

Бұнымен қоса белгілі бір зат не құбылыстың қызметі мен түр-сипаты қоғамның даму деңгейіне қарай өзгеретіні сияқты сол ұғымның атауына да өзгерістер енеді. Мәселен, «телефон» сонау 19 ғасырдан бері қолданыстағы қоғам сұранысындағы техникалық құрылғы негізгі атауын өзгертпегенмен, телефонның жаңа түрлерінің пайда болуына сай атауына да өзгерістер енгенін білеміз: *телефон – радиотелефон – ұялы телефон – модильді телефон – қалтафон – смартфон – айфон – мобильник*. Тілдегі бұл құбылыс та синонимдік қатардың кеңею қағидаттары болып саналады.

Қорытынды. Тіл біліміндегі антропоцентристік бағыттың дамуында синонимдер қатарын кеңейтуде психолингвистикалық тәсілдің қызметі маңызды. Синонимдерді психолингвистикалық аспектіде зерттеу арқы тіл иесі субъектінің сөз байлығының құзыреттілігін анықтауға болады. Коммуникация барысында субъектілердің сөз қолданыстарынан синонимдердің жиілігі олардың сөз байлығы мен ой байлығының балансын көрсетеді. Тілдегі синонимдер көркем әдебиеттерде ғана емес, тілдік коммуникация барысында да өзіндік қызмет атқарады. Адам когницияcында ойлау жүйесі басымдыққа ие болып, мағыналық аяны қалыптастырады.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Глазанова Е.В. Градуальное измерение вербальной лексики // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. – Вып. 4: Семантика и коммуникация: СПбГУ, 2006. – 256 с.

2. Сазонова Т.Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход. – Тверь, 2000. – 134 с.

3. Глазанова Е.В. Типы связей в ментальном лексиконе и экспериментальные методы их исследования. Автореф. дис... канд. филол. наук. – СПб., 2001. – 22 с.

4. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные работы. - Москва: Гнозис, 2005. – 543 с.

5. Лебедева С.В. Два подхода к исследованию лексической синонимии. // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста: межвуз. темат. сб. науч. трудов. - Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999. – С. 68-73.

6. Болғанбаев Ә. Сөз әлемі. – Алматы, 2018. – 536 б.

7. Әбілқасымов Б. Әбілғазы ханның «Түркі шежіресі» және оның тілі. – Алматы, 2001. – 246 б.

8. Бегалиева Л.Е. Қазақ тіліндегі синонимдердің зерттелуі мен жасалу жолдары // «Internftional conference building cultural dridges. Мәдениеттер тоғысындағы тіл, әдебиет, аударма және журналистика мәселелері» атты халықаралық конференция материалдары. – Алматы, 2013. – 480 б.

9. Сағындықұлы Б., Аманжанова Ж. Зат есімнен жасалған синонимдердің семантикалық және қолданыстық реңкі // әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің Хабаршысы. Филология сериясы. № 2 (178) 2020. – 159-165 бб.

10. Оразбаева Ф. Қазіргі қазақ тіліндегі сын есім синонимдер. – Алматы, 2018. – 128 б.

11. Қазақ тілінің ұлттық корпусы. – [Электронды ресурсы]. Кіру режимі: https://qazcorpus.kz/find/

12. Қазақ тілінің синонимдер сөздігі. – Алматы, 2005. – 720 б.

13. Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Т 6. – Алматы, 2011. – 800 б.

14. Жалпы білім берудегі қазақ тілінің жиілік сөздігі. – Алматы, 2016. – 1472 б.

15. Смағұлова Г. Мағыналас фразеологизмдер сөздігі. – Алматы, 2010. – 252 б.

16. Baikadamova A., Bizhkenova A., Sarsikeyeva G. The construction of meanings in a textual space: cognitive-lexical and cognitive-synergetic aspects [Structuration des sens dans l'espace textuel: les aspects cognitifs lexicaux et cognitifs synergiques] // XLinguae 16(4), 66-82. DOI: 10.18355/XL. 2023. ISSN 1337-8384, eISSN 2453-711X.

17. Бизақов С. Қазақ тілінің синонимдер сөздігі. – Алматы, 2022. – 587 б.

References:

1. Glazanova E.V. (1996). Gradual'noe izmerenie verbal'noj leksiki // Problemy sovremennogo teoreticheskogo i sinhronno-opisatel'nogo yazykoznaniya. – Vyp. 4: Semantika i kommunikaciya: SPbGU. – 256 b. [in Russian]

2. Sazonova T.U. (2000). Modelirovanie processov identifikacii slova chelovekom: psiholingvisticheskij podhod. – Tver'. – 134 b. [in Russian]

3. Glazanova E.V. (2001). Tipy svyazej v mental'nom leksikone i eksperimental'nye metody ih issledovaniya. Avtoref. dis... kand. filol. nauk. – SPb. – 22 b. [in Russian]

4. Zalevskaya A.A. (2005). Psiholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye raboty. - Moskva: Gnozis. - 543 b. [in Russian]

5. Lebedeva S.V. (1999). Dva podhoda k issledovaniyu leksicheskoj sinonimii // Psiholingvisticheskie issledovaniya znacheniya slova i ponimaniya teksta: mezhvuz. temat. sb. nauch. trudov. - Tver': Tverskoj gos. un-t. - B. 68-73. [in Russian]

6. Bolganbaev A. (2018). Soz alemi. – Almaty. – 536 b. [in Kazakh]

7. Abilkasymov B. (2001). Abilgazy hannyn «Tyrki shezhiresi» zhane onyn tili. – Almaty. – 246 b. [in Kazakh]

8. Begalieva L.E. (2013). Kazakh tilindegi sinonimderdim zerttelui men zhasalu zholdary // «International conference building cultural dridges. Madenietter togysyndagy til, adebiet, audarma zhane zhurnalistika maseleleri» atty halykaralyk konferenciya materialdary. – 480 b. [in Kazakh]

9. Sagyndykuly B., Amanzhanova Zh. (2020). Zat esimnen zhasalgan sinonimderdin semantikalyk zhane қoldanystyk renki // Al-Farabi atyndagy Kazakh ulttyk universitetinin Habarshysy. Filologiya seriyasy. № 2 (178). – 159-165 bb. [in Kazakh]

10. Orazbaeva F. (1988). Kazirgi kazakh tilindegi syn esim sinonimder. – Almaty. – 128 b. [in Kazakh]

11. Kazakh tilinin ulttyk korpusy. Retrieved from https://qazcorpus.kz/find/ [in Kazakh]

12. Kazak tilinin sinonimder sozdigi. (2005). Almaty. – 720 b. [in Kazakh]

13. Kazak adebi tilinin sozdigi. (2011). T 6. Almaty. – 800 b. [in Kazakh]

14. Zhalpy bilim berudegi kazak tilinin zhiilik sozdigi. (2016). Almaty. – 1472 b. [in Kazakh]

15. Smagulova G. (2010). Magynalas frazeologizmder sozdigi. Almaty. – 252 b. [in Kazakh]

16. Baikadamova A., Bizhkenova A., Sarsikeyeva G. (2023). The construction of meanings in a textual space: cognitive-lexical and cognitive-synergetic aspects [Structuration des sens dans l'espace textuel: les aspects cognitifs lexicaux et cognitifs synergiques] // XLinguae 16(4), 66-82. DOI: 10.18355/XL. 2023. ISSN 1337-8384, eISSN 2453-711X.

17. Bizakov S. (2022). Kazak tilinin sinonimder sozdigi. – Almaty. – 587 b. [in Kazakh]

МРНТИ 16.21.45 10.51889/2959-5657.2025.91.1.002

**Молдагалиева Р.Ш.[1], Бигалиева А.С.[2]*
**[1]Медицинский университет Астана*
Астана, Казахстан
[2]Городской научно-методической центр новых технологий образовании
Алматы, Казахстан
**e-mail: moldagaliyeva66@mail.ru*
e-mail: aiman_bigalieva@mail.ru

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗВУКОВ ПРИРОДЫ И ТЕХНИКИ В РУССКОМ, КАЗАХСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация

В статье были проанализированы метафорические употребления глаголов речи, основанные на звуках природы и техники, в русском, казахском и английском языках. Исследование направлено на выявление закономерностей метафоризации и ее различий в трех языковых системах. Особое внимание было уделено глаголам, обозначающим звуки грома, воды и механические шумы, а также их семантическим особенностям. Анализ материала, извлеченного из Национального корпуса русского языка, Алматинского корпуса казахского языка и Британского национального корпуса английского языка, показал, что звуки природы метафорически связаны с эмоциями и тембром голоса, тогда как звуки техники передают индивидуальные особенности речи человека. Работа способствует более глубокому пониманию механизмов метафоризации, языкового мышления и межкультурных различий.

Ключевые слова: метафора, глаголы речи, звуки, звуки природы, звуки техники

*Молдагалиева Р.Ш.[1], Бигалиева А.С.[2]
*[1]Астана медицина университеті
Астана, Қазақстан
[2]Білім берудегі жаңа технологиялар бойынша қалалық ғылыми-әдістемелік орталық
Алматы, Қазақстан
*e-mail: moldagaliyeva66@mail.ru
e-mail: aiman_bigalieva@mail.ru

ОРЫС, ҚАЗАҚ ЖӘНЕ АҒЫЛШЫН ТІЛДЕРІНДЕГІ ТАБИҒАТ ПЕН ТЕХНИКАНЫҢ ДЫБЫСТАРЫН МЕТАФОРАЛЫҚ ИНТЕРПРЕТАЦИЯЛАУ

Аңдатпа

Бұл мақалада орыс, қазақ және ағылшын тілдерінде табиғат пен техниканың дыбыстарына негізделген сөйлеу етістіктерінің метафоралық қолданылуы талданды. Зерттеу үш тіл жүйесіндегі метафоралану заңдылықтарын және олардың айырмашылықтарын анықтауға бағытталған. Негізінен найзағай, су дыбыстары мен механикалық шуларды білдіретін етістіктер және олардың семантикалық ерекшеліктері қарастырылды. Орыс тілінің Ұлттық корпусы, қазақ тілінің Алматы корпусы және ағылшын тілінің Британ ұлттық корпусынан алынған материалды талдау табиғат дыбыстарының эмоциялармен және дауыс ырғағымен метафоралық байланысы бар екенін, ал техникалық дыбыстардың адамның сөйлеу ерекшеліктерін жеткізетінін көрсетті. Бұл зерттеу метафоралану механизмдерін, тілдік ойлауды және мәдениаралық айырмашылықтарды тереңірек түсінуге ықпал етеді.

Түйін сөздер: метафора, сөйлеу етістіктері, дыбыстар, табиғат дыбыстары, техникалық дыбыстар

*Moldagaliyeva R.[1], Bigaliyeva A.[2]
*[1]Astana Medical University
Astana, Kazakhstan
[2]City Scientific and Methodological Center for New Technologies in Education
Almaty, Kazakhstan
*e-mail: moldagaliyeva66@mail.ru
e-mail: aiman_bigalieva@mail.ru

METAPHORICAL INTERPRETATION OF NATURAL AND TECHNOLOGICAL SOUNDS IN RUSSIAN, KAZAKH, AND ENGLISH LANGUAGES

Abstract

This article analyzes the metaphorical usage of speech verbs based on natural and technological sounds in Russian, Kazakh, and English languages. The study aims to identify the patterns of metaphorization and its differences in the three linguistic systems. Special attention is given to verbs denoting thunder, water sounds, and mechanical noises, as well as their semantic features. Analyzing data from the Russian National Corpus, the Almaty Corpus of the Kazakh Language, and the British National Corpus has revealed that natural sounds are metaphorically linked to emotions and voice timbre, while technological sounds convey individual speech characteristics. This study contributes to a deeper understanding of metaphorization mechanisms, linguistic thinking, and intercultural differences.

Keywords: metaphor, speech verbs, sounds, natural sounds, technological sounds

Введение. Метафора – это слово или выражение, используемое в переносном значении, основанное на скрытом сравнении одного предмета или явления с другим по общему признаку

[1, 40]. Этот прием присущ всем стилям и жанрам, но особенно широко применяется в художественных текстах для образного сопоставления объектов на основе их схожих характеристик. Основная его функция – передача чувств, эмоций и живых образов, возникающих перед читателем.

Когнитивная ценность метафоры была подчеркнута в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона. В частности, они утверждают: «Суть метафоры в том, чтобы понимать и выражать что-то одно в терминах другого» [2, 13].

В основе их теории лежит представление о метафоре как о языковом явлении, отражающем процесс познания мира: «…Метафоры – это та структура, которую мы воспринимаем то, как мы думаем и то, что мы делаем». Соответственно исследование процессов метафоризации считается ценным источником информации о принципах работы человеческого мышления. Они также утверждают, что несмотря на то, что вы используете каждодневно «нормальный язык», «… ваш способ говорить, понимать и даже выражать свой взгляд на ситуацию может быть выражен метафорическими моделями» [2, 16].

Анализ метафорической модели предполагает рассмотрение двух основных аспектов: источника и цели метафоры. Источником выступает семантическая область, в которой слова используются в их буквальном значении, тогда как цель метафоры охватывает семантическую сферу, где слова обретают переносный смысл [3, 620].

Целью данной статьи является изучение механизмов обогащения системы глаголов речи в русском, казахском и английском языках. Несмотря на сложность и многообразие этой системы в каждом из языков, она продолжает развиваться за счет метафорического переноса глаголов из смежных семантических областей. В частности, одной из таких областей-источников выступают глаголы, описывающие звучание. В этом контексте мы последовательно рассматриваем метафорические употребления глаголов, связанных со звуками природы и техники.

Материалы и методы. Материалом исследования являются метафорические употребления глаголов речи с обозначением звуков природы и техники, собранные из Национального корпуса русского языка, Алматинского корпуса казахского языка и Британского корпуса английского языка. Примеры были проанализированы, их значения описаны, а выявленные семантические процессы сопоставлены. Проведенное исследование позволило установить общие и специфические закономерности метафоризации глаголов речи в разных языковых системах.

Результаты и обсуждение. Рассмотрим метафорические обозначения речи, которые достигаются с помощью звуков природы. В первую очередь в таких метафорах участвуют глаголы, выражающие звуки грома и воды.

Звуки грома обозначается в русском языке глаголами *греметь, рокотать*; в казахском языке – *күркіреу*; в английском языке – *to thunder*.

Значение глагола *греметь* описывается так [4, 344]:

1. издавать громкие, резкие, раскатистые звуки; грохотать;
2. говорить громким возбужденным голосом, с жаром или гневом:

(1) — *Ура-а-а!* — ***гремит*** *в полтораста глоток, в тон высоко взятой ноте, поднимаясь и вызванивая гимн.* [В. Г. Распутин. Новая профессия (1998)];

(2) *Да если на ваших глазах,* — ***гремел*** *Куник,* — *нападают на человека и грабят посреди улицы, а у вас, прохожего, просят платочек, чтоб заткнуть жертве рот…* [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)];

3. пользоваться громкой известностью, славиться чем-л.:

(3) *Советская переводческая школа* ***гремит*** *на весь мир*. [Сергей Довлатов. Переводные картинки // «Иностранная литература», 1990].

В прямом значении глагол *рокотать* тоже может обозначать звуки грома и звуки мотора [5, 729]:

1. издавать, производить рокот// звучать, раздоваться рокотом;
2. говорить, петь низким, раскатистым голосом:

(4) – *Удавлю!* — ***рокотал*** *голос свыше, подобный пролетающему самолету. Я вскочил.* [Сергей Шаргунов. Дача, Жанна, драка с дураком (2008-2010)];

(5) *«Я все понимаю!* — ***рокотал*** *Кручина.* — *Маленькая зарплата!* [Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007)];

(6) – *Братцы, луна с небо упала! – на весь взвод мощно* ***рокотал*** *Полукаров* (Словарь русского языка, 1984).

В казахском языке глагол *күркіреу* употребляется в следующих значениях [6, 558]:

1. найзағай жарқылдаған кезде жаңғырыққан күшті дыбыстың естілуі (звук, который слышаться, когда гром гремит);

2. күжілдеу, барқырау, қолқа тамақты қырып, кернеп шыққан жуан дауыстың естілуі (когда слышится глухой, хриплый голос):

(7) – *Содан соң: – Бастайық! – деді* ***күркіреп***. (Әзілхан Нұршайықов, 1922–2011);

(8) – *Бұл әнді салғанда оның* ***күркіреген*** *дауысы бәріне естілді* (Қазақ әдеби тілінің сөздігі, 2011).

В английском языке глагол *to thunder* употребляется [7, 1636]:

1. when it thunders, there is a loud noise in the sky during a storm storm (когда гром гремит, в небе во время шторма раздается громкий шум);

2. to shout, complain, etc. very loudly and angrily (кричать, жаловаться, и т. д. очень громко и сердито):

(9) *He* ***thundered*** *against the evils of television* ([Daily Telegraph, elect. edn. of 19920415]. Leisure material, pp. 1451 s-units.);

(10) *`Sit still`* ***thundered*** *Miss Lodsworth* (Polo. Cooper, Jilly. London: Bantam (Corgi), 1991, pp. 162-267. 2771 s-units.);

(11) *'Don't argue with me, Miss Honey!' the Headmistress* ***thundered***. (Matilda. Dahl, Roald. Harmondsworth: Puffin, 1989, pp. 7-240. 3516 s-units.).

Звуки воды также приобретают метафорические значения: в русском языке *бурлить*; в казахском *бұрқылдау* и в английском *to gurgle*.

В русском языке глагол *бурлить* употребляется следующим образом [4, 126]:

1. бурно волноваться; клокотать;

2. проявлять возбуждения в движениях, громких криках, шуме и т.д. (о толпе, множестве людей).

Но также глагол может употребляться для обозначения «ворчать, буянить, браниться»:

(12) *Да!* — ***бурлила*** *Ленка.* — *Ну, щас доедим и пойдём оболочки плодного пузыря разведём, правильно, Татьяна Юрьевна?* [Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)].

В казахском языке глагол *бұрқылдау* употребляется [6, 375]:

1. сұйық заттың қатты қайнағанда бұрқ-сарқ дыбыс шығаруы, сақырлап қайнау, бұрқ-бұрқ ету (звуки, описывающие сильное кипение воды);

2. ашу шақыру, долдану (говорить со злостью, гневаться):

(13) – *Неменеге келдіңіз?-деп* ***бұрқылдады*** *Қатипаш әкім*. (Мұхтар Шерім. Күйеуім «көрнекі құрал» екен...);

(14*)«Қайта сіздерді ойлап, осындай сыйлық таратып отырған ұйымдастырушыларға, елбасына рахмет айтудың орнына «жалобы» айтасыздар деп орысша* ***бұрқылдады****», – дейді Жандос Дүйсекеев.* (https://qazaquni.kz/2016/12/08/61723.html).

В английском языке глагол *to gurgle* употребляется [7, 699]:

1. to make a sound like a water flowing quickly though a narrow space (звуки воды, которая течет через узкое простанство);

2. if a baby gurgels, it makes a noise in its throat when it is happy (ребенок издает шум в горле, когда он счастлив):

(15) *Lilian, unconcerned at fifteen months,* ***gurgled*** *in her mother's arms*. (Flood water. Ling, Peter. London: Headline Book Pub. plc, 1993, pp. 3-108. 2967 s-units.).

Также глагол *to gurgle* имеет значения как «бормотать» и «ворчать»:

(16) *Jacqui* ***gurgled*** *something incomprehensible, as Kattina's tongue shot into her mouth to save her the embarrassment of replying*. (War in high heels. Falconer, Piers. London: Nexus, 1993, pp. 92-199. 3047 s-units.);

(17) *'You haven't seen me ride,' she* ***gurgled****.* (A stranger's trust. Richmond, Emma. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1991, pp. 3344 s-units.).

Интересно, что звуки грома в русском и английском языках метафорически обозначают слишком громкую речь, часто агрессивную. В то же время в казахском языке со звуками грома отождествляется глухой, низкий голос.

Метафорические способы обозначения звуки воды схожи в трех языках, они имеют общую семантику «бормотать, ворчать».

Звуки техники же могут быть разграничены как звуки техники, звуки инструментов и звуки удара/треска/скрипа.

Для описания *звуков машины* в русском языке используются глаголы *тарахтеть, гудеть*; в казахском языке *гүрілдеу*.

Глагол *тарахтеть* употребляется [4, 589]:

1. производить шум, стук, треск;

2. говорить быстро, без умолку; тараторить, трещать:

(18) *Тут раздался еще один звонок, пропитым баском мужик что-то* ***тарахтел*** *по-английски.* [Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)];

(19) *Рагулин добродушно улыбнулся и сказал сам себе : – Тарахтела,* ***тарахтела****, а толком ничего и не сказала* (Словарь русского языка, 1984).

Глагол *гудеть* обозначает [4, 355]:

1. издавать длительный пратяжный низкий звук, гул;

2. издавать протяжные низкие звуки, сигналы с помощью особового приспособления; давать гудки;

3. непрерывно, сильно ныть (об ощущения боли, усталости):

(20) **—** *Ну, одолели наконец, погрузили в машину,* **— *гудел*** *Варенуха, выглядывая из-за листа и ладонью прикрывая синяк.* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940)];

(21) *"И ещё испускал дух, стоило ему собраться с таковым, засыпающий отец Мухина, что просыпался, однако, не согласный ни с чем и ни с кем, и всякий раз прощально* ***гудел****: "Я всё р-разрушу-у-у-у!"* [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001].

В казахском языке глагол *гүрілде* употребляется как [6, 372]:

1. трактор, танк т.б. техникалық құралдардың гүр-гүр етіп дыбыс шығаруы (звук, который издает трактор, танк и т.д.);

2. гүр-гүр етіп жуан дауыспен сөйлеу (разговаривать хриплым голосом):

(22) *Қазір олар төр үйге шай жасап болып, Ұлпанды шақыруға келе жатыр еді,* ***гүрілдей*** *сөйлеп Есеней кіріп келді: – Әлгі Мүсіреп мақтаншақтың кең сарайдай деген үйі осы ма? – Осы, осы! – деді Ұлпан. – Бері кел, бері қарай!* (Ұлпан, Ғабит Мүсірепов, 1974).

Интересно, что в английском языке звуки машины описывается звуками животных (*to roar, to growl*) и звуками грома (*to thunder,to ruttle*), т.е. сами являются результатами метафоризации. Поэтому количество звуков машин, имеющих метафорические обозначения очень мало.

Как правило, данная группа глаголов употребляется для обозначения индивидуальных особенностей речи говорящего.

Для описания *звуков инструментов*, подвергающихся метафоризации в русском языке, используются глаголы *трубить, дудеть*.

Глагол *трубить* определяется как [4, 417]:

1. издавать звуки, дуя в трубу;

2. повсюду говорить о чем-, о ком-л., распространять какие-л. слухи, сведения, известия:

(23) *Слишком они уж открыто обо всем этом* ***трубили****: «Уничтожить!»* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)];

(24) — *Слуга покорный,* — ***трубил*** *Амвросий,* — *представляю себе твою жену, пытающуюся соорудить в кастрюльке в общей кухне дома порционные судачки а натюрель!* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940)].

Значения глагола *дудеть* описываются в [5, 451]:

1. играть на дудке или каком-л. другом духовом инструменте;

2. надоедливо, однообразно повторять одно и тоже:

(25) — *Так и сомнений не было,* — *мирно* ***дудел*** *свое Вован,* — *этот, то есть эта* — *черная, а Лаврик светленький.* [Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003)];

(26) *Целый день, с утра до ночи в уши дудят: то не так, другое не так* [И. Грекова. На испытаниях (1967)].

Таким образом, если метафорическое значение глагола *дудеть* связано с однообразным повторением речи, то глагол *трубить* сближается с глаголами *декларации*.

Звуки удара/ треска/ скрипа в русском языке определяются глаголами *скрипеть, трещать*, в казахском языке *тоқылдау*, в английском *to boom*.

Глагол *скрипеть* обозначает [4, 355]:

1. издавать скрип//производить скрип чем-л.;

2. говорить резким, скрипучим голосом, ворчать:

(27) *–Дормоеды –* ***скрипел*** *дед, хотя мы совершенно не пользовались его хлебом* (Словарь русского языка, 1984);

(28)"*Вот тебе и единая, неделимая!"* — ***скрипит*** *Лилович.* [И. Грекова. Фазан (1984)].

Значения глагола *трещать* употребляется [4, 410]:

1. издавать треск // производить сухой, резкий и дробный шум, стук, напоминающий треск;

2. говорить быстро и много, не умолкая; тараторить:

(29) — *Ах, королева,* — *игриво* ***трещал*** *Коровьев,* — *вопросы крови* — *самые сложные вопросы в мире!* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940)];

(30) *Они остановились, быстро и не совсем понятно* ***трещали*** *на русском, но не вполне узнаваемом языке.* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000];

(31) *После хлопотного дня Анке хочется побыть одной на морозе, отдохнуть. А Ванюшка* ***трещит*** *без умолку* (Словарь русского языка, 1984).

Семантика глагола *брякать* употребляется как [4, 120]:

1. издать звук при ударе (о металлических, стеклянных предметов);

2. необдуманно и неосторожно сказать:

(32) *Я и сам напугался, ее напугав; это очень опасно —:* ***брякать*** *лишнее, особенно в моем положении.* [Сергей Носов. Фигурные скобки (2015)];

(33) *Литвинов так и* ***брякнул*** *одному, что он пуст, как бубен, другому, что он скучен до обморока* (Словарь русского языка, 1984).

Глагол *стучать* употребляется [5, 296]:

1. производить чем-л. или издавать стук, шум при ударах, толчках;

2. ударить (в дверь, окно), стуком выражая просьбу впустить куда-л;

3. доносить на кого-то:

(34) *Иногда Руська* ***стучал*** *и на зэков* — *по каким-либо незлостным мелочам, сам же предупреждая их об этом.* [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 26-51 (1968) // «Новый Мир», 1990].

В казахском языке глагол *тақылдау* имеет следующие значения [6, 640]:

1. тақ-тақ ету, тарсылдау (стучать);

2. мүдірмей бөгетсіз, тық-тық етіп сөйлеу (разговаривать быстро без ошибок):

(368) *Жаттап айтқан сөздерді* ***тақылдамай****, жүрегіңді жарып шыққан пікіріңді білдір* (Ә. Нұршайықов, Жер туралы).

В английском языке глагол *to boom* употребляется [7, 165]:

1. to make a loud deep sound (издавать громкий глубокий звук);

2. to say sth in a loud deep voice (сказать что-то громким голосом):

(35) *' Hurry up, you two!' boomed Thacker.* (A twist of fate. Scobie, Pamela. Oxford: OUP, 1990, pp. 49-153. 3474 s-units.);

(36) *`Darling,' he boomed,' you've no idea how much I've missed you.'* (Nudists may be encountered. Scott, Mary. London: Serpent's Tail, 1991, pp. 7-115. 3092 s-units.).

Интересно, что звуки удара/треска/скрипа в русском языке больше подвержены метафоризации, чем в казахском и английском языках. Глаголы данной группы по большой части относятся для фиксирования индивидуальных особенностей в речи.

Заключение. Таким образом, в статье были проанализированы метафорические обозначения речи из звуков природы и техники во всех трех языках. Установлено, что среди звуков природы наиболее активно в метафоризации участвуют звуки грома и воды. В русском и английском языках метафорически обозначают слишком громкий звук или крик в состоянии злости, в то время как в казахском языке звуки грома отождествляются с глухим, низким голосом. Метафорические употребления глаголов, передающих звуки воды, схожи в трех языках, так как имеют общую семантику «*бормотать, ворчать*».

В русском языке звуки техники чаще используются для метафорического обозначения речи, чем в казахском и английском. Интересно, что в русском и английском языках звуки животных метафорически употребляются для обозначения звуков машины. В целом же глаголы данной группы по большой части используются для передачи индивидуальных особенностей речи.

Следовательно, анализ метафорических обозначений речи, основанных на звуках природы и техники, выявил как общие закономерности, связанные с универсальными семантическими ассоциациями, так и языковые особенности, отражающие культурные и когнитивные различия в восприятии звучащей речи.

Список использованной литературы:

1. Телия В.Н. Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – 176 с.

2. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By // Language, Thought, and Culture. – Chicago/ London, 1980 – P. 124-134.

3. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. – Т.1. – М.: Флинта: Наука,2008. –840с./ –Т.2. –М.: Флинта: Наука,2008. – 845с

4. Словарь русского языка: В 4-х т./АН СССР, Инс-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. Т.1. – 696с. / Т.2. –752 с. / Т.3. – 736с. / Т.4. – 794 с.

5. Словарь русского языка: 70 000 слов/ Под. ред. Н.Ю. Шведовой. –21-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1989. – 924 с.

6. Қазақ тілінің әдеби сөздігі. Он бес томдық. 15-том. / Құраст.: А. Жанабекова, Т. Жанұзақов, Б. Әбілқасымова және т.б. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2011.

7. Longman Exams Dictionary, managing editor Stephen Bullon. – London: Pearson Longman, 2006, – 1833 pp.

Reference:

1. Telia V.N. (1988). Metafora v jazyke i tekste [Metaphor in Language and Text] – M.: Nauka. – 176 p. [in Russian]

2. Lakoff G., Johnson M. (1980). Metaphors We Live By // Language, Thought, and Culture. – Chicago/London. – P. 124-134

3. Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik lingvisticheskih terminov i ponjatij. (2008). Russkij jazyk [Encyclopedic Dictionary-Reference of Linguistic Terms and Concepts. Russian Language] – Vol.1. – M.: Flinta: Nauka. – 840 p. / – Vol.2. – M.: Flinta: Nauka, 2008. – 845 p. [in Russian]

4. Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian Language]: In 4 volumes / Academy of Sciences of the USSR, Institute of the Russian Language; Edited by A.P. Evgenieva. – 2nd edition

revised and expanded. – M.: Russian Language, 1981-1984. Vol.1. – 696 p. / Vol.2. – 752 p. / Vol.3. – 736 p. / Vol.4. – 794 p. [in Russian]

5. Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian Language]: 70,000 Words / Edited by N.Yu. Shvedova. – 21st edition, revised and expanded. – M.: Rus. Yaz., 1989. – 924 p. [in Russian]

6. Kazak tilinin adebi sozdigi [Literary Dictionary of the Kazakh Language] Fifteen-Volume Edition. Volume 15. / Compilers: A. Zhanabekova, T. Zhanuazak, B. Abilkasymova, et al. – Almaty: Kazakh Encyclopedia, 2011. [in Kazakh]

7. Longman Exams Dictionary. (2006). Managing editor Stephen Bullon. – London: Pearson Longman. – 1833 p.

ҒТАМР 16.21.61 10.51889/2959-5657.2025.91.1.003

Пашан Д.М.
Ахмет Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институты
Алматы, Қазақстан
e-mail: pashan_dan@mail.ru

ҚЫЗБАЛАҒА ҚОЙЫЛАТЫН ЕСІМДЕР: ЗАМАНАУИ ҰСТАНЫМДАР

Аңдатпа

Мақала мазмұны қазіргі тілдік кеңістіктегі қызбалаға қойылып жүрген есімдерді тілдік-әлеуметтік жағынан қарастырады. Есім – әр адамның ең маңызды және жеке қасиеттерінің бірі. Ол бізбен өмір бойы бірге және біздің жеке қасиеттерімізді, мәдени дәстүрлерімізді және діни ұстанымдарымызды анықтайды. Нәрестеге дұрыс есім таңдау да қиын мәселе. Әрбір ата-ана ұрпағына жақсы есім беруді міндет санайды. Мақалада қазақ қыздарының заманауи есімдеріне талдау жүргіземіз. Жеке есім таңдауда басымдық берілетін механизмдер мен ұстанымдар бар. Зерттеуде сол процесстердің жүзеге асуы туралы айтылады. Танымал есімдер мен олардың мағыналық, танымдық талдауы ұсынылады. Нәтижесінде қыздарға есім берудегі басымдықтар айқындалады. Зерттеу жүргізу барысында салыстырмалы-тарихи, статистикалық, этимологиялық, ретроспективті әдістер қолданылған. Автор кісі есімдерінеп қатысты айтылып жүрген ғылыми пікірлерді салыстыра отырып, тілдік айналымдағы мысалдарды келтіреді. Есімдердің жасалу мен берулі формасында ерекшеліктер көрсетілді. Статистикалық мәліметтер Стат.гов.кз сайтынан алынды. Алынған мәліметтер негізінде салыстырмалы талдау жасалды.

Түйін сөздер: есім, антропоним, қызбала есімі, ұстаным, жіктеме, тұжырым

Алғыс: Мақала «Мәдениетаралық коммуникация құралы ретіндегі қазақ тілінің ұлттық корпусын (ҚТҰК) жетілдіру және оның ішкорпустарын кеңейту» атты бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру аясында жазылды.

Пашан Д. М.
Институт языкознания имени Ахмета Байтурсынова
Алматы, Казахстан
e-mail: pashan_dan@mail.ru

ИМЕНА ДЛЯ ДЕВОЧЕК: СОВРЕМЕННЫЕ ПОЗИЦИИ

Аннотация

Содержание статьи рассматривает имена, представляющие интерес в современном языковом пространстве, в языково-социальном аспекте. Имя – одно из самых важных и личных качеств каждого человека. Он остается с нами на протяжении всей нашей жизни и определяет нашу личность, наши культурные традиции и наши религиозные принципы. Выбор правильного имени для ребенка также является сложной задачей. Каждый родитель считает своим долгом дать своему потомству хорошее имя. В статье проведем анализ современных имен казахских девушек. Существуют механизмы и принципы, в которых предпочтение отдается выбору личного имени. В исследовании говорится о реализации этих процессов. Предлагаются популярные имена и их смысловой, познавательный анализ. В результате определяются приоритеты в присвоении имен девушкам. При проведении исследования использовались сравнительно-исторические, статистические, этимологические, ретроспективные методы. Автор приводит примеры в языковом обороте, сравнивая научные высказывания, касающиеся имен людей. Показаны особенности формирования и формы имен. Статистические данные взяты с сайта Стат.гов.кз. На основании полученных данных был проведен сравнительный анализ.

Ключевые слова: имя, антропоним, имя, позиция, классификация, утверждение

Pashan D. M.
Akhmet Baitursynov Institute of Linguistics
Almaty, Kazakhstan
e-mail: pashan_dan@mail.ru

NAMES FOR GIRLS: MODERN POSITIONS

Abstract

The content of the article examines the names of interest in the modern linguistic space in the Linguistic and social aspect. A name is one of the most important and personal qualities of every person. It stays with us throughout our lives and defines our personality, our cultural traditions and our religious principles. Choosing the right name for a child is also a difficult task. Every parent considers it his duty to give his offspring a good name. In the article we will analyze the modern names of Kazakh girls. There are mechanisms and principles in which preference is given to choosing a personal name. The study talks about the implementation of these processes. Popular names and their semantic, cognitive analysis are offered. As a result, priorities in naming girls are determined. Comparative historical, statistical, etymological, and retrospective methods were used in the study. The author gives examples in linguistic usage, comparing scientific statements concerning people's names. The features of the formation and form of names are shown. Statistical data is taken from the website Stat.gov.kz. Based on the data obtained, a comparative analysis was carried out.

Keywords: name, anthroponym, name, position, classification, statement

Кіріспе. Қазақ халқында кісі есімін қоюдың өзіндік этимологиялық, танымдық, мағыналық өрісі өте зор. Себебі адамның есімі оның тағдырымен тікелей байланысы бар деп есептеген. Ат қоюдың өзі ежелден келе жатқан, құндылығын жоғалтпаған дәстүр. «Адамның есімі тағдырына әсер етеді» деп ұғынғандықтан қазақ халқы ат қоюға айрықша мән берген. Адам есімі өзі өмір

сүрген қоғаммен, мәдениетпен, тұрмыс-тіршілігімен, әлеметтік ортасымен тығыз байланысты болары анық.

Ономастикалық лексика әрқашанда қоғамның тұрақты назарында болады. Оның ішінде антропонимдер өте маңызды сала. Кісі есімдері осы таңға дейін зерттеліп келеді. Бірақ есімдерді қоюдағы заманауи басымдықтар мен ұстанымдар ғылыми тұрғыдан көп айтыла бермейді.

Мақаланың мақсаты осы кемшін тұсты толықтыру, қазіргі қоғамдағы ономастикалық кеңістікті зерттеу болып табылады. Оның ішінде қызбалаға қойылатын есімдер туралы сөз қозғаймыз.

Әдістер мен материалдар. Есімдердің семиотикалық құндылығын, ономастикалық лексиканың семантикалық мазмұнының ерекшеліктерін Т. Жанұзақов, Қ.Рысберген, А.Смағұлова, Ж.Ағабекова, Б. Тілеубердиев, т.б. өз еңбектерінде талдады.

Ғалым Т.Жанұзақ айтуынша, антропонимдік мағлұматтар тілдік және мәдени-әлеуметтік байланыстарды зерттеу барысында белгілі бір теориялық әрі методологиялық мәнге ие келеді. Сонымен қатар ол кісі аттарының социолингвистикалық сипатын да айқындай түседі. Өйткені антропонимдік жүйе әрбір халықтың тарихи, мәдени әрі этникалық, психологиялық және идеологиялық факторларымен тығыз байланысты екен. Антропонимдік жүйенің қызметі әрбір қоғамның әлеуметтік-экономикалық және мәдени өресінің дамуымен ұштасып жатады деген ойды айтады. Сондай-ақ, антропонимдік жүйенің қызметі әрбір қоғамның әлеуметтік-экономикалық және мәдени өресінің дамуымен ұштасып жатады. ...Тіліміздегі кісі аттары қоғамның даму кезеңі, оның мәдениеті мен этнологиясы, саяси экономикалық күй-жайы, қоғамдық құрылысы жөнінде қыруар мағлұматқа ие келеді. Осы ойды да ғалымдар келтіріп отыр [1, 43].

Г.Мәдиева, А.Әлиакбарованың «Қазіргі қазақ кісі есімдерінің лексика-семантикалық ерекшеліктері» атты мақаласы бар. Мақалада кісі есімдерінің лексика-семантикалық топтары айқындалып көрсетілген [2].

Әрбір ұлттың тілі халқының тарихы мен ұлттық кодын сақтайды. Бұл турасында да бірнеше зерттеулер бар. Олардың кей-кезде жаппай қоғамдық факторға айналуының әсерінен ұзақ уақыт халық жадынан кетпей, сол ұлттың тілінде өткен тарихи оқиғалармен байланысты белгілі бір адамдар есімі, тіпті жер-су аттары да қоса айтылып, халық жадында сақталып қалады [3] – деген пікірді жас ғалымдар да айтады.

Нәтижелер және талқылау. Кісі есімі қай кезеңде болса да маңызды болып саналады. Негізінен әрбір ұлттың қалыптасқан, дәстүрлі ат қою үрлістері бар. Олар ешқашан қолданыстан шықпайды, өзіндік ұлттық сипаттармен ерекшеленеді. Ол халықтың рухын, халықтық кодты жеткізетін атау.

Қоғамда адам есіміне әсер ететін жағдайлар бар.

Әлеуметтік. Адамның есімінде әлеуметтік ақпарат жасырылады, есіміне қарап, ұлтын, шығу тегін, дінін, кей жағдайда мінезін де анықтауға болады деп айтылады. Балаға есім берген кезде де сол есіммен өмір сүрген адамдардың өмірін үлгі ретінде алатын жағдайлар да кездеседі. Мысалы, мұсылмандықты ұстанатын отбасы *«Аид – ежелгі грек мифологиясында жер асты өлі жандардың патшалығының құдайы»* мағынасындағы есімді қоймайды. Сондай-ақ, «жаман аты шыққан» кісінің де есімін ұрпағына бермеуге тырысады.

Эмоциональдық. Адамның есімі басқа адамға эмоциональды түрде әсер етеді. Кей есімдер әдемі, ерекше, жағымды естіледі. Ал кейбірі керісінше, жағымсыз сезімдер туындатады. Есімін естіп ақ, араласудан бас тартып қалатын жағдайлар да болады. Осы ұстаным қазіргі кезеңде қатты белең алып отыр. Есімнің әдемі, құлаққа жағымды естілуі мағынадан да маңызды боп барады. Ертеректе қойылатын «Жаманқұл, Итемеген, Көзтимес, Сасықбай, Тезекбай» сынды есімдердің қазіргі заманғы әлеуметтік құны төмендеп барады. Қазір ешкім ұрпағына мұндай есімдерді бермейді.

Дыбыстық. Әрбір есім дыбыстардың жиынтығынан тұрады. Есімді атағанда әртүрлі ырғақ пен тембрді қолданамыз. Есімдер – дыбыстар жиынтығы. Қолданыстан тыс дыбыстық ауытқулар ми қыртыстарын тітіркендіреді. Есімнің әдемі, құлаққа жағымды естілуі мағынадан

да маңызды боп барады. «Айнұр, Әсел, Жанар» сынды қазақтың құлаққа жағымды әуезді есімдерін «Айнура, Аселя, Жанара» деп бұрмалап, айтып жүр. Осылай айту арқылы, нәзік, әдемі естіледі деген қате пікір туындап жүр.

Соңғы кездері адамның есіміне қарап, оның тағдыры мен болашағы туралы айтатындар да көбейіп кетті. Осы жерде мәселе туындап та жатады. Біріншісі – шынымен-ақ адамның есімі мен мінезінің арасында байланыс бар ма, екіншіден – егер байланыс болса, оны есім арқылы анықтауға бола ма?

Тарих ғылымдарының кандидаты А.Горбовский ерте заманда адамның, қаланың, тіпті мемлекеттің тағдыры оның атына байланысты екендігіне сенімді болған. Қазіргі таңда біз мұндай ойлардан аулақ болуға тырысамыз, оларды сандырақ деп қабылдаймыз. Бірақ та мұнда шындық дәні бар сияқты – деген ойды айтады.

1986 жылы американдық психиатрлар зерттеу жүргізіп, ерекше есімдері бар адамдар әртүрлі психикалық комплекстерге бейім екенін анықтады. Сан-Диего және Джорджия университет-терінің мамандары мектеп мұғалімдерінің белгілі бір есімді оқушыларға төмен баға, ал басқа бір есімді оқушыларға жоғары баға қоятындығын анықтады. Тартымды есімдері бар қыздар іскерлік әлемде жақсы жұмыс істемейді, бірақ олар шоу-бизнесте айтарлықтай жетістіктерге жете алады екен. Ағылшын терапевті Тревор Уэстон есімдері алфавиттің соңғы үштен бір бөлігіндегі әріптерден басталатын адамдардың жүрек-қан тамырлары ауруларына шалдығу ықтималдығы үш есе жоғары екенін айтты [4].

Бұлардан басқа да көптеген ғалымдар, жазушылар мен философтар кісі есімінің оның тағдырына әсерін зерттеумен айналысты. Атап айтсақ, Л.Успенский «Сен және сенің есімің» [5], А. Ф. Лосев «Философия имени» [6], В.Никонов «Есім іздейміз» [7]. Бұл кітаптар біздің қоғамда кең таралған орыс есімдері туралы еңбек. Авторлар есімдердің шығу тегін, мағынасын, қалыптасу тарихын, динамикасын тарихи және қазіргі заманғы тұрғыдан қарастырады Осылармен қатар П. А. Флоренскийдің «Тайна имени» еңбегі [8] бар. Ол өзі дін қызметкері болған. Оның бұл әйгілі жұмысы адамның аты мен жеке басын біріктіру мәселесіне арналған.

АҚШ-та соңғы жүргізілген зерттеулер адам есімінің мінез-құлқымызға, сыртқы келбетімізге, мансабымызға және өмірімізге, танымалдылығымызға, некемізге, жетістіктерімізге және басқалардың бізді қалай қабылдайтынына әсер етуі мүмкін екенін көрсеткен екен. Сонымен қатар адамның өзін-өзі бағалауына ең бірінші әсер ететін есімі деген тұжырым жасалған. Бұл туралы толық ақпаратты «How Our Name Affects Our Personality and Identity: What Social Psychology Says» атты мақаладан оқуға болады. Атап айтар болсақ, мысалы «Мария» есімі қойылған адамды жағымды, жақсы адам ретінде таниды екен. Ал, Эрик, Крик сияқты қатаң дыбыстармен айтылатын есімдер жағымсыз адамдарда болады деп біледі екен [9].

Антропонимика ең алдымен лингвистикалық ғылым ретінде танылып, қоғаммен, тарихпен шендесіп, иық тіресінмен социолингвистикаға етене бауырлас, жақын тұрады. Тіліміздегі кісі аттары қоғамның даму кезеңі, оның мәдениеті мен этнологиясы, саяси-экономикалық күй-жайы, қоғамдық құрылысы жөнінде қыруар мағлұматқа ие. Теориялық әрі методологиялық мәні айрықша мәселе – кісі аттарының саяси-қоғамдық, әлеуметтік табиғаты болып есептеледі. Өйткені адамның жеке аты – антропонимдерді социолингвистикалық тұрғыдан зерттеудегі басты мәселе болып табылады [10].

@armat_gulshyrai инстаграмм парақшасында «Достар қыз баласына әдемі, мағыналы есімдер төменге жаза кетсеңіздер!» деген сауалнама тастаған болатын. 527 мың фоллоуерлері бар. 14662 оқырман лүпіл басып, 4000 ға жуық адам жауап берген екен. Олардың кейбірі бір ғана есім жазса, енді бірі 5-6 ға дейін есімдер ұсынған. Сонымен қатар өзінің қызының есімі кім екенін де қоса айтқан оқырмандар болған.

Біз мақаламызда осы жауаптарды негізге ала отырып, қоғамдағы жастардың қыз баланың есімін қоюда қандай есімдерді басшылыққа алатынын байқадық. Себебі Армат және Гүлшырай есімді блогер жастар, жастары 25 шамасында, олардың оқырмандарының басым бөлігі де

жастар. Сауалға жас шамасы 20 мен 40 жас аралығындағы оқырмандар жауап берген. Жауап ретінде ұсынылған есімдерді саралай келе, ұсынылуы жиілігі тұрғысынан алдыңғы ороындағы есімдер қатарында Көзайым, Айым есімдері аталды. Атап айтсақ: Көзайым – 69, Айым – 49, Ясина – 42, Кәусар – 41, Іңкар – 39, Аруна – 32 Айша – 32, Дария – 32, Амина – 29, Айару, Айлин, Мариям – 25, Айханым – 23, Айсу – 22, Аяла – 21, Жасмин, Аяулым – 19, Аружан –18, Рамина, Інжу –17, Медина, Мейірім –16, Раяна, Лашын, Әсемай, Сағыныш – 13, Сағым – 12, Адина, Айсель, Аяжан, Ақзере есімдері – 11, Айару, Айзере, Айлин, Айсезім Айсырға, Қырмызы, Нұрай, Сырғалым, Тұмарым, Шахназ – 9 рет ұсынылыпты. Армат пен Гүлшырай осы есімдердің ішінен Айсырға есімін таңдапты. «Қызымыз айдай сұлу, жарық, құлағында ай сырғасы жарасқан қазақтың қызы болсын» деген таным болған болар.

Бүгінгі таңда қазақ халқы өзге ұлт өкілдерімен көк аспан астында бақытты да баянды күн кешуде, соның нәтижесі тіпті адам есіміне де әсер етті, тіліміздің сөздік қорында орыс, батыс елдерінен, араб, парсы тілдерінен енген есімдер аз емес.

Еліміз тәуелсіздікке қол жеткізгеннен бастап тіліміздің сөздік қоры да байи бастады. Неоологизмдермен бірге тарихи атаулар да қайта орала бастады. Тіл жанды құбылыс болғандықтан жүздеген, мыңдаған жаңа сөздер, терминдер қосылып, адам аттары да жаңарып, жаңа мазмұнға ие бола бастады.

Осымен байланысты қазіргі кезде өмір табалдырығын енді аттай бастаған сәбиге қазақ тілінде емес, басқа тілдегі есімдерді беру сәнге (модаға) айналғандай болды. Адам баласы ешкімде жоқ атты ойлап, өзінің сәбиіне әдемі, мағыналы, көркем, ықшам, жарасымды сұлу есімдер іздейтіндігі түсінікті. Бұл әрине қоғаммен, елдің дамуымен тікелей байланысты. Әрине бұл үрдіс орыс, батыс және қазақ халықтарының өзара тығыз мәдени қарым-қатынасына байланысты екені айдан анық,

Кейінгі кездері балаға ат қою, ат беру шегі кеңейе түсті, тіпті шегі жоқ деуге болады. Қазақтың көне, мағыналы, әдемі есімдерден гөрі басқа тілден енген есімдерді қоюға құштар болып тұрады.

Ал, енді қазіргі қоғамдағы қойылатын қызбала есімдерін бірнеше топқа бөліп көрсетіп берейік:

1. Қазақи есімдер.

Қазақтың мағыналы заманауи есімдерінің көпшілігі «ай, күн, бек, жан, тұмар, сұлтан» есімдерімен келіп отыр. Атап айтсақ:

«Ай»-мен келетін есімдер: *Айым, Айғаным, Айкөркем, Айжұма, Айкербез, Айсері, Айсәнім, Айсырға, Айсу, Айханша, Айсунна*

«Күн»-мен келетін есімдер: *Күннұры, Күнім, Күншуақ*

«Бек»-пен келетін есімдер: *Бегім, Бегай, Бегімай, Бегім-Сұлу, Бегімсұлу, Бегімжан, Мұнтазбегім, Мұнтаз-Бегім, Әдия-Бегім, Тұмарбегім*

«Жан»-мен келетін есімдер: *Жаннұрым, Жансүйген, Жаншырай, Жаным*

«Тұмар»-мен келетін есімдер: *Тұмар, Тұмарым, Тұмарлым, Айтұмар, Тұмарбегім*

«Сұлтан»-мен *Сұлтанай, Сұлтан, Айша Сұлтан, Патша Сұлтаным*

Бұл топтарға кірмейтін есімдер де бар: *Ансар, Арузат, Асылай, Аянұр, Бағжанар, Гүлнази (Гүлназия бар), Зинұр (Зейнұр бар), Зинұра, Қыз-Жібек, Мейірім, Моншақ, Назсезім, Нұраят, Тәрбиелі, Айтұмар, Ханайым, Інжу-Маржан*

Меншіктеу формасында келетін есімдер қатары да көбеюде: *Айнұрым, Асылым, Асылайым, Ақмейірім, Гүлмейірім Әселім, Бегім, Бибіназым, Бегім, Жаннұрым, Зерделім, Маралдым, Моншағым, Мұнтазбегім, Нұрлайым, Таңсамалым, Тәттім, Тұмарым, Тұмарбегім, Тұмарлым*

Бұл есімдердің көпшілігі бұрын-соңды қолданылмаған, заманауи жаңа мазмұнға ие әйел есімдері. Қыз есімдерінің қойылуында әйелдің дәрежесін көтеретін, сұлулығы мен даналығын паш етеуге бейім есімдер санаты артып келеді. Бұл қоғамдағы қызбалаға деген құрметтің артқандығының көрсеткіші.

2. Араб-парсы негізді адам есімдері.

Қазіргі таңда арабнегізді әйел есімдерінің қатары көбейіп келеді.

Қазақстан Республикасы Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігінің Ұлттық статистика бюросы жыл сайын демографиялық мәліметтер ұсынып отырады. Олардың ақпаратына сүйенсек соңғы үш жылда жаңа туылған нәрестелердің көрсеткіші былай екен.

Қазақстан бойынша 1 жастағы еркектер саны 219117 адам, әйелдер саны 205397 адам.

Қазақстан бойынша 2 жастағы еркектер саны 205764 адам, әйелдер саны 193670 адам.

Қазақстан бойынша 3 жастағы еркектер саны 202471 адам, әйелдер саны 190889 адам.

Ұл мен қыздардың туу көрсеткіші бір-біріне жуық. Енді осы қыз балалардың ішінде жиі қойылатын есімдер статистикасы бар, алғашқы жиырмалықты көрсетіп берейік. Алдарыңызға соңғы үш жылдағы қаңтар айындағы, яғни 1 айлық көрсеткіш.

Кесте 1. *Соңғы 3 жылдағы жиі қойылатын қызбала есімдерінің көрсеткіші*

2023 қаңтар	**Жиілігі**	**2022 қаңтар**	**Жиілігі**	**2021 қаңтар**	**Жиілігі**
МЕДИНА	700	МЕДИНА	480	МЕДИНА	441
АЙША	455	АЙЛИН	430	АЙЛИН	426
АЙЛИН	418	АЙША	423	АСЫЛЫМ	396
АСЫЛЫМ	405	АСЫЛЫМ	411	АЯЛА	371
САФИЯ	320	ТОМИРИС	348	АЙША	367
ТОМИРИС	305	РАЯНА	291	АЙЗЕРЕ	344
АМИНА	272	АЯЛА	290	РАЯНА	332
РАЯНА	270	АЙЗЕРЕ	278	АЙЫМ	286
АЯЛА	251	АМИНА	260	АМИНА	274
МАРИЯМ	219	АЙЫМ	245	АЙАРУ	257
АЙЗЕРЕ	218	АЙАРУ	227	ТОМИРИС	246
АЙЫМ	215	САФИЯ	223	САФИЯ	227
АЙКӨРКЕМ	179	МАРИЯМ	210	АЙКӨРКЕМ	204
АЙАРУ	163	КӘУСАР	193	АДИНА	163
КӘУСАР	160	АЙКӨРКЕМ	157	МАРИЯМ	160
ЯСИНА	157	ФАТИМА	151	КӘУСАР	160
ФАТИМА	145	АЯНА	134	АЯНА	159
ӘМИНА	143	ЗЕРЕ	133	ІНЖУ	153
АЯНА	130	ӘМИНА	133	КӨЗАЙЫМ	147
АИША	130	АИША	132	ФАТИМА	146

Көріп отырғандарыңыздай соңғы жылдары «Медина» қызбала есімі алғашқы орында тұр.

Қазақстан бойынша «Медина» аттас барлығы 34189 адам тіркелген, оның ішінде ұлты Қазақтар 31045 адам. Сонда «Медина» есімін қойған өзге ұлт өкілдері 3144 адам екен. Байқағанымдай, 90 % қазақтар қойған есім екен.

«Медина» есімі араб тілінен енген, «қала» деген мағынаны білдіреді. Негізінен «Мадинат ән-Набий» (Пайғамбар қаласы) деген тіркестен алынған. Мәдина мұсылмандардың қасиетті қаласы саналады. Қазақ тіліне «Мәдина» формасында енген есім болатын, соңғы жылдары «Медина» деп түпнұсқаға жақындатып айтып, жазып жүр.

Енді осы есімнің жас бойынша қойылу жиілігін көрсетейік.

Диаграмма 1. «Медина» есімінің қойылу динамикасы

Диаграмма 2. «Медина» есімінің қойылуының ұлттық сипаты

Медина есімінің 1 жас пен 80 жас аралығындағы қоюылу жиілігін анықтадық. Бұл кестеге салғанда былайша көрініс тауып отыр. Медина есімі соңғы 7 жылдықта ғана қойылу жиілігі артқан. Оған дейінгі бесжылдықта 1000 да жетпесе, оның алдындағы 5 жылдықта 500 ге

жетпеген. Сонда Медина есімі жасы үлкен әйел кісілерде сирек кездседі, жоқтың қасы десек те болады, ал 60-80 жастағы апаларымызда бұл есім мүлде жоқ. Медина есімінің жиі қойылуына қарап, ислам дінін ұстанатын халық санының көп екенін де аңғаруға болады.

Кесте 2. *«Медина» есімінің кездесу жиілігінің көрсеткіші*

Жасы	Барлық ұлт	Қазақ	Жасы	Барлық ұлт	Қазақ	Жасы	Барлық ұлт	Қазақ
1	5287	5279	**19**	86	69	**37**	8	5
2	5343	4991	**20**	72	66	**38**	4	4
3	5013	4150	**21**	66	32	**39**	5	4
4	4356	1783	**22**	34	33	**40**	5	3
5	1872	1554	**23**	34	25	**41**	3	2
6	1595	1313	**24**	34	26	**42**	2	2
7	1359	1095	**25**	38	29	**43**	5	2
8	1127	967	**26**	27	20	**44**	4	2
9	967	910	**27**	21	18	**45**	5	4
10	896	682	**28**	21	15	**50**	2	1
11	603	564	**29**	15	14	**60**	0	0
12	604	393	**30**	16	11	**70**	2	1
13	416	295	**31**	11	6	**80**	0	0
14	321	259	**32**	7	5			
15	263	205	**33**	10	5			
16	224	174	**34**	10	9			
17	177	112	**35**	9	7			
18	116	80	**36**	7	6			

Кісі есімдері тек қана дыбыстар жиынтығы емес, мағынасы бар символдық коннатациялар жиыны. Олар мәдени дәстүрлер мен діни нанымдарды, сондай-ақ жеке қасиеттер мен жеке ерекшеліктерді көрсете алады. Баланың атын таңдау – бұл оның өмірі мен жеке дамуына әсер етуі мүмкін жауапты және маңызды қадам.

Қазақстандағы қойылу жиілігі бойынша араб-парсынегізді есімдер алдыңғы орында тұрғанын көріп отырмыз. Қойылатын есімдер қатарында қазақ тіліне игерілгені де, игерілмей сол күйі алынғаны да бар. Азиза, Алхаят, Адиша (Хадиша), Жаухаз, Жәннат, Ғайни, Жуайрия, Захида, Калима, Мугалима, Муниса, Муслима, Ниса, Рамира (Рамина бар), Раяана, Райана (Раян бар), Румейса, Рұқия, Сальсабиль, Сафина, Сафия, Сафият, София, Сумая, Танзия, Тәсним, Уммугүлсім, Умида, Фатима, Файина, Фирдаус, Хиуа (Хиуаз бар), Ясин (Ясина), Тамила, Айсунна, Гулия, Гульфайруз, Далида, Әлсина, Зинұр, Исламия, Ламира, Маликан, Мансия, Мелек, Әниса, Гүлниса, Айниса, Рабинур, Рамиля, Руфинат, Рухсари, Самина, Сарра, Султанна, Сурая, Шахназ т.б. бар.

Қазақстандағы қойылу жиілігі бойынша батыснегізді адам есімдері де бар: Агата, Аийлин, Айзель, Айлана, Айлара, Айлина, Айрин, Аия, Алиса,

Амели, Анель, Анеля (Жанел бар), Ариана (Мариананың жасанды түрі), Асения, Афина, Аэлита, Аяра, Ленара, Лианна, Лиллия, Лунара, Мелисса, Минесса, Мирэль, Бернура, Вэйлуна, Даналия, Данелья, Дарина, Теона, Эвелина, Эданур, т.б

Соңғы кезде сәнге айналған есімдердің бірі бірнеше компоненттен тұратын есімдер. Олардың ішінде бір емес бірнеше тілдің атаулары да бар. Екі компонентті кісі есімдері: Айлуна, Аймира, Аль – Сара, Сафинұр, Сафиянұр, Ясминұр, Айсель, Айсунат, Айханым, Көзайым, Айсезім, Айсырға, Ақжүніс, т.б.

Қорытынды. Қыз балаға есім қою – тек ана мен әкенің емес, жалпы қоғамның, дәстүрдің, ұлттық сананың маңызды бөлігі. Бұл процесс әрдайым уақыт ағымымен өзгеріп, дамып

отырады. Бүгінде есім қоюда көптеген факторлар әсер етеді, оларды талдай отырып, есім таңдаудың түрлі қырларын анықтауға болады.

Біріншіден, қоғамдағы танымал аттардың, сәнге айналған есімдердің әсері зор. Мұндай есімдер көбіне поп-мәдениет, әлеуметтік медиа немесе белгілі бір тұлғалар арқылы тарайды. Ата-аналар баласына белгілі тұлғалардың есімдерін қоюды қалайды, себебі бұл есімдер оң әсер қалдырып, қоғамда танымал әрі құрметке ие болуға мүмкіндік береді.

Екіншіден, сирек кездесетін есімдерді таңдау да маңызды фактор болып табылады. Ата-аналар өз баласына ерекше әрі ерекшеленетін есім беру арқылы оның тұлғалық ерекшелігін көрсетуге тырысады. Мұндай есімдер жиі қолданыстан тыс, көбірек жеке және өзіндік сипатқа ие.

Үшіншіден, діни мағынасы бар есімдер қазіргі уақытта да көп қойылады. Әсіресе мұсылман мәдениетінде діни есімдерге үлкен мән беріледі. Құдайдың есімдерінен, пайғамбарлар мен қасиетті тұлғалардың есімдерінен туындайтын таңдаулар танымал болып келеді. Бұл есімдер баланың рухани тәрбиесіне ықпал ететініне сенім арту арқылы таңдалады.

Тағы бір маңызды фактор – меншіктеу мәні бар есімдер. Яғни, есімдер ата-анасының біреуінің есімімен немесе атасының, әкесінің есімімен қойылуы мүмкін. Бұл дәстүр баланың отбасы мен ұрпақ жалғастырушы ретіндегі рөлін арттырады, сондай-ақ, оның тұтастай бір әулеттің өкілі екендігін білдіреді.

Тарихи есімдерді жаңғырту да кең таралған тенденция. Ұлттың тарихына, мәдениетіне қызығушылық артқан сайын, ата-бабалардың есімдерін қайта қою үрдісі жиі байқалады. Мұндай есімдер ұлттық сәйкестікті нығайтып, баланың тарихи мұрамен байланысын арттырады.

Осылайша, біз есім қоюдағы бірқатар факторларды анықтадық, олардың арасында: қоғамда сәнге айналған аттарды қою; сирек кездесетін есімді қою, діни мағынасы бар есім қою; меншіктеу мәні берілген есімдер; тарихи есімдерді жаңғырту факторлары кездесті.

Қорыта келгенде, қызбалаға есім қою дәстүрі де заманауи бағытта дамып келеді. Мифтік санада қалыптасқан есімдердің қойылу динамикасы өте сирек. Діни сана мен эстетикалық сананың дамыған кезеңінде осы бағыттарда қойылған есімдер көп екенін байқадық. Есім қоюда есімнің бастысы мағынасы жақсы болу керек деген ұстаным болса, екінші ұстаным ең бастысы әдемі естіліп, әдемі айтылса деп ұғынады.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. *Жанұзақ Т., Рысберген Қ. Қазақ ономастикасы: жетістіктері мен болашағы. – Алматы, Азия – 2004. – 192 б.*
2. *Мәдиева Г., Әлиакбарова А. Қазіргі қазақ кісі есімдерінің лексика-семантикалық ерекшеліктері // ҚазҰУ Хабаршысы. Филология сериясы. №3 (171). 2018. 137-145 бб.*
3. *Бердібаева И. Халықтық топонимдердің аңыз-әңгімелерге қатысты семантикасы. – [Электрон. русурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/15 (Қаралған күні 12.07.2023).*
4. *Цветков. С. Имя и судьба. 2020. – [Электрон. русурс]. – Режим доступа: https://dzen.ru/sergeytsvetkov.livejournal.com (Дата обращения 23.03.2024).*
5. *Успенский Л. Ты и твое имя. – [Электрон. русурс]. – Режим доступа: https://logic-books.info/sites/default/files/ty_i_tvoyo_imya.pdf (қаралған күні 11.02.2023).*
6. *Лосев А. Философия имени. – [Электрон. русурс]. – Режим доступа: https://libcat.ru/knigi/religioznaya-literatura/religiya/227713-a-f-losev-filosofiya-imeni.html (Қаралған күні 11.03.2024).*
7. *Никонов В. Ищем имя. – [Электрон. русурс]. – Режим доступа: https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/yazykoznanie/413986-vladimir-nikonov-ichem-imya.html (Дата обращения 25.04.2023).*
8. *Флоренский П. Тайна имени. – [Электрон. русурс]. – Режим доступа: https://www.livelib.ru/book/1000188599-tajna-imeni-p-florenskij (Дата обращения 21.03.2024).*
9. *Barbazzeni B. How our name affects our personality and identity: What social psychology says, 2022. – [Электрон. русурс]. – Режим доступа: https://insight.openexo.com/how-our-name-affects-our-personality-and-identity-what-social-psychology-says/ (Қаралған күні 03.05. 2024).*

10. Жанұзақ Т. Қазақ ономастикасы. Бес томдық. – Т.1. Нұр-Сұлтан. Халықаралық түрік академиясы, 2021 ж. 165 б.

References:

1. Zhanuzak T., Rysbergen K. (2004). Kazak onomastikasy: zhetistikteri men bolashagy [Kazakh Onomastics: Achievements and Future]. Almaty: Aziya. – 192 b.

2. Madieva G., Aliakbarova A. (2018). Kazirgi kazak kisi esimderining leksika-semantikalyq erekshelikteri [Lexical-Semantic Features of Modern Kazakh Personal Names] // KazUU Khabarshysy. Filologiia seriiasy. №3 (171). – B. 137–145.

3. Berdibaeva I. (n.d.). Khalyqtyq toponimderding anyz-angimelerge qatysty semantikasy [The Semantics of Folk Toponyms Related to Legends and Stories]. Retrieved from http://www.rusnauka.com/15 (Accessed 12.07.2023).

4. Tsvetkov S. (2020). Imia i sudba [Name and Fate]. Retrieved from https://dzen.ru/sergeytsvetkov.livejournal.com (Accessed 23.03.2024).

5. Uspenskii L. (n.d.). Ty i tvoe imia [You and Your Name]. Retrieved from https://logic-books.info/sites/default/files/ty_i_tvoyo_imya.pdf (Accessed 11.02.2023).

6. Losev A. (n.d.). Filosofiia imeni [Philosophy of Name]. Retrieved from https://libcat.ru/knigi/religioznaya-literatura/religiya/227713-a-f-losev-filosofiya-imeni.html (Accessed 11.03.2024).

7. Nikonov V. (n.d.). Ishchem imia [Looking for a Name]. Retrieved from https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/yazykoznanie/413986-vladimir-nikonov-ichem-imya.html (Accessed 25.04.2023).

8. Florenskii P. (n.d.). Taina imeni [The Mystery of Name]. Retrieved from https://www.livelib.ru/book/1000188599-tajna-imeni-p-florenskij (Accessed 21.03.2024).

9. Barbazzeni B. (2022). How our name affects our personality and identity: What social psychology says. Retrieved from https://insight.openexo.com/how-our-name-affects-our-personality-and-identity-what-social-psychology-says/ (Accessed 03.05.2024).

10. Zhanuzak T. (2021). Qazaq onomastikasy. Bes tomdyq. – T.1. [Kazakh Onomastics. Five-Volume Edition. Vol. 1]. Nur-Sultan: Khalyqaralyq Turik Akademiiasy. – 165 b.

ӘДЕБИЕТТАНУ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
LITERARY STUDIES

IRSTI 17.82.93 10.51889/2959-5657.2025.91.1.004

Abisheva S. D[1], **Abuova B. P.*[2]
[1,2] *Abai Kazakh national pedagogical university*
Almaty, Kazakhstan
e-mail: s.abisheva@mail.ru
**e-mail: bibizhan@mail.ru*

BERDIBEK SOKPAKBAYEV'S CREATIVITY IN THE FIELD OF CHILDREN'S LITERATURE (1924-1991)

Abstract

The article, dedicated to the work of Berdibek Sokpakbayev, examines the key aspects of the works of the famous Kazakh writer, who has become a classic of children's literature in Kazakhstan. The article focuses on a realistic and sincere depiction of childhood, a reflection of Kazakh life and national traditions. Central to the discussion is his best-known story, “My Name is Kozha” which explores themes of friendship, responsibility, and self-discovery through the protagonist’s stories. More serious issues are also touched upon, such as raising youth, relationships between generations and the search for the meaning of life. Sokpakbayev’s works are still relevant among readers to this day, significant for modern Kazakh literature and have a huge influence on the formation of moral values of the younger generation.

Keywords: children's literature, Kazakh life, national traditions, story, children's writer

Абишева С.Д.[1], **Абуова Б.П.*[2]
[1,2]*Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті*
Алматы, Қазақстан
e-mail: s.abisheva@mail.ru
**e-mail: bibizhan@mail.ru*

БЕРДІБЕК СОКПАҚБАЕВТЫҢ БАЛАЛАР ӘДЕБИЕТІ САЛАСЫНДАҒЫ ШЫҒАРМАСЫ (1924-1991)

Аңдатпа

Бердібек Соқпақбаев шығармашылығына арналған мақалада Қазақстан балалар әдебиетінің классигі атанған қазақтың белгілі жазушысы шығармашылығының түйінді тұстары қарастырылған. Мақалада балалық шақтың шынайы әрі шынайы суреттелуі, қазақ өмірі мен ұлттық салт-дәстүрінің көрінісі басты назарда. Пікірталастың өзегі - кейіпкердің әңгімелері арқылы достық, жауапкершілік және өзін-өзі тану тақырыптарын ашатын оның әйгілі «Менің атым Қожа» әңгімесі. Жастарды тәрбиелеу, ұрпақтар арасындағы қарым-қатынас пен өмірдің мәнін іздеу сияқты күрделі мәселелер де қозғалады. Соқпақбаевтың шығармалары бүгінгі күнге дейін оқырмандар арасында өзекті, қазіргі қазақ әдебиеті үшін маңызы зор және жас ұрпақтың адамгершілік құндылықтарын қалыптастыруға зор ықпалын тигізеді.

Түйін сөздер: балалар әдебиеті, қазақ өмірі, ұлттық салт-дәстүр, әңгіме, балалар жазушысы

Абишева С.Д.[1], **Абуова Б.П.*[2]
[1,2]*Казахский национальный педагогический университет имени Абая*
Алматы, Казахстан
e-mail: s.abisheva@mail.ru
*e-mail: *bibizhan@mail.ru*

ТВОРЧЕСТВО БЕРДИБЕКА СОКПАКБАЕВА В ОБЛАСТИ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (1924-1991)

Аннотация

Статья, посвящённая творчеству Бердибека Сокпакбаева, рассматривает ключевые аспекты произведений известного казахского писателя, ставшего классиком детской литературы Казахстана. В статье акцентируется внимание на реалистичном и искреннем изображении детства, отражении казахского быта и национальных традиций. Центральное место в обсуждении занимает его наиболее известная повесть «Меня зовут Кожа», в которой через истории главного героя поднимаются темы дружбы, семьи, ответственности и самопознания. Также затрагиваются более серьёзные вопросы, такие как воспитание молодёжи, взаимоотношения между поколениями и поиск смысла жизни. Произведения Сокпакбаева и по сей день актуальны среди читателей, значимы для современной казахской литературы и имеют огромное влияние на формирование нравственных ценностей молодого поколения.

Ключевые слова: детская литература, казахский быт, национальные традиции, повесть, детский писатель

Introduction. This year Kazakhstan widely celebrates the 100th anniversary of the birth of Berdibek Sokpakbayev, a classic of Kazakh and children's literature. This anniversary event was an important stage in the cultural development and the development of children's literature in Kazakhstan. In the village of Narynkol, Almaty region, where B. Sokpakbayev spent his childhood, and a monument in his honour was unveiled. The President of the Republic of Kazakhstan K.K. Tokaev noted the significance of the writer's contribution, emphasising the uniqueness of Berdibek Sokpakbayev's literary heritage. He said: “It is our sacred duty to honour the name of the outstanding writer and promote his work. The inclusion of Sokpakbayev's 100th anniversary in the UNESCO calendar of anniversaries and the erection of a monument in his small homeland serve as a testament to the high respect for the master of the word” [1].

B. Sokpakbayev is one of the first Kazakh writers who started writing for Kazakh children and teenagers. His works, in which he managed to show the inner world of a child, his joys and anxieties, were written in a language understandable and close to children. That is why the study of B.Sokpakbayev's works allows understanding and realising that many of his ideas were reflected in the children's literature of Kazakhstan of the XX century. B.Sokpakbayev's works are still relevant, continuing to inspire and teach children important life values and moral traditions.

This article aims to study the creative heritage of B. Sokpakbayev towards children. Sokpakbayev's creative heritage is aimed at children, as well as to study his practical contribution to the development of children's fiction in Kazakhstan. It should be noted that in recent years, interest in the works of the classic of Kazakh children's literature B. Sokpakbayev and his literary heritage has significantly increased. Issues related to the contribution of B. Sokpakbayev in the formation of children's literature are at the centre of the attention of literary scholars and researchers: M. Alimbaev, A. Tarazi, S. Kirabayev, R. Nurgaliyev, O. Sarsenbai, B. Mukai and others [2], J. Satkenova [3].

Kazakh poet and playwright N. Orazalin highlighted the creative path of B. Sokpakbayev, noting that his works, characterised by uniqueness and unrepeatability, deeply “reflected the truth of the life of the Kazakh people” [4].

Methods and materials. In this article, we will try to pay special attention to the literary activity of B. Sokpakbayev. Such methods as biographical, historical-cultural, psychoanalytical and intertextual research methods were used in the work on the creativity of the writer B. Sokpakbayev:

1) biographical method will allow us to get more closely acquainted with the difficult life of the writer, to analyse the author's influence on his work;

2) historical and cultural method helped us to consider the creativity of the children's writer and reveal the influence of socio-political conditions on the content of his works;

3) psychoanalytical method allowed us to explore the inner world of the characters and the hidden motives of the author;

4) the method of intertextual analysis allowed us to consider how the author's works relate to other texts. B. Sokpakbayev's moral and aesthetic ideas were reflected in each of his works, where he masterfully created vivid images of both children and adults, and managed to show examples worthy of imitation.

The results of this study can be applied in studying such disciplines as “Kazakh Literature”, and “Children's Literature”.

Results and discussion. The figure of B. Sokpakbayev occupies an important place in the history of Kazakh literature, including children's literature of the XX century. The study of the literary heritage of the classics of Kazakh children's literature is necessary to restore the general picture of the development of Kazakh literature of that period and to reveal the significant role of the writer in the formation of Kazakh children's literature.

The life and work of the Kazakh writer Berdibek Sokpakbayev fell during the period of radical transformations in the political, social and cultural life of the Kazakh people. In the history of Kazakhstan, these transformations related to:

- the establishment of Soviet power in the Kazakh auls;
- the formation of the Autonomous Kazakh Republic;
- collectivisation, industrialisation, etc.;
- famine in the 1930s;
- repressions among writers, and educators of Kazakh intelligentsia.

It was the time when Soviet and Kazakh literature was born and developed. In 1925, the Writers' Union of Kazakhstan was established, chaired by the famous writer, and poet Saken Seifullin. Scientists-historians note that literature in 1920-1930s was represented by “bright creators like Zh. Aimauytov, M. Zhumabayev, S. Toraigyrov, A. Baitursynov, Sh. Kudaibergenov, and later B. Mailin, I. Zhansugurov S. Seifullin, etc.” [5, 270]. It should be noted that a significant part of the Kazakh intelligentsia supported Soviet reforms such as internationalism, collectivism and equality because they "worked under strict ideological control of the party organs [5, 270].

To understand the work of B. Sokpakbayev it is necessary to get acquainted with the biography of the writer in more detail. Berdibek Sokpakbayev was born on 15 October 1924 in the Narynkol district of the Almaty region. Berdibek grew up in a large family, which lived poorly. He was only 8 years old when his mother died, so the boy from an early age began to learn the hardships of a difficult life for their family: rural labour, and hunger. Despite all the trials he faced, Berdibek Sokpakbayev tried to keep optimism, he could find a common language with his peers and grew up as an inquisitive child. After graduating from high school, he served in the Soviet Army and then graduated from the Abai Kazakh Pedagogical Institute. Then he worked as a teacher in his native village for two years, then worked in newspapers and magazines “Pioneer”, “Kazakhstan Pioneer”, “Baldyrgan”, “Zhuldyz”, “Kazak adebieti”.

B. Sokpakbayev began his writing activity with the collection “Rodnik”, which was published in 1950, the stories “Sixteen-Year Champion” (1957), “My Name is Kozha” (1957,1972), “Journey to Childhood” (1960), “Ayazhan” (1963), the novel “The Dead Do Not Return” (1967, 1974) and others. [6, 447]. The writer wrote many more novels and stories, which received great recognition among teenage readers, as well as readers of the older generation (“The Road of Happiness”, “In a Distant Aul”, “On the Way”, “A Tale of Myself”).

The basis of the writer's works is childhood and youth - the time about which each of us has the warmest and brightest memories and dreams, and where we mentally often return. In writing style, he favoured autobiographical narrative and brought his life observations into his works. This is all that he saw in life, what he went through, what he felt at one time or another. Especially acutely he perceived and described in his works the period of the 30s: the hard life of toilers of aul, the psychology of people in the post-war years and their general mood.

Berdibek Sokpakbayev's books are full of kind, wise, mischievous and clever characters who instantly arouse sympathy making you experience their failures and rejoice in their successes. The author endowed his characters with traits characteristic of the readers, who recognised themselves in them with pleasure and surprise. Berdibek Sokpakbayev's works are based on the impressions of childhood and youth, often difficult, but also bright, warm and bright. Researchers note: "The secret of success of books by children's writer - in sincerity, knowledge of the psychology of a young child, lack of edification and didacticism" [7, 237].

B. Sokpakbayev wrote the story "Menin atym Kozha" ("My name is Kozha") in 1957. The book gained great popularity, was translated into many languages and published in many countries.

The story is about a boy named Kozha, who finds himself in various funny and instructive situations, facing the challenges of growing up: it describes the boy's daily life, studies, and friendships. The reader is attracted to the hero's events, and problems, which are constantly filled with various incidents of his everyday life. For the little boy Kozha, the hero of the story, family plays an important key role. After all, it is his mother and grandmother who are the dearest to him, as it is they who contributed to his formation as a person, they played a great role in his upbringing and education. Grandmother, bringing up her beloved grandson, did not hide her care for him, her warm attitude toward her grandson. The boy with great love speaks about them, his grandmother and mum: "Mum is respected for her good character and bright head by all in aul. Kozha calls his grandmother a hard-working person, who already from early morning "… is busy, milking two cows, taking milk to the separator, souring it, straining curd, churning butter, putting the house in order, drying kizyak, cooking, and washing. In short, she is the only one who keeps the whole house going" [8, 23].

The book created a bright and favourite image of the hero in the person of Kozha, a boy from a distant, remote Kazakh aul, who became a symbol among teenage readers - a model of courage, resourcefulness, and kindness. His deeds and unwavering honesty inspire other children, showing how important it is to stay true to your principles, help your neighbours and not be afraid to dream. Kozha is a boy hero, who committed mistakes and misdemeanours but, despite that, he was endowed with such important qualities as responsiveness, loyalty in friendship, irreconcilability to injustice, ready to help others. Skin is not just a literary character, but a hero who can inspire people to better actions and attitudes towards others. "Does my mum think I don't have my own head on my shoulders? Both to her and to myself I must prove that I can continue my friendship with Sultan and remain an honest man." [8, 41]. The hero of the story is a boy with a big heart, who is always on the side of goodness and honesty.

In his memoirs, B. Sokpakbayev wrote it was the story of "My Name is Kozha" that inspired him to write other works about the life and adventures of children. The book "Zhekpe-zhek" ("Duel") tells about friendship and rivalry between two boys. The work raises questions of honour, courage and justice.

The main characters of the author's works are schoolchildren and teenagers. "Zhekpe-zhek" - one of the stories designed to show the process of formation of character and civil maturity of these young people. Here it creates a pleasant image of Murat Batyrbayev, who at the age of sixteen became a world champion in boxing due to his energetic demands and diligence. B. Sokpakbayev managed to raise the personality of Murat and his teacher Nikolay Trofimovich, the director of Tokmolda school, to the level of artistic reality. Murat does not immediately achieve his goal. Thanks to inspiration and tireless training under the guidance of Nikolay Trofimovich, he reaches incredible heights and becomes a world champion. This success is not only Murat's achievement but also a symbol of how faith in a student and a teacher's dedication can change destinies and make dreams come true.

Nikolay Trofimovich is a physical education teacher and a dedicated athlete who inspires young people to reach new heights, building their resilience and fortitude. His example shows that true

dedication and love for one's work can become an engine of change and a source of inspiration for future generations.

In the 60s Berdibek Sokpakbayev also wrote an autobiographical story called "Balalyk shakkak saiyakhat" ("Journey to Childhood"). The main characters are kind and mischievous inhabitants of simple auls and regions. In the story, the writer shares memories of his childhood, describing Kazakh traditions, culture and customs. This work allows young readers to better understand and appreciate their roots. The description of the nature and everyday life of the Kazakh aul also serves as an important element that helps to create an atmosphere and more deeply understand the inner world of the characters. "...Summer. Dzhailau. My mother is sitting in a yurt with other women and drinking tea. I am hanging around in the yard watching with interest, how local boys play assyk" [9, 3]. This passage describes the life of the aul in the summer period: warmth, and dzhailau as an important part of the traditional life of Kazakhs. Dzhailau is not just a place, it is a symbol of the nomadic way of Kazakh people, freedom and connection with nature. These two words create a concise yet full-of-meaning image that instantly immerses the reader in the context. Next, we can note a scene that reflects important aspects of Kazakh life. The yurt symbolises the traditional dwelling, the stability of nomadic life, and the scene with the women sitting together and drinking tea speaks of social structure and the importance of communication. Tea here acts as an element that unites people, symbolising hospitality and the traditions of family and community ties. The assyk game is also an important cultural element, a traditional folk game that reflects national identity and is passed on from generation to generation. Such phrases as "spinning" and "watching with interest" show the child's curiosity and fascination with the world around him.

Any work of B. Sokpakbayev reflects not only the everyday life of the Kazakh people but also creates a bright, vivid image of aul life through childhood. The description combines everyday details (summer, dzhailau, yurt, tea) with the emotional experiences of a child who attentively observes what is happening around him. Through simple images and actions, the author conveys important elements of the traditions of the Kazakh people: the connection with nature, family and social traditions, and play as an element of education and transmission of experience.

The author of the story also fascinatingly tells about the nomadic way of life: "For centuries, travelling in search of lush grass and clean air, Kazakhs can not sit for long in gloomy and damp mud-brick bunkhouses. As soon as the gentle sun warms up and black earth appears from under the snow, they are already dreaming of going out into the open. A sedentary life is not for them, they consider it a cage that languishes their souls" [9, 73]. To better understand the culture of the Kazakh people and its spirit, it is enough to read the story "Journey to Childhood".

In the autobiographical novel "The Dead Do Not Return" (1967) B. Sokpakbayev tells about the life and character development of the main character, Erkin, who faces many trials and difficulties on his life path. The description of the general mobilisation for war creates an atmosphere of anxiety and tension in the aul: "We were travelling through a troubled land. In all the collective farms, that we passed through, they were talking about the war. Women were crying. There was a general mobilisation. In Tuyuk, too, it was troubled. As for us boys, we weren't afraid of war. ...War is heroism, heroic deeds, portraits in newspapers, and, eh, if only we'd been taken to the army too! We'd all come back with orders!" [10, 26]. This is how every young boy from aul, full of hope, thought of the war as an opportunity to prove himself and protect his native land.

Conclusion. Berdibek Sokpakbayev is a classic writer of children's books, who made a significant contribution to the development of Kazakh literature. He was characterised by such human qualities as honesty, sincerity, and simplicity: "Understanding how important it is to educate the younger generation through the example of a beloved hero, the writer must set them free from the memories of their childhood and turn them towards the life of a new hero." [11, 191].

The writer's works remain relevant to this day: his whole life was devoted to the education and enlightenment of the younger generation.

Berdibek Sokpakbayev's works deeply reveal the main themes of life, touching upon the issues of relationships between adults and children. His characters face difficulties and life challenges that make them seek answers to important questions about loyalty, honour, friendship and love. The writer with special skill describes not only external events but also his characters' inner world, their experiences and aspirations, which makes his stories touching and close to every reader.

Thus, B. Sokpakbayev, having created a rich children's library, was able to fully depict the souls of his little heroes, the inner world of a child and an adult in his stories and novels. The heroes of B. Sokpakbayev's children's books are the image of childhood, the native home, and the warmth of the family hearth.

References:

1. Great Master of Children's Literature. Newspaper "Lights of Alatau" (2024). Retrieved from https://ognialatau.kz/news/cat-1/30314/ [in Russian]

2. Soqpaqbaeva S. (2005). Berdibek Sokpakbayev tures estelikter [Memories of Berdibek Soqpaqbaev]. – Almaty: Bilim. – 208 p. [in Kazakh]

3. Satkenova Zh.B. (2018). Zhazushy B. Sokpakbayevtyn tildik tulgasy. – Almaty. – 192 p.

4. Kalymov A. (2024). Journey to Childhood // Kazakhstanskaya Pravda. Retrieved from https://kazpravda.kz/n/puteshestvie-v-detstvo/ [in Russian]

5. Artykbaev Zh. (2013). History of Kazakhstan: Textbook. – Astana: folio. – 352 p.

6. Literature of Kazakhstan. (2010). Encyclopedic reference book. – Almaty: Aruna. – 528 p.

7. Nurgali K.R., Nurmakova Zh.K. (2023). Children's story by B. Sokpakbayev "My name is Kozha": from book to remake // Bulletin of the Eurasian Humanitarian Institute. No. 1.

8. Sokpakbayev B. (1980). Menya zovut Kozha: istorii [My name is Kozha: Stories]. – Alma-Ata: Zhalyn. – 496 p.

9. Sokpakbayev B. (1973). Puteshestviye v detstvo [Journey to Childhood]. – Alma-Ata: Zhazushy. – 208 p.

10. Sokpakbayev B. (1969). Mertvye ne vozvraschautsya [The dead don't come back]. – Alma-Ata: Zhazushy. – 228 p.

11. Kirabayev S. (2007). Kop tomdyk shygarmalar zhinagay [Multi-volume collection of works]. – Almaty: Kazygurt.T. 2. – 416 p.

МРНТИ 17.09.09 10.51889/2959-5657.2025.91.1.005

Мустояпова А.Т.
Карагандинский университет им. Е.А. Букетова
Караганда, Казахстан
e-mail: mustoypova2017@gmail.com

ПРИРОДА МИСТИЧЕСКОГО В РОМАНЕ ТОНИ МОРРИСОН «ВОЗЛЮБЛЕННАЯ»

Аннотация

Статья посвящена анализу романа лауреата Нобелевской премии по литературы 1993 года Тони Моррисон «Возлюбленная» на предмет использования автором элементов мистики. Краткий обзор литературы позволяет определить степень разработанности проблемы использования замещающего языка для репрезентации и проработки травматического опыта, связанного с рабством и расовой дискриминацией. Данная проблематика рассматривается в рамках теории травмы и концепции коллективной памяти. Автором статьи предлагается и подвергается анализу гипотеза, касающаяся происхождения и семантики мистического в романе Т. Моррисон «Возлюбленная». В центре внимания оказываются способы выражения последствий и переживания травматического опыта героини романа. Элементы мистического для Т. Моррисон становятся главным изобразительным средством для передачи того, что не может быть выражено привычными художественными средствами, логичным языком. Кроме того, исследование природы мистического позволяет раскрыть своеобразие художественного метода Т. Моррисон и функции замещающего образного языка. В связи с этим поднимается вопрос о вкладе Т. Моррисон в создание канона афроамериканского письма, отличного от доминирующей англосаксонской литературной традиции.

Ключевые слова: подсознание, травма, репрезентация, память, рабство, мистика, призрак

Мұстояпова А.Т.
Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті
Қарағанды, Қазақстан
e-mail: mustoypova2017@gmail.com

ТОНИ МОРРИСОННЫҢ «СҮЙІКТІ» РОМАНЫНДАҒЫ МИСТИКАНЫҢ ТАБИҒАТЫ

Аңдатпа

Бұл-1993 жылы әдебиет бойынша Нобель сыйлығының лауреаты Тони Моррисонның «Сүйікті» романында автордың мистика элементтерін пайдалануын талдауға арналған мақала. Мақалада романдағы мистиканың мән-мағынасы мен оның талданып отырған шығарманың жанрлық ерекшелігіне әсері туралы ағылшын тіліндегі әдебиеттанудағы бар интерпретациялар көрсетілген. Бұл мәселе жарақат теориясы мен ұжымдық жады тұжырымдамасы аясында қарастырылады. Мақала авторы Т. Моррисонның «Сүйікті» романындағы мистиканың шығу тегі мен семантикасына қатысты гипотезаны ұсынып, оған талдау жасайды. Басты назар роман кейіпкерінің бастан кешкен зардаптары мен күйзеліс тәжірибесіне аударылады. Т. Моррисон үшін мистикалық элементтер кәдімгі көркемдік құралдармен және логикалық тілмен жеткізуге болмайтын нәрсені жеткізудің негізгі көрнекі құралына айналады. Сонымен қатар мистикалық табиғатты зерттеу Т.Моррисонның көркемдік әдісінің өзіндік ерекшелігін және алмастырушы бейнелі тілдің функцияларын ашуға мүмкіндік береді. Осыған байланысты Т. Моррисонның

үстем болып табылатын ағылшын-саксондық әдеби дәстүрден өзгеше афроамерикалық жазу канонын құруға қосқан үлесі туралы мәселе көтеріледі.

Түйін сөздер: түпкісана, жарақат, бейнелеу, жады, құлдық, мистика, елес

Mustoyapova A.T.
Buketov Karaganda University
Karaganda, Kazakhstan
e-mail: mustoypova2017@gmail.com

THE NATURE OF THE MYSTICAL IN TONI MORRISON'S NOVEL "BELOVED"

Abstract

The article is devoted to the analysis of the novel "Beloved" by the 1993 Nobel Prize winner in Literature, Toni Morrison, regarding the author's use of elements of mysticism. A brief review of the literature allows us to determine the degree of development of the problem of using a substitute language to represent and study the traumatic experience associated with slavery and racial discrimination. This issue is considered within the framework of the theory of trauma and the concept of collective memory. The author of the article proposes and analyzes a hypothesis concerning the origin and semantics of the mystical in T. Morrison's novel "Beloved". The focus is on the ways of expressing the consequences and experiencing the traumatic experience of the heroine of the novel. For T. Morrison, the elements of the mystical become the main pictorial means for conveying what cannot be expressed by conventional artistic means, in logical language. In addition, the study of the nature of the mystical allows us to reveal the uniqueness of T. Morrison's artistic method and the functions of a substitute figurative language. In this regard, the question is raised about T. Morrison's contribution to the creation of the canon of African American writing, which differs from the dominant Anglo-Saxon literary tradition.

Keywords: subconscious, trauma, representation, memory, slavery, mysticism, ghost

Введение. Роман Тони Моррисон «Возлюбленная» [1] отличается не только новым подходом к созданию художественной реальности, но и становится своеобразным феноменом в жанровом отношении. Это своеобразие зиждется на способе, который использует писательница для изображения последствий перенесенного героиней травматического опыта и его переживания спустя долгое время. Автор романа сознательно избегает прямого изображения насилия и дискриминации, не желая сводить повествование к традиционным рассказам об ужасах рабства. Она отказывается и от привычных маркировок ситуации (рабство) и субъектов (раб, рабыня), воспринимаемых читателем со стороны, с безопасного расстояния, т.к. рабство и трагические истории рабов остались в прошлом, и потому, как кажется, уже не могут вызывать в читателе острой эмпатической реакции.

Т. Моррисон предлагает увидеть, во-первых, не само рабство, а его воздействие на психику человека, его идентичность и поведенческие нормы. Ее интересуют следы, которые в сознании уже бывших рабов оставляет рабство с его обесчеловечиванием человека. Во-вторых, она предлагает обнаружить следы прошлого через сознание главной героини, но не посредством потока сознания и эмоционального переживания, а используя невербальные способы выражения последствий травматического опыта. В романе «Возлюбленная» это – элементы мистического, посредством которых автор пытается изобразить область подсознательного. Данный подход создает неожиданную перспективу, которая вызывает разноречивые оценки литературоведов и критиков.

Роман «Возлюбленные» становился предметом исследования в рамках теории травмы, постколониальной теории, концепции идентичности, когнитивистского критического подхода, феминисткой литературной критики, теории восприятия читателя, дарвинистсткой литературной

критики, рабских нарративов, своеобразия творческого метода, а также функционирования и места афроамериканского повествования в доминирующем англо-саксонском литературном пространстве.

Соломон О. Иэсер и Марлу В. Иэсер отмечают, что творчество Т. Моррисон было «стимулировано необходимостью исправить то, что, по ее мнению, было прискорбным молчанием об опыте чернокожих в литературе, которую она читала» [2, 8]. Ф. Пейдж размышляет о проблематизации в романах Т. Моррисон последствий отделения афроамериканцев от доминирующей «белой» культуры, в условиях которого она создает свой художественный мир [3]. Критики подчеркивают, что романы Т. Моррисон отличны от романов мужчин, создающих афроамериканский роман. Так, Ш. Муди-Тернер заключает, что афроамериканские писательницы обращают внимание на тот факт, что женщина гораздо более унижена и лишена прав по сравнению с афроамериканским мужчиной [4]. С. Фаршид видит в романе Т. Моррисон воплощение «технологии тела» рабства, при котором рабы рассматриваются как «недочеловеческие существа», которые «на лестнице социально-дарвинистской эволюции стоят на более низкой ступени, нежели человек» [5, 162].

К. Лифсон видит в повествовании Т. Моррисон борьбу с «империалистическим использованием языка», которая обращается к фольклору и устным традициям как значимым формам знания [6, 40]. Т. Харрис также подчеркивает фольклорные мотивы, посредством которых Т. Моррисон творчески перестраивает, адаптирует традиционные образцы и создает альтернативную вселенную, где невероятное воспринимается как должное, стирается грань между историей и вымыслом, легендой и фактом [7]. В использовании повествовательных фольклорных форм Б. Белл видит средство создания «двойственности сознания» персонажей [8]. Исследователи, определяя своеобразие творческого метода Т. Моррисон, находят в романе «Возлюбленная» черты «магического реализма». Так, Д. Лоуренс [9], К. Дэвис [10] рассматривают образ призрака, мифы как проявление магического для передачи событий реального мира.

Художественное повествование Тони Моррисон Н. Ваджик определяет как «афроамериканский постмодернистский супернатурализм», в котором обнаруживаются африканские элементы и «постмодернистское сверхъестественное». Использование магии исследователь рассматривает как «общий элемент всех афроамериканских жанров постмодернизма» [11, 201]. Афроамериканское художественное мышление, проявляющееся в элементах магического, мифологического, фантастического, потустороннего ставят в тупик не только читателей, но и критиков. Так, С. Бауэрс отмечает, что требуются иные формы критической интерпретации, чтобы увидеть «нечто более сложное и отягощенное, чем буквальный призрак» [12, 61].

Множественность интерпретаций, спорные суждения, а порой и отсутствие ответов на вопросы о замысле, своеобразии художественного мышления и изобразительного языка Т. Моррисон определяют актуальность данной статьи, посвященной анализу способов выражения индивидуальной и коллективной травмы в художественном произведении посредством элементов мистического.

Методы и материалы. В статье использована теория травмы, позволяющая определить признаки и способы выражения травматического опыта. Историко-типологический и когнитивистский подходы обеспечивают возможность продемонстрировать устойчивое и продолжительное влияние исторических событий на состояние социума и отдельной личности, на когнитивные процессы, происходящие в болезненном, расстроенном сознании человека. Автор статьи использует системный подход, обеспечивающий рассмотрение явлений в целостности многообразных связей таких составляющих, как история рабства, его последствия, переживание перенесенного травматического опыта и способов его выражения.

Материалом исследования является роман Т. Моррисон «Возлюбленная», а именно способы выражения посредством мистического переживания травматического опыта прошлого и функционирование памяти.

Результаты и обсуждения. В последней трети XX века литература США претерпевает значительную трансформацию и расширение за счет включения ранее игнорируемых

афроамериканских, индейских, латиноамериканских повествований, а также литературы диаспор. Афроамериканская литература, пройдя период проблематизации темы расового антагонизма, сосредоточилась на вопросе последствий рабского прошлого. В связи с этим встал вопрос об адекватном изображении сложного комплекса психологических проблем, переживаемых сообществом, чье прошлое включало травмирующий опыт рабства. Таким образом, перед афроамериканскими писателями стояла задача не только освоить сложную тему, но и создать язык, изобразительные средства которого позволяют достичь повествовательной полноты.

В работе 1992 года «Игра в темноте. Белизна и литературное воображение» Т. Моррисон задается вопросами: «Как устроено литературное высказывание, когда оно пытается представить африканиста? Какие признаки, коды, литературные стратегии, предназначенные для этого?» [13, 1169]. Данные вопросы были обусловлены проблемой, заключающейся в том, что афроамериканцы были редко представлены в литературе, поскольку сложился канон американской национальной литературы, исключающий присутствие африканизма. Авторы-афроамериканцы пришли к выводу о том, что доминирующая англосаксонская литературная традиция не имела художественных средств для передачи опыта, психологии, травм, переживаемых афромериканцами.

Т. Моррисон, изучавшая творчество В. Вулф и У. Фолкнера в рамках своей магистерской диссертации, а также хорошо знакомая с американской и европейской литературными традициями, не находила того, что могло послужить ей в качестве художественного образца или ориентира. Ей было недостаточно ни приема «потока сознания» (В. Вулф), ни полифонизма (У. Фолкнера), ни многоуровневости постмодернистских текстов. Она не находила общего и в том опыте, который переживали, например, героини Л. Толстого и ее собственные. Отличающиеся темы, проблемы, типы героев требовали разного языка. Для замысла и текстов Т. Моррисон был необходим иной повествовательный язык. Она описывала то, с чем не соприкасались, не могли переживать и, следовательно, изобразить писатели других культур, и потому ей надо было изобретать собственный стиль, манеру, образный ряд.

Чарльз В. Шил отмечает: «…Моррисон была решительно настроена на разработку чего-то вроде нового языка, способного выражать историческую травму рабства, которую пережили персонажи» [14, 161]. Т. Моррисон была не единственной, пришедшей к решению отказаться от англосаксонского литературного канона. Дж.Е. Мартинс указывает, что современные афроамериканские авторы «меняют свои прежние литературные взгляды и отказываются от влияния белых, чтобы разработать подлинно черную модель, осуществляя таким образом деколонизацию» [15].

Следование принятому литературному канону, т.е. обращение к изобразительным средствам англосаксонского письма, внесло бы в повествование то, чего Т. Моррисон пыталась непременно избежать: взгляд «со стороны», отношение к герою как объекту с точки зрения отчужденного читателя, восприятие переживаемой героиней травмы как чего-то странного, непонятного, раздражающего. Т. Моррисон хотела дать взгляд изнутри, из самых глубин внутреннего «я» афроамериканца. И реализация этой задачи требовала особого уровня повествования, которое бы обращалась к психике читателя, избегая рассудочности, оценочности, выстраивания логических суждений. Последнее, что нужно было Т. Моррисон, – это отчуждение между читателем и героиней романа, афроамериканкой, бывшей рабыней. Писательнице следовало преодолеть раздвоенность, разделенность доминирующей американской и маргинальной афроамериканской культур, мироощущения, травматического опыта прошлого, образного мышления.

Так, Т. Моррисон сознательно отказывается от следования англосаксонской традиции и обращается к тому культурному наследию, который позволяет продемонстрировать специфику афроамериканского сознания, подобно тому, как «магический реализм» позволил передать своеобразие латиноамериканского типа художественного мышления и мироощущения.

Стремление Т. Моррисон создать особый язык для решения своих творческих задач, а также тот факт, что ее главными героями являются женщины, перекликается с тезисами Элен Сиксу, изложенными ею в программном эссе «Смех Медузы». Э. Сиксу пишет о том, что, создавая свое письмо, женщина прорывается сквозь перспективу мужского взгляда, в котором она была объектом, она освобождается от сложившихся в «мужской» литературе форм и приемов изображения женщины. Нечто подобное делает Т. Моррисон в романе «Возлюбленная»: она выходит за пределы рамок, которые были обусловлены англосаксонской литературной традицией. В этой традиции афроамериканец был «Другим», представал объектом восприятия со стороны «белого» большинства. Герои Т. Моррисон перестают функционировать «внутри» англосаксонского дискурса или «белого» письма, вырываясь в иное повествовательное пространство.

Элен Сиксу противопоставляет мужское и женское письмо: «По незнанию большинство читателей, критиков и писателей обоих полов не решаются признать или прямо отрицать возможность или уместность различия между женским и мужским письмом» [16, 946]. Проводя параллель между дихотомией мужское/женское письмо и англосаксонский/афроамериканский текст, допустимо предполагать, что Т. Моррисон видит существенную разницу между изобразительными средствами, которые способны адекватно передать ситуации, образы, персонажей в зависимости от темы, проблематики, задач, стоящих перед англосаксонскими и афроамериканскими авторами.

Перефразируя Э. Сиксу, но используя ее логику, можно утверждать, что доминирование англосаксонской традиции в литературе привело к формированию художественного языка для описания определенного типа мировосприятия и жизни, что находит выражение в образах, эпитетах, ассоциациях, метафорах и т.п. В этой «ловушке» оказываются авторы-афроамериканцы, которые выросли на англосаксонских текстах и освоили их манеру письма, как единственно существовавшую, безальтернативную. Э. Сиксу пишет об авторах-мужчинах и авторах-женщинах: «Нет смысла также присваивать себе их инструменты, их концепции, их места или завидовать им, их позиции мастерства... Для нас цель не в том, чтобы завладеть, чтобы усвоить или использовать, а, скорее, в том, чтобы прорваться…» [16, 949]. Предложенная Э. Сиксу альтернатива – не осваивать доминирующую литературную традицию, оставаясь в ее плену, подстраиваясь под нее, а прорваться за его границы, разрабатывать иное письмо, – в полной мере соответствует выбору Т. Моррисон. Она отходит от «белого» письма, чтобы создавать афроамериканский литературный канон.

При создании нового, женского, письма Э. Сиксу предлагает сосредоточиться на теле, которое определит новую образность, новый описательный язык, установит новые уровни восприятия мира и т.д. Несомненно, что Т. Моррисон также почувствовала, что ее роман может обрести глубину и убедительность, если она предложит не рассудочное, логично изложенное повествование о прошлом героини, а даст новую перспективу – мир, воспринимаемый через телесный опыт, органами чувств. Это обусловило появление в романе «Возлюбленная» воплощенного образа прошлого – призрака.

Следует отметить, что в романе Т. Моррисон предлагает не очередную индивидуальную историю рабства, а последствия, след тех травм, которые оставляет рабство. Этот след залегает глубоко в сознании, но чудовищность этого травматического опыта заставляют людей избегать мыслей, воспоминаний о нем даже спустя многие годы. Д. Лакарпа отмечает: «Травмы и травмирующие события, переживания или процессы, такие как геноцид и другие формы насилия и надругательств, могут быть связаны двойными обязательствами и могут ограничивать то, что может быть представлено с какой-либо степенью адекватности» [17, 377]. Подчеркивая сложность передачи травматического опыта «с какой-либо степенью адекватности», исследователь напоминает слова Витгенштейна: «О чем нельзя говорить, о том нельзя и молчать». Д. Лакарпа указывает, что повествование о травме напоминает «экран памяти, за которым скрываются тревожные, возможно, травмирующие явления или, в более общем плане,

проблемы, требующие иного, но изменчивого в культурном отношении и не поддающегося кодификации подхода» [17, 378]. Тони Моррисон пытается найти образность и повествовательную форму, которая позволила бы обозначить то, о чем нельзя ни сказать, ни умолчать.

Писательница использует пограничный, существующий между двух миров, образ призрака, что позволяет решить проблему с невозможностью выразить нечто словами, с одной стороны, и все же не умолчать, дать символическое объяснение происходящего, с другой стороны. Безусловно, в этом случае упомянутая Д. Лакарпа кодификация затруднена, но ведь перед Т. Моррисон не стоит задача собрать воедино разрозненные воспоминания Сэти в логическое, последовательное, понятное повествование, тем самым создав еще одну личную историю угнетения. Для нее гораздо важнее зафиксировать и передать те смутные, ускользающие мысли, чувства, которыми обуреваема героиня романа. Этот прием обусловлен задачей, поставленной романисткой, – показать ни историю, ни сущность рабства, а те долгие и нестираемые следы, которые оно оставляет в душах, умах людей, ставших жертвами системы рабовладения.

Стремление избежать травмирующее переживание приводит человека к избеганию воспоминаний, которые связаны с чувствами стыда, страха, вины. Но, заставив себя не думать о прошлом, избегать разговоров о нем, героиня романа «Возлюбленная» не может повлиять на тело, которое помнит насилие, унижение, эксплуатацию. Данный феномен Т. Моррисон передает через телесный опыт, физические ощущения. Это и «дерево» на спине, след от порки, и потеря Сэти способности воспринимать цветовую гамму, и «глухота» Денвер, и способность их обеих видеть призрак и взаимодействовать с ним. Все это – не признаки «магического реализма», не чудесное, нашедшее место в реальном. В романе Т. Моррисон мистическое, потустороннее имеет иное объяснение. Область мистического здесь – воплощение скрытой, задавленной психологической травмы. «Травма, – пишет Д. Лакарпа, – поразительным образом раскрывает важность аффекта и его влияния на память, указывая как на травматическую память в виде посттравматических последствий (навязчивых повторений, реакций испуга, чрезмерных реакций, серьезных нарушений сна, включая повторяющиеся ночные кошмары и т.д.)…» [17, 377]. То, что Сэти старательно избегала, замалчивала, находит выход через физическое, телесное, воплощенное в призраке.

Коннор Лифсон пишет о том, что невыразимое не может быть выражено словами, но может быть пережито внутри тела и понято, даже если превышает необходимую степень логики, четкости, понятности [6, 46]. В «Возлюбленной» мы наблюдаем то, как прошлое настигает настоящее через мистическую фигуру воскресшей дочери Сэти. Возлюбленная – это и есть травмирующее прошлое, воплощенное в образе призрака дочери, убитой Сэти много лет назад. Причина убийства имеет прямое отношение к рабству и насилию, которому подвергалась Сэти и многие афроамериканцы в период рабства. Она убивает дочь, чтобы та не попала в руки рабовладельцев и не повторила трагическую судьбу матери, бабушки и других женщин, оказавшихся в рабстве. Таким образом, призрак становится символом коллективной травмы.

Теория «воплощенного познания» рассматривает тесную связь между телом и переживаемым им опытом существования. Этот опыт находит отражение в различных когнитивных процессах, отражающих проекцию телесного бытия на мозг/мышление. Образы реального мира создают сложные когнитивные системы от поддающихся логике до алогичных, деструктивных, болезненных, пограничных, мистических. Человеческий разум играет ключевую роль в построении образов. Таким образом, призрак умершей дочери Сэти становится порождением ее разума, точнее ее ментального и психологического состояния.

Когнитивистский подход подвергает сомнению рационализм с его предпосылкой о разделении ума и тела. Новое видение взаимосвязи разума и тела исходит из допущения возможности визуализации, вербализации, воплощения мышления через материализацию духовного опыта. Так, травматические воспоминания могут быть телесно воплощены, переданы посредством сенсорно воспринимаемых мистических образов. К. Лифсон оспаривает разделение

невыразимого, предстающего в виде мистического, и реального опыта человека: «Во многих философских трактовках невыразимое рассматривается как нечто далекое от человеческого опыта, относящееся к области мистицизма. Вместо этого я хочу вновь поместить невыразимость в основу человеческого опыта. Тот вид невыразимости, который я здесь исследую, не совсем вписывается в определения, предлагаемые западной философской традицией» [6, 38].

Тони Моррисон использует метод, с помощью которого конструкции человеческого мозга воплощены в виде призрака. В романе «Возлюбленная» вытесняемое из памяти, замалчиваемый травмирующий опыт является перед Сэти в плоти умершей дочери. Ю. Кристева объясняет данный феномен: «Теория бессознательного, как известно, предполагает вытеснение содержания (аффектов и представлений), которые, таким образом, не проникают в сознание, но оказывают влияние на изменение речи субъекта (парапрактики и т.д.), тела (симптомы) или того и другого вместе (галлюцинации и т.д.). В качестве корреляции с понятием вытеснения Фрейд выдвинул понятие отрицания как средства выявления невроза, а также отрицания (отречения) как средства создания ситуации психоза» [18, 7]. Для презентации травмированного сознания Т. Моррисон использует следующие приемы: появление призрака ранее умершей дочери как воскрешение прошлого; потеря сенсорного и чувственного восприятия как символ сопротивления любому чувственно воспринимаемому опыту; изображение потустороннего мира как образа пугающего прошлого; ощущение пустоты, молчание, глухота как разрыв с миром, стремление к изоляции; утрата контроля над телом как символ потери себя в мире.

Накопившаяся негативная энергия, непроработанные травмы, страх перед воспоминаниями, разрушающие Сэти изнутри, требовали выхода в виде вербальной репрезентации. Однако Сэти избегала и воспоминаний, и разговора о перенесенных травмах. Призрак Возлюбленной представляет собой воплощенное прошлое и травмирующие воспоминания, связанные с ним. Призрак вторгается в жизнь Сэти, прорывая завесу молчания, разрушая попытки героини скрыться от прошлого, забыть о нем.

Вербальная невыразимость травматического опыта, бессилие языковых средств, способных адекватно передать произошедшее с героиней, подвигло Т. Моррисон к тому, чтобы создать в повествовании уровень мистического. Чем больше Сэти и ее дочь Денвер разрывали связи с внешней жизнью, социумом, тем интенсивнее становилось их внутреннее бытие, переходящее в область мистического. То, что не было осознано логически, проработано разумом, обретало мистическую природу. Мистика з– это другой уровень существования, отличный от реальной действительности. Отторгаемая память о прошлом воскрешала в образе призрака.

Другое объяснение природы мистического в романе заключается в том, что привычный язык бессилен выразить насилие, страх, унижение, пережитые Сэти. К. Лифсон подчеркивает: «Язык никогда не сможет «определить» рабство, геноцид, войну» [6, 38]. Т. Моррисон пыталась передать не ужасы рабства, а его отражение в сознании человека. Романистка сосредоточила свое внимание на том, что остается за рамками трагических повествований о рабстве и рабах. Нельзя не согласиться с К. Лифсоном, который пишет о романе следующее: «"Возлюбленная" призывает своих читателей, как и своих героев, искать это воплощенное знание, которое невозможно передать словами» [6, 37]. Исследователь называет письмо Т. Моррисон «невидимыми чернилами истории».

Т. Моррисон интересует не столько история Сэти как ряд событий, сколько рефлексия героини, т.е. то, что происходит в ее голове. Сэти понимает, что главное насилие над ней заключалось не на физическом уровне, не в эксплуатации, а в насилии над душой, достоинством, человеческими чувствами. Героиня объясняет, что «любой белый может забрать тебя себе целиком, всего, вместе с душой, если это придет ему в голову. Не просто вынудит тебя работать на него – может убить или изуродовать, может испачкать тебе душу. Испачкать так, что ты сама себе станешь отвратительна; забудешь, кем была прежде, даже вспомнить не сможешь» [1, 402]. Трагедия заключается в том, что даже когда Сэти уже не грозит физическое насилие, полученная ментальная травма продолжает оказывать на ее психику, социальную жизнь свое разрушающее

воздействие. Эту ментальную травму сложно передать существующими изобразительными средствами, поэтому Т. Моррисон использует образы потустороннего мира как демонстрацию крайнего отчуждения героини от действительности, потерянность, духовную изоляцию, разрыв с реальным миром.

Появление призрака убитой дочери означает вторжение образов прошлого и воспоминаний, которых старательно избегает Сэти. Призрак заставляет вспоминать пережитое, погружаться в прошлое. Договор, заключенный Сэти с Бэби Сагз, не пытаться выразить то, что не поддается вербализации, т.е. отказ от воспоминаний и проработки травм, отсечение прошлого, не принес героине облегчения и разрешения ментальных проблем. Невыразимое, невысказанное, не проработанное вторглось в жизнь Сэти в образе призрака, мучающего ее, заставляющего вновь и вновь возвращаться в прошлое.

Т. Моррисон пишет: «И вот что было в этом для Сэти удивительно: у нее самой всякое воспоминание о прежней жизни вызывало боль, все это было утрачено навсегда. У них с Бэби Сагз существовал молчаливый уговор никогда не поднимать запретную тему прошлого; на расспросы Денвер Сэти отвечала или предельно коротко, или невнятными отговорками» [1, 97]. Причина заключалась не только в нежелании Сэти говорить о прошлом, но и в отсутствии слов, способных передать ее мысли, чувства. Отсюда фрагментарность повествования, обрывочность воспоминаний, что является признаком травмы – потеря цельности бытия, ощущение распада, утрата идентичности, отчуждение от самой себя через отчуждение от истории собственной жизни.

Д. Лакарпа прочитывает роман как пример преодоления травмы путем ее вербализации: «“Возлюбленная” Тони Моррисон была воспринята как исследование посттравматических последствий рабства и попытка разобраться с его обескураживающим наследием и преследующими “призраками”» [17, 381]. Обращение героини к собственному прошлому необходимо, чтобы вернуть себе ощущение цельности бытия, сократить разрывы между прошлым и настоящим, восстановить собственное «я».

Сэти, наконец, рассказывает о пережитых ею ужасах Полу Д., который, имея собственный опыт рабства, угнетения, унижения, способен понять ее без дополнительных объяснений и травмирующих, порой унизительных подробностей. Пол Д., который тоже подавляет собственные воспоминания, защищается от призраков былого, хранил прошлое там, «где ему и положено быть: в жестянке из-под табака, спрятанной в груди, там, где раньше было красное сердце. Ее крышка заржавела» [1, 73]. Пол Д. именно тот слушатель, который понимает причину происходящего с Сэти и, главное, причину появления призрака. Посредством рассказа Сэти романистка объясняет читателю, что призрак есть проекция тревог и страхов Сэти. Призрак – производное от прошлого, воплощение вытесняемых воспоминаний и травм, от которых бежит героиня романа.

Благодаря Полу Д., который выслушивает Сэти, читатель именно с его перспективы воспринимает произошедшее с героиней и готов без дополнительных подсказок восполнять повествование тем, что невозможно выразить словами. Более того, воспринимая рассказ Сэти, который она доверяет Полу Д., читатель слушает как бы с близкого расстояния, а не на дистанции автор/читатель. Рассказ Сэти все понимающему Полу Д. требует и от читателя определенного уровня восприимчивости, эмпатии, терпения и осознания того, что травмированная Сэти не сможет изложить все просто и логично, что она не готова создавать убедительные натуралистические картины или облекать в обычные слова то, о чем ей даже думать больно. Уже до фрагментарных, сбивчивых воспоминаний Сэти будучи знакомым с призраком, читатель открывает для себя природу мистического, необъяснимого. Дж. Хартман подчеркивает, что «на уровне поэтики этим двум типам (зарегистрированное травмирующее событие и воспоминание о нем. – А.М.) познания могут соответствовать буквальное и образное. Таким образом, травматическое знание может показаться противоречием в терминах. Это так же близко к незнанию, как и к знанию. Поэтому любое общее описание или моделирование травмы

само по себе рискует оказаться образным, вплоть до мифической фантасмагории» [19, 537]. Безусловно, если бы Тони Моррисон хотела продемонстрировать ужасающие факты рабства, она создала бы художественным образом оформленное «зарегистрированное событие», но ее, как писателя, интересует воспоминание, то, что зафиксировала память человека о рабстве, и потому она создает образное повествование, где что-то до конца так и остается зыбким, суггестивным, подразумевающимся, находящимся на грани между знанием и незнанием.

Закономерно возникает вопрос: почему, кроме самой Сэти, призрак видят Пол Д. и Денвер, живая дочь Сэти? Что касается Пола Д., то он, как и Сэти, избегающий воспоминаний, понимал, что творится в голове, мыслях человека, прошедшего ужасы рабства. Именно поэтому у него не возникало вопросов, каким образом в доме оказался призрак. Он лишь недоумевает, почему Сэти продолжает жить в этом доме. Ему нужно было узнать, кто он, этот призрак, чтобы понять, что конкретно не отпускает Сэти, что происходит в ее голове, что вселяет в нее ужас, в зависимости от чего и кого она находится.

После первой тщетной попытки изгнать призрак Пол Д. понимает, что дело не в призраке, а в Сэти. Он заставляет ее вспоминать, вернуться в прошлое и, тем самым, проработать травму. Более того, в беседах Пол Д. тоже воскрешает свое прошлое, рассказывая о случившемся с ним. Так, бегущие от своего прошлого, от самих себя, герои начинают исцеляться. Это происходит благодаря принятию прошлого и себя в нем. Они восстанавливают не только историю своей жизни, но и свою цельность.

Непроработанные травмы передаются следующему поколению, от матерей к дочерям. След, оставленный рабством в душе Сэти, коснулся и ее младшей дочери Денвер. Девочка, выросшая уже после отмены рабства, не сталкивалась с рабством, но она существует в психологическом поле матери, в поле ее страхов, комплексов, чувства вины. Денвер словно заражается травмами матери, при это не до конца понимая природу их происхождения. Она знает об убийстве матерью старшей дочери, произошедшем много лет назад. Но травмирующий опыт существования в рабстве для нее остается сокрыт, поскольку Сэти рассказывает Денвер о прошлом фрагментарно, касаясь наиболее безопасных фактов своего прошлого. Это, например, рассказ о рождении Денвер и помощи «белой» девушки, которая не оставила беременную Сэти умирать в поле. В этом рассказе у Денвер было «самое любимое место». Сэти оберегала Денвер от собственных травм, и поэтому не рассказывала ей о самых чудовищных фактах своего трагического прошлого. Она, боясь того, что воскрешенное в памяти прошлое вернется. Она говорит дочери: «…больше того, если ты туда отправишься – даже если никогда там не бывала – и постоишь на том месте, где эта ферма была, то все произойдет снова; все снова начнется – для тебя, будет поджидать тебя» [1, 62]. Однако ее предупреждения погружают Денвер в состояние тревоги и страха перед всем, что находится за пределами их дома.

Ментальное нездоровье матери сказалось на Денвер, которая прервала связь с внешним миром, где ей напоминали о преступлении матери и тюрьме. Она не поддерживала связь с местным сообществом, и весь ее мир сузился до границ дома и общения с матерью. Денвер испытывала и личный страх. Она боялась, что у матери может случиться рецидив, и тогда Денвер станет ее жертвой (два сына Сэти сбежали из дома, боясь матери). Так непроработанная травма Сэти становится травмой Денвер. Пребывая в этом болезненном состоянии тревоги, страха, психика Денвер была способна воспринимать тонкие материи, видеть призрак из того прошлого, которого она опасалась.

Разрушительное для психики человека событие, которое в силу жестокости не сразу полностью осознается им, спустя время проявляется в виде панических атак, галлюцинаций, физических состояний, которые не могут контролироваться и блокироваться носителем травмирующих воспоминаний. В случае с Денвер мы видим, что ее жизнь отравляют «воспоминания», вложенные в нее матерью. Эти присвоенные воспоминания оказываются настолько травмирующими, что Денвер в попытке избежать прошлого, которое может стать ее настоящим, в течение двенадцати лет живет взаперти.

Таким образом, способность Денвер воспринимать мистическое, общаться с призраком, есть признак того, что прошлое матери было воспринято, «унаследовано» ею и оказывало на нее травмирующее воздействие. Это обстоятельство сказалось на ее неспособности жить в реальном мире и решении заточиться в доме с призраком.

По мере того, как Возлюбленная приобретает все более плотную телесную оболочку, требует все больше внимания, поглощая собой мать, ее время и мысли, Сэти оказывается все более затянутой в поле призрака, рискуя погрузиться в потусторонний мир. В это самое время происходят беседы Сэти с Полом Д., которые заставляют ее вспоминать и, тем самым, прорабатывать травмы, освобождаться от их гнета. По мере восстановления Сэти истории своей жизни, принятия прошлого и себя, призрак Возлюбленной исчезает. Возвращение к прошлому становится для Сэти воскрешением к жизни самой себя, своей цельности, своей субъектности, своей идентичности. Так, героиня преодолевает разрыв между прошлым и настоящим, между душой и телом.

Дж. Хартман отмечает: «Одна из причин, по которой реальное не кажется прямым или почему оно не выражено в реалистичном стиле, – эта травма может включать в себя разрыв символического порядка... Основное внимание уделяется раскрытию бессознательного или незнания знания – потенциально литературного способа познания… Упор делается на образное использование языка, а не на идеальную прозрачность смысла» [19, 543-544]. Т. Моррисон, создавая уровень мистического, раскрывает подсознание Сэти, определяющее ее реальное бытие.

Важно осознавать, что целью Т. Моррисон было не только повествование о трагическом опыте Сэти, но и поиск выхода из плена травмирующего прошлого. Героиня видит выход в проговаривании своего прошлого, принятии пережитого опыта, травм и себя в этой трагической истории. В противном случае вытесняемое прошлое приходит в виде призраков и никакое избегание воспоминаний не поможет исключить повторения травмы в той или иной форме: депрессии, социальной изоляции, шизофрении, повторном насилии. Б. У. Белл, автор книги об истории афроамериканского романа, пишет о том, что афроамериканские романисты выбирают «повествование, которое лечит травму… Они подтверждают силу народной традиции как способа видения и познания важных истин, позволяющего преодолевать превратности жизни» [8, 312].

Роман Тони Моррисон «Возлюбленная» позволяет вылечить травму, конечно, уже не тем, кто испытал рабство на себе более полутора веков назад, но тем, кто испытывает на себе последствия травматического опыта прошлого.

Заключение. Тони Моррисон в романе «Возлюбленная» предлагает увидеть не само рабство, а его следы и его продолжающееся разрушающее воздействие на психику человека. Писательница описывает в романе то, что не переживали и потому не могли адекватно изобразить те авторы, чьи предки и сообщества не были жертвами рабства. Это обстоятельство потребовало от романистки использования новых изобразительных средств, создания собственного стиля, писательской манеры, образного ряда.

Таким образом, Т. Моррисон способствовала созданию канона афроамериканского письма, отличного от доминирующей англосаксонской литературной традиции.

Природа и значительная роль мистического в романе позволила романистке изобразить психическое состояние героини путем введения в повествование образа призрака, воплощающего собой прошлое и связанный с ним травматический опыт. Так Т. Моррисон разрешает конфликт между языком и изложенными событиями, которое невозможно облечь в логические слова. В пробелах ее пунктирного повествования, в пропусках фрагментированных воспоминаний остается то, что невозможно сформулировать, но можно воспринять эмоционально.

Мистическое в романе выполняет важную функцию – воплощение психического поля человека, находящегося под воздействием травмирующего опыта и гнетущих воспоминаний о

прошлом. В этом заключается главное отличие романа «Возлюбленная» от произведений «магического реализма» со свойственным ему соединением явлений реального мира, с одной стороны, и не поддающихся логическому объяснению элементов мифа, фантастики, фольклора, магии, с другой стороны. Однако элементы мистического, сверхъестественного в романе Тони Моррисон имеют логическое и даже научное объяснение (когнитивная теория). «Магический реализм» с элементами волшебного представляет собой особый тип художественного сознания, в то время как мистическое у Тони Моррисон есть прием, позволяющий реализовать особую оптику, перспективу, а также средство адекватной передачи когнитивных процессов, происходящих в травмированном сознании героини.

Список использованной литературы:

1. *Моррисон Т. Возлюбленная. – М.: Иностранка, 2005. – 446 с.*
2. *Iyasere Solomon O., Iyasere Marla W. Career, Life, and Influence on Toni Morrison // Critical Insights Toni Morrison. Editors Solomon O. Iyasere and Marla W. Iyasere California State University, Bakersfield Salem Press Pasadena, California Hackensack. – New Jersey: Published by Salem Press, 2010. – P. 3-7. Retrieved from https://vdoc.pub/documents/toni-morrison-5isfibt8s8q0*
3. *Page Ph. Morrison's Novels as Texts, Not Works // Critical Insights Toni Morrison. Editors Solomon O. Iyasere and Marla W. Iyasere California State University, Bakersfield Salem Press Pasadena, California Hackensack. – New Jersey: Published by Salem Press, 2010. – P. 81-96. https://vdoc.pub/documents/toni-morrison-5isfibt8s8q0*
4. *Moody-Turner Sh. Folklore and African American Literature in the Post-Reconstruction Era // A Companion to African American Literature. – Wiley-Blackwell: A John Wiley & Sons Ltd., Publication, 2010. – P. 200-212.*
5. *Farshid S. Political Technology of the Body in Toni Morrison's Beloved // International Conference on Humanities, Historical and Social Sciences, 2012. – Vol. 48. – P. 159-163*
6. *Lifson C. An Ineffable Haunting: Language, Embodiment, and Ghosts in Toni Morrison's Beloved. – The Cambridge Journal of Postcolonial Literary Inquiry, 2023. – 11: 1. November. – P. 36-53.*
7. *Harris T. Fiction and Folklore: The Novels of Toni Morrison/T. Harris. – Knoxville: University of Tennessee Press, 1991. – 228 p.*
8. *Bell B. W. The Afro-American Novel and Its Tradition. – Amherst: University of Massachusetts Press, 1987. – 421 p.*
9. *Lawrence D. Fleshly Ghosts and Ghostly Flesh: The Word and the Body in "Beloved" // Toni Morrison's Fiction: Contemporary Criticism. Ed. by David L. Middleton. – New York: Routledge, 1997. – P. 231-246.*
10. *Davis C.Y. Self, Society and Myth in Toni Morrison's Fiction // Toni Morrison. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 1998. – P. 27-42.*
11. *Vajić N. African American Postmodern Supernaturalism. – European Journal of Social Sciences Education and Research, 2017. –Vol.11. – N. 2. – P. 201-205.*
12. *Susan R. Bowers. A Context for Understanding Morrison's Work // Critical Insights Toni Morrison. Editors Solomon O. Iyasere and Marla W. Iyasere California State University, Bakersfield Salem Press Pasadena, California Hackensack. – New Jersey: Published by Salem Press, 2010. – P. 56-77. Retrieved from https://vdoc.pub/documents/toni-morrison-5isfibt8s8q0*
13. *Morrison T. Playing in the Dark // Rivkin J., Ryan M. Literary Theory: An Anthology. Third Edition. – John Wiley&Sons, 2017. – P. 1163-1173.*
14. *Scheel W.Ch. Toni Morrison's Beloved: a traumatic book on the trauma of slavery? – Syllabus Review 1(1), 2009. – P. 153-169.*
15. *Martins J.E. The Personal and the Political in the Literature of African Descent. – Academia Letters, 2021.*

16. Cixous H. The Laugh of the Medusa // Rivkin J., Ryan M. Literary Theory: An Anthology. – T. 3. – John Wiley&Sons, 2017. – P. 940-954.

17. Lacapra D. Trauma, History, Memory, Identity: What Remains? – History and Theory, 2016. – P. 375-400.

18. Kristeva J. Powers of horror: An Essay on Abjection. – New York: Columbia University Press, 1982. – 219 p.

19. Hartman H.G. On Traumatic Knowledge and Literary Studies Source. New Literary History. – Vol. 26. – No. 3. – The Johns Hopkins University Press, 1995. – P. 537-563.

References:

1. Morrison T. (2005). Beloved. – M.: Inostranka. – 446 p. [in Russian].

2. Iyasere Solomon O., Iyasere Marla W. (2010). Career, Life, and Influence on Toni Morrison // Critical Insights Toni Morrison. Editors Solomon O. Iyasere and Marla W. Iyasere California State University, Bakersfield Salem Press Pasadena, California Hackensack. – New Jersey: Published by Salem Press. – P. 3-7. Retrieved from https://vdoc.pub/documents/toni-morrison-5isfibt8s8q0

3. Page Ph. (2010). Morrison's Novels as Texts, Not Works // Critical Insights Toni Morrison. Editors Solomon O. Iyasere and Marla W. Iyasere California State University, Bakersfield Salem Press Pasadena, California Hackensack. – New Jersey: Published by Salem Press. – P. 81-96.

4. Moody-Turner Sh. (2010). Folklore and African American Literature in the Post-Reconstruction Era // A Companion to African American Literature. – Wiley-Blackwell: A John Wiley & Sons Ltd., Publication. – P. 200-212.

5. Farshid S. (2012). Political Technology of the Body in Toni Morrison's Beloved // International Conference on Humanities, Historical and Social Sciences. – Vol. 48. – P. 159-163

6. Lifson C. (2023). An Ineffable Haunting: Language, Embodiment, and Ghosts in Toni Morrison's Beloved. – The Cambridge Journal of Postcolonial Literary Inquiry. – 11: 1. November. – P. 36-53.

7. Harris T. (1991). Fiction and Folklore: The Novels of Toni Morrison/T. Harris. – Knoxville: University of Tennessee Press. – 228 p.

8. Bell B.W. (1987). The Afro-American Novel and Its Tradition. – Amherst: University of Massachusetts Press. – 421 p.

9. Lawrence D. (1997). Fleshly Ghosts and Ghostly Flesh: The Word and the Body in "Beloved" // Toni Morrison's Fiction: Contemporary Criticism. Ed. by David L. Middleton. – New York: Routledge. – P. 231-246.

10. Davis C.Y. (1998). Self, Society and Myth in Toni Morrison's Fiction // Toni Morrison. – N.Y.: Palgrave Macmillan. – P. 27-42.

11. Vajić N. (2017). African American Postmodern Supernaturalism. – European Journal of Social Sciences Education and Research. –Vol.11. – N. 2. – P. 201-205.

12. Susan R. Bowers. (2010). A Context for Understanding Morrison's Work // Critical Insights Toni Morrison. Editors Solomon O. Iyasere and Marla W. Iyasere California State University, Bakersfield Salem Press Pasadena, California Hackensack. – New Jersey: Published by Salem Press. – P. 56-77. Retrieved from https://vdoc.pub/documents/toni-morrison-5isfibt8s8q0

13. Morrison T. (2017). Playing in the Dark // Rivkin J., Ryan M. Literary Theory: An Anthology. Third Edition. – John Wiley&Sons. – P. 1163-1173.

14. Scheel W.Ch. (2009). Toni Morrison's Beloved: a traumatic book on the trauma of slavery? – Syllabus Review 1(1). – P. 153-169.

15. Martins J.E. (2021). The Personal and the Political in the Literature of African Descent. – Academia Letters.

16. Cixous H. (2017). The Laugh of the Medusa // Rivkin J., Ryan M. Literary Theory: An Anthology. – T. 3. – John Wiley&Sons. – P. 940-954.

17. Lacapra D. (2016). Trauma, History, Memory, Identity: What Remains? – History and Theory. – P. 375-400.

18. Kristeva J. (1982). Powers of Horror: An essay on Abjection. – New York: Columbia University Press. – 219 p.

19. Hartman H.G. (1995). On Traumatic Knowledge and Literary Studies Source. New Literary History. – Vol. 26. – No. 3. – The Johns Hopkins University Press. – P. 537-563.

МРНТИ 17.82.31 10.51889/2959-5657.2025.91.1.006

Серикова Л.А.
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Алматы, Казахстан
e-mail: lida.serikova.2000@mail.ru

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: «СВОЙ – ЧУЖОЙ – ДРУГОЙ» В РАССКАЗАХ С. А. МУМИНОВА

Аннотация

В данной статье описываются отношения внутри парадигмы «Свой – Чужой – Другой» как в реальном мире, так и в мире художественной литературы. Парадигма «Свой – Чужой – Другой» из реального мира перетекла и в мир искусства, в том числе в мир литературы. Мифы, легенды и сказки одними из первых вобрали в себя оппозицию «Свой – Чужой». Мы с большей вероятностью можем отметить, что в любом литературном произведении можно найти изначальную бинарную оппозицию, «Свой» и «Чужой», а уже в более современных произведениях прослеживается тройственная оппозиция, к которой, кроме «Своих» и «Чужих», прибавляется еще и «Другой». В пример приводится соотнесение человека или литературного героя к определенной группе, подходящей ему культурой, традициями, устоями и др. С помощью тройственной оппозиции «Свой – Чужой – Другой» проводится анализ произведений С. Муминова «Кухарка и любовь» и «Утешение Философией». Целью которого является раскрытие героев миниатюры и рассказа со стороны парадигмы «Свой – Чужой» и «Свой – Другой».

Ключевые слова: Парадигма «Свой – Чужой – Другой», тройственная оппозиция, бинарная оппозиция, «Я – образ», «Я – другой»

Серикова Л.А.
Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Алматы, Қазақстан
e-mail: lida.serikova.2000@mail.ru

ТҰЛҒАЛАРДЫҢ ТОҒЫСУЫ: «ӨЗІНДІК – БӨТЕН – БАСҚА» С.А. МУМИНОВТЫҢ ӘҢГІМЕЛЕРІНДЕ

Аңдатпа

Бұл мақалада нақты әлемде де, көркем әдебиет әлемінде де "Сіздің – бөтен – досыңыз" парадигмасындағы қатынастар сипатталған. "Өзім - бөтен-басқа" парадигмасы шынайы әлемнен өнер әлеміне, соның ішінде әдеби турлар әлеміне де еніп кетті. Мифтер, аңыздар мен ертегілер алғашқылардың бірі болып "өз – шу-шу"оппозициясын қабылдады. Біз кез-келген әдеби шығармада алғашқы екілік оппозицияны, "Өз" және "бөтен" оппозицияны табуға болатындығын, ал қазіргі заманғы шығармаларда үштік оппозицияны байқауға болатындығын, оған "өз" және "басқалардан" басқа, "басқа"қосылатындығын атап өтуге болады. Мысал ретінде адам немесе әдеби кейіпкердің белгілі бір топқа, оған сәйкес мәдениетке, дәстүрлерге, негіздерге және т.б.

қатынасы келтірілген. "өз-өзінен басқа" үштік оппозицияның көмегімен с. Муминовтың "аспаз-шы және махаббат" және "философиямен Жұбаныш"шығармаларына талдау жасалады. Оның мақсаты – миниатюраның кейіпкерлерін және "өзім – бөтен" және "өзім-басқа" парадигмасынан оқиғаны ашу.

Түйін сөздер: "өзім – бөтен – басқа" парадигмасы, үштік оппозиция, екілік оппозиция, "мен – образ", "мен – басқамын"

Serikova L. A.
Abai Kazakh National Pedagogical University
Almaty, Kazakhstan
e-mail: lida.serikova.2000@mail.ru

THE INTERWEAVING OF IDENTITIES: "FRIEND–FOE – OTHER" IN THE STORIES OF S. A. MUMINOV

Abstract

This article describes the relationship within the paradigm of "Friend– Foe, and Others" both in the real world and in the world of fiction. The paradigm of "Friend– Foe– and Other" has moved from the real world to the world of art, including the world of literature. Myths, legends, and fairy tales were among the first to incorporate the opposition of "One's Own." We are more likely to note that in any literary work one can find the initial binary opposition, "One's own" and "Someone Else's", and in more modern works there is a triple opposition, to which, in addition to "One's Own" and "Others'", the "Other" is also added. An example is the correlation of a person or a literary hero to a certain group, suitable for him by culture, traditions, principles, etc. With the help of the triple opposition "Friend, Foe, and Other", S. Muminov's works "The Cook and Love" and "Consolation by Philosophy" are analyzed. The purpose of which is to reveal the characters of the miniature and the story from the perspective of the paradigm of "Friend or Foe" and "Friend or Other".

Keywords: "Friend–Foe–Other" paradigm, triple opposition, binary opposition, "I am the image", "I am the other"

Введение. На сегодняшний день в мире четко сложилась тройственная оппозиция «Свой – Чужой – Другой». Несмотря на то, что изначально были сформированы лишь две части данной парадигмы, а именно бинарная оппозиция «Свой – Чужой», к нашему времени данная оппозиция расширилась, вобрав в себя еще и «Другого». Безусловно, сама оппозиция «Свой – Чужой» базируется в основе абсолютно всех человеческих культур. Как данная парадигма ранее присутствовала в жизнях обществ прошлого, так и сейчас она до сих пор пролегает через существующие в настоящее время различные культуры, общества и т. д. [1]. Жизнь простого среднестатистического человека изначально все еще тесно связана с присутствием его в обществе неких «Своих». Мы выбираем родственную лично для нас сторону и уже затем сквозь призму осознания родного и привычного для нас самих, т. е. условных «Своих», наконец, можем определить нечто слишком для нас противоположное, чуждое, пугающее и т.д., т.е. тех самых «Чужих». И только «Другие» могут вызвать в нас долю скептицизма и непонимания, заставляя задуматься над тем, почему кто-то одновременно и похож на нас и отличается от наших «Своих».

Парадигма «Свой – Чужой – Другой» из реального мира перетекла и в мир искусства, в том числе в мир литературы. Мифы, легенды и сказки одними из первых вобрали в себя оппозицию «Свой – Чужой». Мы с большей вероятностью можем отметить, что в любом литературном произведении можно найти изначальную бинарную оппозицию, «Свой» и «Чужой», а уже в более современных произведениях прослеживается тройственная оппозиция, к которой, кроме «Своих» и «Чужих», прибавляется еще и «Другой».

Для начала нам стоит подробно остановиться на такой части обсуждаемой нами парадигмы как «Свой». Можно отметить, что «Своим» будет являться нечто личное, собственное, привычное, безопасное, то, что можно назвать значимым и даже освоенным, т. е. осознанным и относительно осмысленным нами, находящимся в поле зрения нашего «Я – образа». Именно через призму собственного «Я – образа», сформировавшегося за определенный период времени нахождения вблизи «Своего» общества, мы осознаем, что это «Своё» и эти «Свои» не представляют угрозы для нашей безопасности. «Свои» находятся в сфере нашей досягаемости и не вызывают страха, вместе с которым появилось бы и отторжение, как зачастую бывает с «Чужими».

Когда мы говорим о «Своих», зачастую мы имеем в виду нечто довольно близкое, знакомое, т. е. то, что мы воспринимаем как часть нашей собственной идентичности, входящей в наш «Я – образ». «Свои» или «Свое» это то, что принадлежит нам, привычный объект, место или социальная группа. В случае с нашим «Я – образом», «Свое» – это что-либо личное, значимое или то, что составляет основу нашего собственного внутреннего мира.

Важно также подчеркнуть, что категория «Свой» включает в себя не только материальные или какие-либо внешние вещи, но также и социальные ценности, нормы, культурные и даже поведенческие стандарты. Подобного рода элементы становятся значимыми для «Своих» в процессе длительного взаимодействия и освоения. Именно с этим и связано ощущение безопасности, комфорта и предсказуемости. Ведь мы точно знаем, как стоит себя вести среди «Своих» и как реагировать в тех или иных ситуациях.

«Свои» не вызывают у нас страха, потому что мы воспринимаем их как собственных знакомых и людей, не угрожающих нам или нашей безопасности.[2] Из чего следует, что нам не нужно защищаться от этих «Своих» или как-либо конкурировать с ними. Зачастую мы можем быть уверены, что «Свои» разделяют с нами общие нормы, ценности, ожидания и т. д. Но, когда происходит столкновение группы «Своих» с группой «Чужих», происходит совершенно иной процесс.

Перейдем к следующей части парадигмы «Свой – Чужой – Другой»: «Чужой». «Чужой» в нашем понимании это именно тот, кто полностью противоположен «Своему». Когда мы с вами уже определили, к какой группе «Своих» относить наш «Я – образ», и нашли все точки соприкосновения со «Своими», в нашей картине мире начинает проглядываться некая «Чужая» группа. «Чужой» и «Чужие» несут в себе непривычную, чуждую и даже вражескую культуру, традиции, язык, религию и т. д., которые общество «Своих» никогда принять не сможет, потому что все вышеперечисленное является для «Своего» вражеской составляющей. Которую можно назвать не только слишком непохожей на то, к чему привыкли «Свои», но и в достаточной степени для «Своих» враждебной.

«Чужие» – это те, кто как-либо не похож на «Своих». «Чужие» внешне или внутренне отличаются от «Своих», их поведение, культура, убеждения, внешний вид «Свои» воспринимают как некую угрозу. Подобное вызывает у «Своих» не только внешнее отторжение, но и особый внутренний дискомфорт, дикий страх перед неизвестным и неопределённым, с чем зачастую связана невозможность точно предположить, как будет дальше развиваться взаимодействие между «Своими» и «Чужими». Именно это становится источником напряжения внутри оппозиции «Свой – Чужой», который может вызывать либо отчуждение, либо полноценную агрессию со стороны «Своих» к «Чужим».

М. Л. Дубоссарская в своей работе отмечает, что присутствие неких «чужих» в общественной картине мира «Своих», а кроме того, и противопоставление своего «Я – образа» и «Своих» этим «Чужим» объективно способствует внутреннему сплочению группы тех самых «Своих» [1]. Т. е. можно сказать, что «Чужой», не осознавая того, собственной чужеродностью подталкивает «Своих» к сплочению внутри группы, чем вызывает у «Своих» желание поработить общество «Чужих» и наоборот. Данная бинарная оппозиция до сих пор по умолчанию является относительно популярной в реальном мире. «Свои» и «Чужие» противопоставляются друг другу

как некие враги, противоположность которых не может привести ни к чему хорошему. Среди данной оппозиции не исключены вражда, междоусобицы и войны.

Следующая часть парадигмы, которую нам стоит рассмотреть, включает в себя термин «Другой». «Другой» – это зачастую тот, кого «Свои» не могут назвать полноценно «Своим», но и «Чужим» в полной мере «Другой» также быть не может. Несмотря на то, что понятие «Другой» вполне синонимично понятию «Чужой», Р. Мних в своей работе описывает «Другого» как более или менее эквивалентную альтернативу «Своему», в то время как «Чужой» или «Чужое» в силу социального восприятия вражеских объектов в глазах «Своих» будет являться полностью противоположным [3].

По словам М. М. Бахтина, роль «Другого» в становлении человеческого сознания состоит в том, что у определенного человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда находится на условной границе, смотря внутрь себя, он смотрит либо в глаза другому, либо глазами другого» [4]. «Другие» часто являются нашим половинным отражением, т. к. в них присутствуют, возможно, отдаленные черты привычных нашему восприятию «Своих», что не даёт «Своим» полностью отвергнуть «Других» и сделать их таким же врагом, как «Чужих». Зачастую даже мы сами посредством изменения собственного внутреннего «Я – образа», под воздействием чего-либо, можем стать «Другими» среди «Своих».

Откуда следует, что понятие «Другой» в первую очередь ассоциируется именно с другим человеком, т. е. с другим Я [3]. В этой связи проявляется проблема восприятия своего «Я – образа» в качестве «Я как Другой» среди «Своих». Когда мы говорим о «Я – образе», чаще всего мы имеем в виду не только самосознание или самоопределение, но и то, как мы сами видим себя внутри того общества, в котором находимся. Исходящее из нашего «Я – образа» представление о себе не всегда будет совпадать с тем, какими нас видят люди нашего окружения, условные «Свои». Из чего следует, что мы можем воспринимать себя как «Другого» среди «Своих», то есть как нечто довольно чуждое в формально привычном социальном контексте.

Дело в том, что наше собственное восприятие себя, входящее в наш «Я – образ», несмотря на атмосферу, которая должна не просто казаться, а, с одной стороны, вынуждена именно быть привычной среди «Своих», оказывается для нас атмосферой ещё не «Чужой», но в какой-то степени уже «Другой». Т. е. внутри нашего собственного, вроде бы привычного круга «Своих», самоощущение в какой-то момент меняется. Мы понимаем, что «Свои» люди вокруг, наоборот, становятся лично для нас «Другими». В силу того, что внутренне мы стали отдаляться от тех, к кому примыкали с самого своего рождения. Мы можем стать «Другими» сами, ощущая свою инаковость или отличие несмотря на то, что социально всё ещё являемся частью «Своей» группы. Такое происходит в тот момент, когда наши личные убеждения или цели со временем приобретают оттенок отличный от общепринятых стандартов «Своих».

В связи с вышеизложенным стоит отметить, что в оппозиции «Свой – Чужой» при появлении новой части, «Другого», происходит трансформация. Которая приводит нас к пониманию, что «Другое», в отличие от «Чужого», воспринимается «Своими» как нечто иное, не несущее за собой какой-либо потенциальной опасности. В то время как «Чужие» создают за собой цепочку ассоциаций негативного рода, например: «противоположность – страх – опасный – враг – порабощение». «Другой» несет за собой совсем иное восприятие: «любопытство – интерес – симпатия – доброжелательность» [5].

В бинарной оппозиции «Свой – Чужой» отрицательное восприятие направлено на «Чужое», в тройственной же оппозиции «Свой – Чужой – Другой» к восприятию прибавляется еще и понимание чего-то иного, т. е. «Другого», которое впоследствии подвергается самоанализу и самокритике внутри своего «Я – образа». [6] Что позволяет рассмотреть самого себя как нечто «Другое», лишь неполностью похожее на «Свое» и «Своих».

Методы и материалы. Вышесказанное стоит дополнить тем, что в литературных произведениях также часто встречаются образы «Своих». «Своей» культуры, традиций, языка,

общества, людей и т.д. Герои произведений, ровно как и мы с вами, условно делятся на «Своих». «Свои» по умолчанию принимают устои прописанного писателем мира, они отделяют себя от «Чужих», чаще считая их формальными врагами. Они «Свои», а все остальные не похожи на них, значит, они, скорее всего, будут являться для «Своих» именно «Чужими».

Герой, относящийся к обществу «Своих» в литературных трудах, соотносит себя с этим обществом при помощи «Я – образа», показанного нам в тексте рукой писателя. С самого начала мы определяем героя, как его самого, кем является именно он, на каком языке он говорит и думает. Осознаем, какие привычки ему не чужды, приверженцем каких традиций он является, какая культура представляется для него наиболее привычной. И только после того, как мы определяемся с тем, кто такой этот условный герой и из чего состоит его собственный «Я – образ», мы сможем понять, к какому обществу «Своих» данный герой будет относиться.

После определения «Я – образа» главного героя текста, будь то герой сказки, рассказа, повести романа и т. д., мы сопоставляем, какая часть парадигмы лично для него будет родной и привычной и какие окружающие его элементы будут наиболее знакомы и привычны. А также рассматриваем «своих» со всех сторон, чтобы соотнести их с «Я – образом» нашего героя. Это позволяет понять, какая часть парадигмы «Свой – Чужой – Другой» является для героя действительно «Своей», т. е. близкой и понятной. Так кто же такие «Свои»? «Свои» – это уже целая группа, это круг героев и персонажей, соответствующий внутреннему миру и представлениям выбранного нами героя. «Свои» – это персонажи, разделяющие с выбранным героем схожие ценности, нормы и ожидания. Их «Я – образы» подобны «Я – образу» нашего героя. Таким образом, «Свои» – это один или группа персонажей, с которой он чувствует внутреннюю принадлежность, потому что их личное восприятие окружающей ситуации совпадает или близко к восприятию выбранного героя. А все те герои, которые занимают место противоположное, место условного антагониста уже будут называться «Чужими»,

Проблема появления «Чужих» в литературе в первую очередь представляет собой возврат к мифологическим структурам человеческого сознания, когда «Чужой как враг» противопоставляется «Своему» [3]. Это связано с тем, что люди привыкли делиться на «Своих» и «Чужих» ещё до появления у нас логического сознания, т. е. даже первобытные люди защищали «Свои» общины от «Чужих» захватнических групп. Уже после данная точка зрения была вложена различными народностями в их мифологию и фольклор. Т. к. в первую очередь обращение к мифу, к мифологическим структурам и мотивам, и к мифу в целом повысило актуальность вопроса о «Чужом» как о «Чужом = врагу».

В литературе «Чужие» герои или персонажи зачастую использовались писателями для представления концептов чего-то чуждого, неизведанного, угрожающего, непонятного и т. д., т.е. в полной мере кого-то или чего-то враждебного. Именно через образы «Чужих» писатели зачастую описывали темы предвзятости, как, например, в произведении Н. В. Гоголя «Шинель» [7], в котором главный герой, «маленький человек» – Акакий Акакиевич, противопоставляется целому обществу «Своих», которое в конечном итоге и губит своего врага, своего «Чужого». Кроме того, авторы литературных произведений благодаря «Чужим» героям раскрывают для нас, читателей, темы инаковости, страха перед неизвестными и исследование границ между «Своими» и «Чужими» – «Нами» или «Ими».

Благодаря литературным произведениям в целом мы можем рассматривать тему «Чужого» в более широком контексте человеческой природы и общественных отношений между «Чужими» и «Своими» [6].

«Другой» в картине разных произведений может играть роль метафорического моста между «Своими» и «Чужими». Персонаж, одновременно наделенный чертами схожими или в какой-то степени привычными для «Своих», а также чертами противоположными, почти враждебными, схожими с «Чужими» как раз-таки и является – «Другим» [1]. «Свои» и «Чужие» герои видят в «Других» нечто в какой-то степени похожее на них самих. Несмотря на то, что «Другие» схожи со «Своими» и «Чужими» не в полной мере, т. к. «Другие» заключают в себе еще и черты

противоположные, чуждые. «Свои» и «Чужие» видят в «Других» в большей степени отражение «Других – себя».

Результаты и обсуждения. Прежде чем приступить к анализу произведений С. А. Муминова следует ознакомиться с фигурой самого автора.

Салахитдин Муминов – кандидат педагогических наук, доцент, литературовед. Родился Салахидин Муминов 7 марта 1963 года в Таразе. Живёт в Казахстане и преподает литературу в вузе, кроме того, пишет рассказы, миниатюры и т. д. Его рассказы публиковались в альманахах, коллетивных сборниках, в «Литературной газете», журналах: «Русский глобус», «Топос», «Наша улица» и т. д. [8].

Первый рассказ, который мы проанализируем, называется «Утешение философией» [9]. Главный герой данного рассказа – нищий человек, Фёдор Петрович Миллионеров, работающий плотником на швейной фабрике. Кроме того, в рассказе присутствуют еще и второстепенные персонажи: Ученый сосед напротив; Артемида Ипполитовна Невыходизамуж; женщины, жившие в этом дворе; государство. Можно сказать, что изначально все герои входят в категорию «Своих». Да, Миллионеров не богат, но он работает, как и окружающие его люди, выживает на свою маленькую зарплату и ищет общения с соседями вечерами, когда особенно скучно, т. к. сам он живёт один, семьи у него нет:

«Иногда вечером, в поисках интеллектуального общения, заходил он к ученому соседу напротив» [9].

И именно в тот вечер оказывается, что его ученого соседа бросила супруга. Все соседи вокруг обсуждают данную ситуацию, ведь так у них принято, говорить со «Своими» о «Своих»:

«Во дворе сразу же собрались женщины, чтобы обсудить это неординарное событие» [9]

«Лишь только соседка из третьего подъезда, Артемида Ипполитовна Невыходизамуж, упрямо пошла против течения и сказала с угрозой в низком голосе:

– Если бы я была на ее месте, то ни за что, слышите, ни за что не ушла бы из дома! Ушел бы он, а не я!

Глядя на ее увесистые кулаки и усы, собравшиеся поверили ее словам» [9].

Миллионеров, как и все «Свои» вокруг озадачился данной ситуацией, ведь нужно поддержать «Своего», так положено у «Своих», оказывать поддержку тому, кто оказался в беде, поэтому он сразу же отправился к приятелю:

«В тот же вечер Миллионеров зашел к ученому соседу, чтобы поддержать его в трудный момент жизни» [9].

Но застал он соседа вовсе не плачущим и страдающим по своей утрате. Ученый сосед был, наоборот, в радостном расположении духа благодаря одной интересной вещи, которая со временем изменит принадлежность героя с денежной фамилией к группе «Своих» в данном рассказе:

«Заметив, что Миллионеров с интересом смотрит на книгу, сосед, подняв ее над головой, торжественно сказал:

– Читайте, мой уважаемый друг, Боэция!» [9]

Вещью, которая изменит положение Миллионерова в парадигме «Свой – Чужой – Другой» стала старая книга Боэция, которая имеет название «Утешение философией», как и сам рассказ С. Муминова. Данная книга, по мнению ученого соседа, учит тому, что ни в каких условиях жизни, какими бы тяжёлыми они ни были, нельзя сдаваться и предаваться унынию, потому что человек всегда должен быть стойким. Объяснения соседа подвели Миллионерова к точке невозврата, он медленно, но, верно, стал идти к тому, чтобы из «Своего» превратиться в «Чужого».

Первым таким потрясением стала кража велосипеда:

«Сначала он огорчился, но потом вспомнил историю Боэция, никогда не впадавшего в уныние, даже в тюрьме, и ему стало стыдно, что он расстроился из-за какого-то велосипеда» [9].

«Стал Миллионеров ходить и в дождь, и в снег на работу пешком. Идет и размышляет: «Ничего, пешие прогулки полезны для здоровья и для души!» [9].

Испытания на одном лишь велосипеде для него не закончились, в отличие от ученого соседа, Миллионеров уходил в своем принятии различных плохих ситуаций из крайности в крайность. После кражи велосипеда он попадает под дождь, из-за которого простужает собственные зубы, но т. к. он должен быть сильным человеком, герой решает стерпеть и это:

«Миллионеров терпел, не ходил к стоматологу, потому что денег хватало только на еду. Он лежал без сна ночами, терпел и утешал себя: «Нет худа без добра, с больными зубами есть буду меньше, на продуктах сэкономлю» [9].

Он решил, что правильнее в любой ситуации будет находить только плюсы, что, безусловно, оказалось его личной ошибкой. Третьей точкой невозврата стало отключение отопления в холодное время года, любой другой человек из его двора, любой «Свой», уже давно бы что-то решил, но не Миллионеров, единственным его решением было терпение:

«Ничего, меньше мыла будет уходить, да и без горячей воды можно вполне обойтись!» [9].

Испытания стали сыпаться на голову Миллионерова градом, а он терпел. За все время своего терпения он успел даже практически лишиться зрения, начать работать бесплатно, ведь простому люду прекратили платить. Но в отличие от Миллионерова, простой люд, «Свои», боролся за собственное место под солнцем, за работу и еду, т. к. всем нужно кормить семью и самих себя, так было правильно у «Своих». В конце концов, Миллионеров, оставшийся уже даже без последних зубов, лишается и собственного дома, даже не дождавшись пенсионного возраста, который довольно скоро должен был наступить. В то время, когда «Свои» боролись за хорошую для самих себя и родных жизнь, придумывали, как заработать на кусок хлеба и оплату коммуналки, Миллионеров утешал себя квази-философскими мыслями, что и привело его в конечном итоге на свалку:

«Поселился Миллионеров на свалке и живет себе, горя не зная» [9].

Он сам, словно бы не понимая, что делает, превращает себя в «Чужого» сначала среди «Своих», а затем эти же «Свои» постепенно отказываются от него, как от «Своего» и выселяют из мира и пространства «Своих» на свалку, там, где он будет сам по себе, будто мусор. Именно с этого момента он и становится полноценным «Чужим» героем для «Своих». Но сам он пока не осознает, что он больше не «Свой», ему кажется, что он сделал все правильно:

«Как-то лежал он вечером на свалке и тихо гордился своей непривередливостью и любовью к философии» [9].

После прочтения этой цитаты начинает казаться, что Миллионеров явно ставит себя выше всех «Своих» вокруг, он не такой, как они, он особенный, «непривередливый». Пока мы не перейдём к следующему предложению:

«А в это время где-то рядом радио громко расхваливало внушительные экономические достижения правительства».

«Задели эти слова Миллионерова за живое» [9].

Кажется, что он сейчас встанет и попробует что-либо сделать, чтобы вернуться в бывшее когда-то для него «Своим» общество условных «Своих», в «Свое» государство. Но на самом деле именно в этот момент Миллионеров четко причисляет себя самого к «Чужим». Он «Чужой» для государства, он «Чужой» для бывших когда-то ему «Своих»:

«Как патриот своей страны, которому небезразличен ее положительный имидж в мире, прошу лишить меня жизни, так как я никудышный человек, своим существованием портящий общую картину процветания. Таким никчемным людям как я не место в нашей динамично развивающейся стране, стремящейся занять свое достойное положение в сообществе цивилизованных стран» [9].

Миллионеров наконец-то сам осознает, что он «Чужой». И мир, который выкинул его на свалку, словно мусор, кажется ему «Чужим». Теперь он тот, кто своим жалким существованием позорит уже не «Своё», а «Чужое» государство, ведь он – «Чужой». И нет ему места рядом со «Своими». С теми, кто идет вперед, поднимает экономику и не просто позволяет себе жить, а борется за лучшую жизнь для себя. В сравнении с ними Миллионеров лишь жалкий «Чужой»

человек, который не то что не борется за жизнь, он сам уверен в том, что жизни в этом мире не достоин. А государству до одного такого «Чужого» нет дела, так и приходится Миллионерову ждать, когда в ответ на его письмо его убьют, но так никто и не приходит.

Следующее произведение С. Муминова в большей степени открывает нам тип «Другого» героя. Одновременно похожего и различного. Миниатюра эта называется «Кухарка и любовь». В миниатюре можно выделить следующих героев: Владимир Ильич Флюгеров и Тереза Николаевна Кухаркина. Владимир Ильич Флюгеров – декан философского факультета, вечно меняющий свое мнение, устои и идеалы, «Другой». Тереза Николаевна Кухаркина – доцент, волевая женщина, придерживающаяся своих позиций до конца, «Своя».

В самом начале мы можем проследить за тем, что Владимир Ильич с радостью освобождает свой кабинет от устоев прошлого, т. к. в его голове и душе, после произошедших изменений, места для бывшего когда-то важным коммунизма, советского прошлого, его вождей и остальных элементов больше нет. Поэтому ему остается лишь почистить пространство вокруг себя самого:

«Декан философского факультета, Владимир Ильич Флюгеров, сидел в своем кабинете, раздумывая, что бы еще такого сделать, чтобы доказать, что он продолжает вести усиленную работу, направленную на искоренение рецидивов советского прошлого и дальнейшее развитие демократии во вверенном ему структурном подразделении» [9].

Он не прикладывал особых усилий к тому, чтобы всю атрибутику можно было вынести из кабинета, главное, что он отказался от собственного прошлого в своей душе. Вместо этого он добавил в кабинет и свою голову новую атрибутику наряду с идолами нового времени:

«На пустые полки большого книжного шкафа Флюгеров с гордостью водрузил томики Бердяева, Ницше и Фрейда, которые, впрочем, заняли мало места» [9].

Он готов был даже повесить вместо Ленина портрет Бердяева, его личного нового вождя. Одна лишь Кухаркина, по мнению Флюгерова, все еще оставалась явным островком марксизма-ленинизма внутри данной миниатюры, что не устраивало Владимира Ильича:

«В кабинет вошла, нахально стуча каблуками, доцент Тереза Николаевна Кухаркина, не пожелавшая отказаться от идей марксизма-ленинизма, и систематически клеймившая Флюгерова за вероотступничество» [9].

«И здесь Флюгерова осенило: вот он, последний оплот системы, медленно, но верно уходящей в прошлое! Но он хорошо понимал, что крепкая и жилистая Кухаркина, которой в прошлом году стукнуло всего лишь пятьдесят, не пожелает добровольно уйти в прошлое и полнокровно жить в настоящем в ожидании светлого капиталистического будущего» [9].

Безусловно, Флюгеров понимал, что Кухаркина довольно сильная в своих убеждениях женщина, не желающая идти на поводу у изменившейся системы, у нее есть своя голова на плечах, и меняться в свои годы она была не намерена. Владимир Ильич решает, что с ней, с этой женщиной, нужно бороться. Уволить ее нельзя, она будет жаловаться, что тогда остается?

«…Если лишить Кухаркину ее идеологически значимой фамилии, тогда она наверняка откажется от своих устаревших взглядов. Ведь ее фамилия теснейшим образом связана с Лениным…» [9].

Пытаясь изменить взгляды Терезы Николаевны, Владимир Ильич заявляет жене (которая у него пока еще есть) о том, что отныне он Владимир Френсисович, а Френсис Фукуяма теперь по умолчанию его крестный отец. Впрочем, в отличие от Владимира Френсисовича, Тереза Николаевна действительно была сильна в своих убеждениях и именно поэтому поменяла свое отчество с «Николаевна» на «Фридриховна» только потому, что ей был ненавистен режим царя Николая II, а «Фридриховна» отвечает ее советским убеждениям.

Флюгеров не был готов к такому быстрому поражению и именно поэтому выдумал сменить и имя:

«Не желая иметь ничего общего с отжившей эпохой социализма, он поменял свое имя «Владимир», которым именовался человек, до недавнего времени ее олицетворявший, на «Рональд» в честь президента Америки, форпоста демократии в мире» [9].

Кухаркина же вновь вопреки ожиданиям уже Рональда Френсисовича меняет свое имя тоже, но на то, которое отвечает ее неменяющемуся личному мнению:

«Кухаркина ответила тем, что из Терезы, несмотря на мировую популярность своей тезки-монахини, по собственной воле превратилась в Розу, как бы духовно породнившись с одной из наиболее ярких сторонниц самого прогрессивного в мире учения» [9].

Флюгеров не хотел сдаваться, ему нужно было искоренить советский дух в Розе Фридриховне и именно поэтому он поменял свою фамилию на более подходящую к его убеждениям: Либералов. В ответ на это Кухаркина свою фамилию не меняет, потому что родная ее фамилия вполне убедительно демонстрирует ее идеологические привязанности. Флюгеров не выдерживает того, что убеждения Розы Фридриховны так сильны и, надеясь на то, что он сможет переубедить ее со временем, делает ей предложение (жена его тем временем куда-то пропала, будто ее и не было вовсе):

«На следующий день он вызвал в свой кабинет Кухаркину и сделал ей предложение, чтобы день и ночь агитировать ее в новую веру. К его большому удивлению, она согласилась» [9].

Кухаркина терпит своего начальника, а в последствии и мужа, не предавая собственных убеждений. Либералов, в свою очередь, под натиском жены с сильными убеждениями прибавляет к своей фамилии еще и ее. Он не может решить, какая идеология действительно ему близка, он готов предать любую, если подвернется какой-нибудь новый удобный вариант.

«Теперь Флюгеров-Либералов-Кухаркин активно поддерживает политику нового губернатора. Но от второй части своей тройной фамилии отказываться не собирается. На случай, если к власти придет демократ» [9].

Власть меняется, Флюгеров-Либералов-Кухаркин трепещет и перед новой властью, он снова меняет свое мнение, но все еще надеется на то, что и для демократии будет когда-нибудь место в мире, который его окружает. Он подстраивается под любую ситуацию, забывает о прошлом, выбрасывая его из своей жизни. Он «Другой» только потому, что мечется между несколькими идеями, у него вроде бы есть свое мнение, но он поддается убеждениям всех вокруг, меняет мнение, подстраивается под ситуацию. Кухаркина же «Своя», она остается с теми же убеждениями, что были у нее изначально, не меняя ровным счетом ничего в противоположную сторону. Роза Фридриховна не предает устои своей Родины и общества «Своих», она их отстаивает.

В двух произведениях С. Муминова четко прослеживается связь с парадигмой «Свой – Чужой – Другой». Одни герои из «Своих» превращаются в «Чужих» со временем. Другие становятся «Другими» среди «Своих», мечась между различными убеждениями.

С одной стороны, герои данных произведений уже не молоды. Миллионерову остается 5 лет до пенсии, когда он начинает отталкиваться от «Своего» общества, все глубже закапывая себя самого в пучину «Чужих» героев. Где он остается один на один с самим собой даже не на метафорической свалке, куда его отправили «Свои» в силу того, что Миллионеров стал слишком «Чужим». Он больше не отвечал тем требованиям, которые имеются у «Своих» по отношению к другим «Своим». Миллионеров стал лишним, неподходящим под нужные критерии. Он больше не боролся за свое существование, за свою жизнь в обществе «Своих», важнее было его мнимое душевное спокойствие, из-за которого он лишился хорошего зрения, зубов и даже собственного жилья, отчего и оказался на свалке. Свалка – это то место, где Миллионеров оказался только потому, что стал «Чужим» для всех бывших когда-то «Своими» людей вокруг. Миллионеров олицетворение мусора и грязи, которую нужно было искоренить из города, чтобы «Свои» его просто больше не видели.

С другой стороны, возраст не мешает Флюгерову-Либералову-Кухаркину менять свое мнение, выбирать для себя новые убеждения и устои. Он пытается идти в ногу со временем, изменяя бывшим когда-то «Своими» для всех вокруг и лично для него устоям марксизма-ленинизма. Он перепрыгивает с одной политической оппозиции на другую. На ту, что удобнее для него именно в данный момент. Кухаркина же, наоборот, до последнего защищает свои убеждения, заставляя Флюгерова, в конце концов, сидеть на нескольких стульях сразу, принимая

не только то новое, что он хотел поселить в голове Терезы Николавены, но и то старое, что он хотел забыть. Ну а появление нового начальника со своими убеждениями говорит нам еще и том, что Флюгеров действительно «Другой». Его нельзя назвать «Чужим», он рядом со «Своими». Может, он и пытался противостоять Кухаркиной, единственной, как ему казалось, женщиной, не отходящей от своих идеалов. Но это у него вышло настолько плохо, что он и сам частично примкнул к ее идеалам, не забывая и о своих. Это и говорит нам о том, что Флюгеров-Кухаркин-Либеров не чужд «Своим» в полной мере. Частью своих убеждений он все же схож со всеми вокруг.

Заключение. Парадигма «Свой – Чужой – Другой» неотъемлемая часть любого человеческого общества, сопровождающая нас от самой колыбели. С самого детства мы впитываем в себя язык, культуру, традиции, устои и убеждения того общества, в котором растем, т. е. общества, которое в последствии мы сможем назвать «Своим».

По истечению времени мы познаем себя и свой «Я – образ», четко понимая, кто мы и какую группу можем назвать родной, подходящей, комфортной, «Своей». За выбором «Своих» следует определение «Чужих» в нашей жизни. Тех, кто противопоставлен нам, противоположен, чья культура слишком чужда для нас и враждебна. Между «Своими» и «Чужими» стоит третья часть данной парадигмы – «Другой». Тот, кого нельзя в полной мере определить, как «Своего», но и «Чужим» назвать «Другого» мы также не сможем. «Другой» содержит в себе черты как «Своих», так и «Чужих» сообществ.

Парадигма «Свой – Чужой – Другой» из мира реального плавно перетекла и в мир литературы. Открывая читателям различного рода героев не только со стороны их внутренних переживаний, но и со стороны соотнесения этих героев к «Своим», «Чужим» или «Другим» после понимания «Я – образа» героя художественного произведения.

Список использованной литературы:

1. Дубоссарская М.Л. «Свой-чужой-другой» к постановке проблемы. Ставрополь: Вестник Ставропольского государственного университета, 2012. – 265с.

2. Адельсгрубе П. Свое-чужое и вопрос о границах «цивилизаций»: Австрийского-Российский рубеж в записках путешественников // Другой в литературе и культуре: сборник научных трудов в двух томах Том I. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – С. 189-201.

3. Мних Р. Свой vs иной / другой / чужой в идейно-эстетической парадигме модернизма. Варшавский университет Варшава, Польша, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского Нижний Новгород, Россия. 2021 – С. 233-245.

4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. – 445 с.

5. Кислякова Е.Ю., Соломина В. В. Категориальная оппозиция «свой-чужой» как параметр категории инакости. // Восточнославянские языки и литературы в историческом и культурном контекстах, когнитивная лингвистика и концептуальные исследования. Серия «концептуальные исследования». Выпуск 13. Киев, 2012. с. 211–217.

6. Кислякова Е.Ю., Соломина В. В. Конептуальная триада «Свой – Чужой – Иной» в английском и русском языках: теоретико методологический аспект. Институт иностранных языков. Волгоградский государственный педагогический университет. Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (10). С. 72-76.

7. Гоголь Н.В. Шинель. – М.: Эксмо, 1824. – 138с.

8. Союз писателей Москвы. Официальный сайт. С. Муминов. – М.: Журнал «Кольцо А» № 64, 2012 – URL: https://soyuzpisateley.ru/publication.php?id=164

9. Салахитдин М. Утешение философией: рассказ. – М.: Изба-читальня, 2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.chitalnya.ru/work/115768/

References:

1. Dubossarskaya M.L. (2012). "Friend-foe-other" approach to problem statement. Stavropol: Bulletin of Stavropol State University. – 265 p. [in Russian]

2. Adelsgrube P. (2019). Own-alien and the question of the boundaries of "civilizations": The Austrian-Russian frontier in the notes of travelers // Other in literature and culture: a collection of scientific papers in two volumes Volume I. – M.: New Literary Review. – pp. 189-201. [in Russian]

3. Mnikh R. (2021). Own vs other / other/ alien in the ideological and aesthetic paradigm of modernism. University of Warsaw, Warsaw, Poland, N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University Nizhny Novgorod, Russia. – pp. 233-245. [in Russian]

4. Bakhtin M.M. (1986). Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Iskusstvo. – 445 p. [in Russian]

5. Kislyakova E.Yu., Solomina V.V. (2012). Categorical opposition "friend-foe" as a parameter of the category of otherness. // East Slavic languages and literatures in historical and cultural contexts, cognitive linguistics and conceptual research. The series "conceptual research". Issue 13. Kiev. – pp. 211-217. [in Russian]

6. Kislyakova E.Yu., Solomina V.V. (2011). Conceptual triad "Friend–Foe – Other" in English and Russian: theoretical and methodological aspect. Institute of Foreign Languages. Volgograd State Pedagogical University. Tambov: Gramota Publ. No. 3 (10). pp. 72-76. [in Russian]

7. Gogol N.V. (1824). The overcoat. – M.: Eksmo. – 138 p. [in Russian]

8. The Union of Writers of Moscow. The official website. S. Muminov. (2012). – M.: Koltso A Magazine No. 64. Retrieved from https://soyuzpisateley.ru/publication.php?id=164 [in Russian]

9. Salakhitdin M. (2009). Consolation by philosophy: a story. – M.: Izba-chitalnya. Retrieved from https://www.chitalnya.ru/work/115768/ [in Russian]

IRSTI 02.31.01 10.51889/2959-5657.2025.91.1.007

**Sylam D.[1], WenLiang Q.[2]*
[1,2] Shanghai University College of Liberal Arts
Shanghai, China
**e-mail: dina.slamkyzy@gmail.com*
e-mail: qwl08@sina.com

UNFINISHED PROJECTS: THE TRANSFORMATION OF URBAN LITERARY WRITING PARADIGMS IN CHINA SINCE THE NEW CENTURY

Abstract

Since the beginning of the new millennium, the rapid development of cities in China has profoundly impacted people's lifestyles, ways of thinking, and emotional experiences. The changing urban experience has expanded the narrative space of urban literature and facilitated the transformation of its paradigms, reflecting the distinctive characteristics of the era in the writings of the new century. This study aims to explore the features and challenges in the development of urban literature by examining four aspects: the interaction between urban and rural areas in the context of urbanization, the depiction of urban life in the internet era, the construction of local urban experiences amid globalization, and futuristic urban visions inspired by technological advancements. The goal of the research is to analyze the adaptation of urban literature to the rapidly changing conditions of urbanization, which significantly affects cultural and social aspects of life. The study reveals new trends and paradigms that reflect the contemporary realities of urban life, exploring how urbanization and globalization have reshaped the perception and expression of urban identity in literature. The research objectives include analyzing changes in literary themes, methods, and styles, studying the impact of socio-cultural factors on the development of literature, and determining the practical significance of these changes for the contemporary literary process. The practical significance lies in providing recommendations for writers and researchers on adapting literary formats to current conditions and readers' needs. The study employs

thematic, historical, and literary methods of analysis to identify changes in literary themes and styles, as well as to examine socio-cultural factors influencing development of literature. The main findings demonstrate that modern Chinese urban literature reflects changes in social structure, culture, and perceptions of the urban environment, emphasizing the need for further exploration of local experiences and historical aspects for a deeper understanding of urban processes.

Keywords: new century, urban literature, literary transition period, urbanization, modernity, globalization, literary paradigms, social change, cultural identity

**Сылам Д.[1], Вэньлян Ц.[2]*
[1,2] Шанхай университетінің гуманитарлық өнер колледжі
Шанхай, Қытай
**e-mail: dina.slamkyzy@gmail.com*
e-mail: qwl08@sina.com

АЯҚТАЛМАҒАН ЖОБАЛАР: ЖАҢА ҒАСЫРДАН БЕРГІ ҚЫТАЙДАҒЫ ҚАЛАЛЫҚ ӘДЕБИЕТТІҢ ЖАЗУ ПАРАДИГМАЛАРЫНЫҢ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ

Аңдатпа

Жаңа мыңжылдықтың басынан бастап Қытайдағы қалалардың қарқынды дамуы адамдардың өмір салтына, ойлау тәсілдеріне және эмоционалдық тәжірибелеріне терең әсер етті. Мен-қалалық тәжірибе урбанистік Лита-ратураның баяндау кеңістігін кеңейтті және оның парадигмаларының өзгеруіне ықпал етті, Жаңа ғасыр шығармаларындағы дәуірдің айрықша белгілерін көрсетті. Бұл зерттеу төрт аспектіні қарастыра отырып, урбанистік әдебиеттің дамуындағы ерекшеліктер мен ілгерілеушіліктерді зерттеуге бағытталған: урбанизация контекстіндегі қалалық және ауылдық аймақтар арасындағы өзара әрекеттесу, интернет дәуіріндегі қала өмірін сипаттау, Глобализация жағдайында жергілікті қалалық тәжірибені қалыптастыру және технологиялық жетістіктерден шабыттанған қалалардың футуристік көзқарасы. Зерттеудің мақсаты-урбанистік әдебиеттің өмірдің мәдени және әлеуметтік аспектілеріне айтарлықтай әсер ететін тез өзгеретін урбанизация жағдайларына бейімделуін талдау. Зерттеу урбанизация мен жаһанданудың әдебиеттегі қалалық сәйкестікті қабылдау мен білдіруді қалай өзгерткенін зерттей отырып, қала өмірінің заманауи шындықтарын көрсететін жаңа тенденциялар мен парадигмаларды ашады. Зерттеу міндеттеріне әдеби тақырыптардағы, әдістер мен стильдердегі өзгерістерді талдау, әдебиеттің дамуына әлеуметтік-мәдени факторлардың әсерін зерттеу және қазіргі әдеби процесс үшін осы өзгерістердің практикалық маңыздылығын анықтау кіреді. Практикалық маңыздылығы жазушылар мен зерттеушілерге тераториялық форматтарды оқырмандардың қазіргі жағдайлары мен қажеттіліктеріне бейімдеу бойынша ұсыныстар беру болып табылады. Зерттеу әдеби тақырыптар мен стильдердегі өзгерістерді анықтау үшін, сондай-ақ әдебиеттің дамуына әсер ететін әлеуметтік-мәдени фактілерді зерттеу үшін тақырыптық, тарихи және әдеби талдау әдістерін қолданады. Негізгі тұжырымдар қазіргі Қытай урбанистік әдебиеті қалалық ортаның әлеуметтік құрылымындағы, мәдениетіндегі және қабылдауындағы өзгерістерді бейнелейтінін көрсетеді, бұл қалалық процестерді тереңірек түсіну үшін жергілікті тәжірибе мен тарихи аспектілерді одан әрі зерттеу қажеттілігін көрсетеді.

Түйін сөздер: жаңа ғасыр, қалалық әдебиет, әдеби өтпелі кезең, урбанизация, қазіргі заман, жаһандану, әдеби парадигмалар, әлеуметтік өзгерістер, мәдени сәйкестілік

*Сылам Д.[1], Вэньлян Ц.[2]
[1,2] Шанхайский университетский колледж свободных искусств
Шанхай, Китай
*e-mail: dina.slamkyzy@gmail.com
e-mail: qwl08@sina.com

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ПРОЕКТЫ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМ ГОРОДСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В КИТАЕ С НАЧАЛА НОВОГО ВЕКА

Аннотация

С начала нового тысячелетия стремительное развитие городов в Китае оказало глубокое влияние на образ жизни, образ мышления и эмоциональные переживания людей. Меняющийся городской опыт расширил повествовательное пространство урбанистической литературы и способствовал трансформации ее парадигм, отражая отличительные черты эпохи в произведениях нового века. Это исследование направлено на изучение особенностей и проблем в развитии урбанистической литературы, рассматривая четыре аспекта: взаимодействие между городскими и сельскими районами в контексте урбанизации, описание городской жизни в эпоху Интернета, формирование местного городского опыта в условиях глобализации и футуристическое видение городов, вдохновленное технологическими достижениями. Целью исследования является анализ адаптации урбанистической литературы к быстро меняющимся условиям урбанизации, которая существенно влияет на культурные и социальные аспекты жизни. Исследование раскрывает новые тенденции и парадигмы, отражающие современные реалии городской жизни, исследуя, как урбанизация и глобализация изменили восприятие и выражение городской идентичности в литературе. В задачи исследования входит анализ изменений в литературных темах, методах и стилях, изучение влияния социокультурных факторов на развитие литературы и определение практической значимости этих изменений для современного литературного процесса. Практическая значимость заключается в предоставлении рекомендаций писателям и исследователям по адаптации литературных форматов к современным условиям и потребностям читателей. В исследовании используются тематические, исторические и литературные методы анализа для выявления изменений в литературных темах и стилях, а также для изучения социокультурных факторов, влияющих на развитие литературы. Основные выводы показывают, что современная китайская урбанистическая литература отражает изменения в социальной структуре, культуре и восприятии городской среды, подчеркивая необходимость дальнейшего изучения местного опыта и исторических аспектов для более глубокого понимания городских процессов.

Ключевые слова: новый век, городская литература, литературный переходный период, урбанизация, современность, глобализация, литературные парадигмы, социальные изменения, культурная идентичность

Introduction. The introduction of this concept consciously sought to define urban literature as a self-evident category, signaling that the literary world was shifting its focus from rural areas to cities, with the expectation of separating urban narratives from the rural literary tradition and establishing it as an independent aesthetic space in literature. Furthermore, the clear and forceful language of this definition reveals the confidence that the literary community had at the time in recording the pulse of the era and grasping the rhythms of history.

Since the onset of the rapid urbanization process following the Reform and Opening-up, China has witnessed a historic transformation from a "rural China" to an "urban China." Consequently, the core experiences and creative concepts of contemporary literature, which were rooted in rural China and focused on rural themes, underwent a series of changes. In 1983, the "First National Urban Literature Theoretical Symposium" introduced the concept of contemporary "urban literature" for the first time,

defining urban literary themes as those "primarily focused on urban people and urban life, conveying an urban flavor and urban consciousness" [1].

Throughout the 1980s, writers' explorations of urban life became increasingly profound and diverse, gradually uncovering the layers of modern urban existence. From reform literature, which focused on the productive spaces of the city, to works like Liu Xinwu's *The Bell and Drum Towers* and Chen Jiangong's *No. 9 Gulu Lane*, which portrayed the decline of urban social customs under the pressure of ethical norms, to Wang Anyi's *The Ever-Changing* and Wu Bin's *City Monologue: An Unsettled Gaze*, which depicted the new lifestyle and mental states of urban dwellers influenced by consumerism, and even to "modernist" novels like Liu Sola's *You Have No Choice* and Xu Xing's *Variations Without a Theme*, which revealed the inner confusion and disillusionment of urban youth, as well as the "new realist" novels that starkly presented the raw state of survival and struggle among the urban underclass, writers adopted almost entirely new narrative modes to construct urban fiction texts. These works showcased the unique urban landscape and scenery of specific spatial domains, while exhibiting clear breaks from rural literature in terms of narrative style, linguistic forms, and aesthetic meanings.

However, the urban literary explorations of the 1980s did not develop into a sustainable creative trend or aesthetic movement. The subsequent three decades of literary practice have proven that as cities continue to change rapidly, the relationship between urban life and literature has grown increasingly complex.Urbanization fundamentally involves spatial movement, representing a dynamic process that integrates cities and rural areas, which differ in their levels of development, into a synchronous spatial network. Michel Foucault's discussion of the era of space can be used to describe the current dynamics of urbanization in China. He believed: "The present epoch may ultimately be the epoch of space. We are in the age of the simultaneous, the age of juxtaposition, the age of the near and the far, of the side-by-side, and of the dispersed. I believe that our experience of the world is less that of a long life developing through time than that of a network that connects points and intersects with its own skein" [2].

Over the past few decades, propelled by urbanization, the spatial and temporal disparities between urban and rural areas have gradually dissolved; meanwhile, cities have further amplified their advantages in social resource allocation, population movement and interaction, and cultural integration. The interactions and integration between urban and rural civilizations within such unbalanced hierarchical spaces inevitably lead to conflicts and ruptures. This undoubtedly places new demands on urban writing; the complex situations arising from rural-urban conflicts, such as the loss of rural cultural traditions, alienation of human nature, ecological damage, and the survival challenges of migratory populations, all require literature to holistically address the changes in rural-urban relations. Rural areas and farmers, being relatively passive in these changing relations, should be incorporated into the broader context of urbanization, allowing for a comprehensive modern reflection on the urban counterpart.

To better substantiate and question the complex changes in rural-urban relations, urbanization writing flourishing in the new century has predominantly adopted a narrative strategy of rural-urban reference on the one hand, linking the city with the countryside to expand the observational scope of urbanization narratives; on the other hand, placing urban and rural narratives side by side, using each to mirror and reflect the issues of the other, thereby enhancing the impact of urbanization narratives. Following this strategy, new-century urbanization writing includes several typical thematic contents.

The first is the writing about hometowns, represented by Jia Pingwa. In this genre, writers recall and observe their distant hometowns from the cities, perceiving the changes brought about by urban influence in rural societies. In 1983, amidst the confusion and creative struggle between urban and rural, modern and traditional contexts, Jia Pingwa returned to his native place. After rediscovering and understanding the local culture of Shangluo, he established a coordinate system for his creative spirit. Works like "Gao Laozhuang," "Tumen," "Qinqiang," and "With the Lamp," written around the turn of the new century, center on rural themes to probe deeper questions and reflections on modernity. The infiltration of urban civilization brought significant shocks to the relatively isolated rural societies, shaking the moral and cultural foundations rooted in agricultural civilization and causing disorder in the

rural spiritual world. These changes caused Jia Pingwa considerable anxiety and concern, prompting him to adjust his narrative path about his hometown to more autonomously engage with current social practices.

The second theme is the narrative of moving to the city and returning to the countryside, represented by Sun Huifen and Li Peifu. This narrative primarily portrays the urban perceptions and spiritual experiences of rural migrants, presenting the interactions and conflicts between urban and rural civilizations more vividly. Sun Huifen's writing in the new century has been dedicated to "opening a secret passage from the countryside to the city, allowing people to see a relatively transparent world in a relatively closed place, and to discover the secrets of life and the essence of fate" [3]. She has created works such as "Xiemashanzhuang," "Shangtang Book," "Migrant Workers," "Ji Kuan's Carriage," and "Two Women of Xiemashanzhuang," which depict the struggles and difficulties of rural migrants navigating between urban and rural areas. These works collectively portray the transformation of the spiritual, ethical, and emotional worlds of farmers in the Liaonan region under the backdrop of urbanization. Li Peifu's urban-rural narrative intentionally showcases the loss of traditional beauty and the proliferation of modern evils in the urbanization process. His narratives, adopting a "tale of two places" approach between the city and the countryside, overview the stark contrasts in the spiritual environments of both. The novel "The City’s Lights" contrasts the life paths of lovers Feng Jiachang and Liu Hanxiang, reflecting urban and rural realities against each other. Feng Jiachang, who harbors endless hatred for the rural village that raised him due to a childhood of poverty and humiliation, sees escaping the countryside as his life goal. In stark contrast, Liu Hanxiang, after experiencing city life, chooses to stay in the countryside, steadfastly caring for her unfaithful family, engaging in flower cultivation, and leading the villagers to prosperity. Thus, the images of the city and countryside become clear: the city is a sinful place that captures the souls of adventurers, while the countryside is a redemptive haven for the spirits of the failed.

Additionally, since the new century, "subaltern literature" focusing on the survival predicaments of the lower strata of society and "ecological literature" revealing the ecological destruction caused by urban expansion have also largely unfolded from the narrative dimension of "urban-rural reference." Overall, urbanization narratives since the new century show signs of repetition around themes such as the disruption of rural order and nostalgia for lost homelands, and the urban-rural reference narrative has gradually exhibited a formulaic character.

Firstly, the inherent urban-rural perspective of the creators causes an imbalance in the urban-rural reference system. Writers tend to base their narratives on rural values as the fundamental standpoint for urbanization stories, leading to a lack of urban subjectivity. The cultural migratory identity of those "born in the countryside but registered in the city" makes it difficult for authors born in the 1950s to 1970s, who are the main forces in urbanization writing, to detach from the emotional identification, moral judgment, and aesthetic inertia of the countryside. Thus, whether it is Han Shaogong who, after being "accepted and nurtured by the city for thirty years," still finds the city "increasingly strange" and finally decides to return to the rural world [4], or Mo Yan who states "All the darkness and suffering in my twenty years of rural life were gifts from God. Although I live in a bustling market, my spirit has returned to my hometown, and my soul rests in the memories of my hometown" [5], many of them, influenced by the dichotomous structure of urban-rural opposition, tend to view the city from a rural-based perspective. Their view of the city often displays an overall confusion of unclear prospects and traditional disorder, generally remaining external to the critique of modernity, thus losing the reference value in grasping the interactions between urban and rural areas.

Secondly, the adherence to the modern rural literary tradition constrains contemporary writers' urban cognition and expression, continuing to use rural thinking to write about modern urban experiences, thus falling into the pitfalls of literary practice. The perception of urban sin, the identity of the other, the nostalgic impulse for lost homes, and the anxiety of being powerless against reality—such repetitive themes ultimately lead urban literature into practical errors. A clear manifestation is that rural values and rural ethics excessively dominate urban writing, becoming the primary narrative vehicle and focal point

for writers. Meanwhile, the urban essence, due to the writers' excessive focus on the "move to the city," has yet to establish a mutual connection with China's current urban development experiences. Most narratives about moving to the city lack a distinctive spiritual and cultural landscape of the city itself. Without the backdrop of symbolic material landscapes, the perception of the city remains largely pre-modern, which is clearly not in alignment with China's current urbanization process.

Thirdly, under the constraint of the intellectual inertia of the grand narratives typical of realist literary tradition, writers tend to distill reality within the urbanization process to maintain an organic connection between personal writing and the overall zeitgeist. Many writers still follow the realist tradition, consciously intervening in the contemporary social practice of urbanization with a rational historical consciousness. Most mainstream writings attempt to reveal the inevitability and essence of historical progress within the framework of grand narratives. In specific literary practices, the realist literary tradition of using "typical environments" and "typical characters" aptly connects with the conflicting and opposing urban-rural relations within the urbanization process, providing convenience for writers to create typical settings, mobilize typical characters, and generate dramatic conflicts.

However, the narrative model of urban-rural confrontation, which might have been effective in the face of the former dual urban-rural social structure, has become ineffective in the context of today's profound changes in urban development in China. The current social reality is that the divide between urban and rural development is increasingly narrowing, and the implicit antagonistic elements are gradually weakening, especially after the opening of household registration reforms, which have begun to dismantle the identity barriers between urban and rural areas. Given such realities, the once effective narrative of returning to the countryside can no longer generate meaning as the boundaries between urban and rural areas become increasingly blurred. Moreover, with the advancement of globalization and the accumulation of transnational living experiences among Chinese citizens, works such as Xu Zechen's "Jerusalem," Jiang Yitan's "Hometown" and "Chinese Carp," and Yi Hua's "Hard to Have You" focus on cross-border and cross-racial cultural conflicts from a global perspective, extending the notion of 'hometown' from cities to the world. In summary, facing the various changes presented by social realities, if writers continue to hold a relative, isolated dual-structure view of urban-rural issues, it is likely to be detrimental to the healthy development of urban literature.

Materials and methods of research. The research uses thematic, historical and literary analysis. The thematic analysis examines the interaction between the city and the countryside, revealing how literature reflects cultural changes and social relations. The historical approach provides a context for the evolution of literary forms in response to urbanization. The literary analysis focuses on the artistic techniques used to depict urban subjects, especially in the context of the impact of globalization and technology on life in the city.

Key methods include:

Thematic Analysis: Used to explore how urban and rural experiences reflect cultural and social changes in literature.

Historical Approach: Provides context on how literary forms evolved in response to urbanization and modernization.

Literary Analysis: Focuses on the artistic techniques employed by authors to depict urban spaces, particularly under the impact of globalization and technology.

The results indicate that modern Chinese urban literature increasingly highlights alienation, identity crises, and the commodification of urban life, contrasting with traditional rural narratives. Writers like Jia Pingwa and Wang Anyi move away from rural-urban dichotomies and embrace urban themes related to consumerism and globalization. Furthermore, a growing trend towards "localization" is evident, with works juxtaposing historical and modern urban experiences, particularly in cities like Shanghai.

The study reveals that urban literature serves as a mirror to the societal changes driven by rapid urbanization and globalization, offering a deeper understanding of modern urban identity. The findings emphasize the importance of further exploring local urban experiences and technological impacts on literary formats.

From the discussion above, it is evident that rural experiences have long dominated urban narratives, occupying the space meant for the urban essence as the aesthetic object and narrative subject of urban literature. Concurrently, writings that directly address the urban spaces of consumer pleasure and the experiences of material desire represent another trend in urban literature. On this level, urban literature finally sheds its subordinate status, breaking free from the implications of urban-rural consciousness collision and establishing its own subjectivity. In this sense, the depiction of everyday urban life influenced by consumerism is a crucial entry point for examining contemporary urban subjective experiences.

As consumer culture expands, the existence of cities and the lifestyle of the public gradually fall into what Lukács described as the "reification" trap, where reality is no longer seen as a vibrant historical process but as a vast accumulation of objects [6]. This tendency towards reification is vividly reflected in the urban writings of the "post-born" writers of the 1990s. Whether it's the blunt expression of a "money above all" value system in the works of Zhu Wen, He Dun, Han Dong, or the extreme flaunting of dazzling consumer scenes and bodily desires by "beauty writers" like Wei Hui and Mian Mian, there is a positive attitude towards urban life in the era of consumption. From a positive perspective, "the post-born generation consists of thoroughly individual writers who are adept at navigating commercial society, thereby marking the end of the history of pure literature completely dependent on the official system" [7], their writings distant from the central, everyday narratives somewhat contain the inherent literary trait of self-sufficiency that resists external political norms. However, in the long run, when this literary "self-sufficiency" is linked with the "private, materialized, and desirous nature of consumer ideology," it weakens the literary ability to "penetrate reality," "reveal the truths of life," and engage in thinking, reflecting, and intervening in significant contemporary social issues [8]. What is more worrying is that the impact of this tendency towards reification not only continues to this day but is also profoundly affecting the new century's literary imagination and portrayal of urban life.

The widespread adoption of the internet is also a significant variable in the socio-cultural makeup of the new century. From a literary perspective, the interaction between literature and the internet has deepened since the new century. The advantages of online platforms in terms of publishing, dissemination, and reader-writer interaction have provided young authors with an independent and autonomous space for expression. This group of young authors includes Murong Xuecun, Annie Baobei, Han Han, Guo Jingming, Zhang Yue Ran, Li Chunshu, and others, who are mostly native urbanites. Their works are generally characterized as "youth literature," depicting the urban life experiences of their peers. The "emotional structure" of their works exhibits a clear deep commonality—that is, a natural habituation and identification with the ceaseless expansion of consumer culture in cities. They unanimously interpret the city from a standpoint that identifies with consumer ideology, and the portrayal of city life centered around consumption almost becomes their "collective unconscious."

Apart from the limited real social and spiritual content related to the contemporary youth growth experiences presented in their texts, the remaining content, whether it challenges traditional notions of love and ethics or emphasizes strong material and bodily desires, revolves primarily around the consumer landscapes of urban children. This generation of writers shows homogenization in their portrayal of urban life, characterized by several specific features.

Firstly, the commodification of urban living spaces is evident. Many writers spare no effort in elaborately listing the dazzling consumer scenes at the city center, and they display, with a sense of ostentation, characters filling their desires and seeking thrills through luxury consumption. Guo Jingming's "Tiny Times" series is replete with such ostentatious traces, featuring young men and women whose lives revolve around expensive commercial areas like Nanjing Road and Lujiazui, wrapped in fashionable attire but driven by stark material desires.

Secondly, there is the homogenization of urban lifestyles. The main content of urban writing is to reproduce the daily life of city dwellers. Paradoxically, however, in an era where social stratification and mobility are intensifying and new types of professions and work forms are emerging, the daily life

content presented in urban narratives is largely "homogenized." Upon closer inspection, the "petty bourgeois sentiment" and "middle-class tastes" are quietly taking over the narrative center of urban life. Annie Baobei's works like "Goodbye Vivian" and "August is Not Over Yet" speak of poignant love within a high-quality, slow-paced, and elegant lifestyle; Guo Jingming's "Tiny Times" portrays almost contrived emotional entanglements of beautiful men and women living in refinement, all echoing this petty bourgeois sentiment. This homogenized, formulaic writing mode empties the reality and complexity of urban life, obscuring the life situations and textures of most contemporaries.

Thirdly, there is the fragmentation of individual urban experiences. In the internet era, the integration and recombination of vast amounts of knowledge and information have altered the spatial pattern of the material and spiritual dimensions of cities. Various fragments of information change people's lifestyles and cognitive perceptions. Not only are the urban experiences of ordinary citizens influenced, but the writing experiences of authors also inevitably show characteristics of fragmentation. Many writers understand life from a stance that caters to consumer ideology; the characters they create are often enslaved by material desires, losing the ability to question the meaning of their own lives or grasp the value of their existence, and can only fill their increasingly fragmented spirits through the satisfaction of material desires. As John Urry mentioned, "In the city, there is an emerging material world filled with flow and instability" [9]. Such writing, instead, creates more restlessness and emptiness, causing individual urban experiences to fall into even more fragmented conditions.

The analysis above of the homogenization trend in writings about urban life clearly shows the degeneration of literature's "ability to discover the truths of life and intellectual capacity" caused by the convergence of desire aesthetics [10], and the damage to the literary imagination—a force tightly linked with the human spirit, the times, and reality—by the uniform expression of reified imagination [11]. Therefore, such writing struggles to present a true picture of the current urban reality and its spiritual content. Additionally, the homogenization of life also leads to the standardization and formalization of expressive methods and literary language, causing significant harm to the diversity of literary aesthetics.

Based on these issues, how to break free from the vicious cycle set by the economy, activate literary intellectual power, and unleash literary imagination becomes a critical breakthrough needed in urban literature. Only by doing so can literature be endowed with new aesthetic elements, provide referential experiences for urban development, and inject fresh energy into human spiritual growth.

Since the 1990s, under the dual influences of modernization and globalization, urban narratives have been overshadowed by modernist concepts, displaying the homogenization and universalization of material desire in consumer society, which gradually severed the intrinsic connection between literature and urban historical and cultural traditions. As Wang Min'an puts it, "This homogenization and standardization of modern urban spaces undoubtedly suppress the richness of individuality" [12], cutting off the urban mirror image construction from its historical and traditional roots, only allowing for the diverse evolution of cities to turn into pale, mundane products on the global assembly line.

Reawakening the unique historical and cultural identity of cities may be an effective way to break through the convergence and homogenized expression of urban connotations in the age of globalization. The "local experience" of literature, as Wang Guangdong proposes against the new century novels' tendency to conceptualize China's modernization issues using universal Western theories, is the corrective measure he suggests. He believes that a literary "local experience" should be "one that includes the writer's personal aesthetic experience and emotional factors as well as the intellectual capability to understand life, shaped by the writer's personal artistic treatment." Specifically in literary texts, it is "an 'experience of life' with personal emotional color, derived from local life and local cultural forms. It demands that writers delve into local life to gain richly textured local experiences and infuse them into literary creation to showcase local cultural forms and customs, highlighting the literary local color" [13]. Thus, the emphasis on local culture and personalized life experiences in literary "local experience" includes positive factors for countering the monotony of literary aesthetics. Clearly, this has a high theoretical enlightening effect on new-century urban writing.

For cities, "local experience" originates from history. Tracing and comprehending urban history and connecting the cultural space of a city through descriptions of its historical and geographical spaces, is the method to activate the "local experience" in urban literature. This is vividly demonstrated in the urban nostalgic writing that emerged in the late 1980s and 1990s. The rediscovery of Eileen Chang in the 1980s sparked interest in modern Shanghai. Subsequently, works like Wang Anyi's "The Song of Everlasting Sorrow", Li Oufan's "Shanghai Modern", Wei Hui's "Shanghai Baby", and Chen Danyan's "Shanghai Trilogy" set off a "Shanghai Nostalgia" craze [14]. Furthermore, Ye Zhao's works in the new century such as "Love in 1937", "Carved in Bone", "Long Time Coming", "The Gate of Yifeng", continue the intent of last century's "Night Mooring at Qinhuai" series, interlinking around the ancient capital of Nanjing, together constructing the aesthetic space of the city. Jin Yucheng's early century prose collection "The Age of Shuffling" with its vivid portrayal of material cultural life details in Shanghai provided substantial material accumulation and intellectual preparation for the creation of "Blossoms". Chi Zijian's transition from "The Pseudo-Manchukuo" at the end of the last century to the new century works "Dancing", "Black Snow White Crows", "Yellow Chicken White Wine", "Fireworks Roll Up" fully showcase the life and urban spirit of Harbin. The rich historical and cultural heritage of several cities provides writers with resources for perception and depth of expression. They shuttle between the history and reality of the city, blending personal life experiences with the cultural memories deep in the city's history, making character development, landscape presentation, and writing forms all become vivid testimonials infused with urban local experience.

First, character development integrates urban local experiences, successfully constructing a paradigm where humans and cities interact and connect spiritually. This is a stark contrast to the character portrayals long observed through the lenses of urban-rural conflicts and consumer desires. For instance, Ye Zhaoyan is adept at blending grand historical narratives with everyday life stories, analyzing the life situations of various Nanjing residents to affirm the city's unique cultural character. In this regard, Chi Zijian and Jin Yucheng exhibit similar narrative strategies. Chi Zijian tends to use ordinary people as narrative perspectives, providing an overview of the daily lives of various social strata in Harbin, constructing a spiritual connection between the characters and the city. Works like "The Pseudo-Manchukuo" and "Black Snow White Crows," which encompass significant historical themes, also adopt a narrative approach that captures the "big in the small," breaking "history" down into fragments of daily life and exploring the era's changes through the fates of minor characters. Jin Yucheng's "Blossoms" also peels back the imprints of a grand era on minor characters, through the lives and value pursuits of Shanghai residents like A Bao, Hu Sheng, and Xiao Mao, successfully building a common connection between the city and its people in spirit, taste, and sentiment.

Second, the depiction of landscapes anchors the city's history and reality, deeply reflecting the city's core spiritual and cultural content. The significance of landscapes extends far beyond the city's physical material shell. Longstanding critiques of urban literature have focused on the depiction of modern consumer society's landscapes, reflecting a lack of vibrant life experiences. Writers like Ye Zhaoyan carefully select landscapes with historical depth and integrate them with real-life details and the characters' spiritual worlds. This collision of history and reality highlights the fortunes and situations of cities and their inhabitants amidst changing times. For example, Ye Zhaoyan's novel "Carved in Bone" portrays typical Jiangnan cultural spaces such as flower boats, pleasure barges, tea houses, and taverns, all permeated with the tangible local customs and atmospheres of Qinhuai, exuding a rich regional cultural ambiance. His recent novel "The Gate of Yifeng" selects "Yifeng Gate," a space that has witnessed Nanjing's rise and fall, and the city dwellers' traumas and resilience, to narrate history and everyday life, epitomizing his writings on Nanjing. Chi Zijian's portrayal of urban landscapes carries a meaning of temporal and spatial convergence, intentionally constructing internal connections between the city's historical past and present reality, using the city's transformation to explore the spiritual history of its inhabitants. The novel "Dancing" uses the renovation of slums as a thread to pull out the historical memories and life trajectories of new and old generations in Harbin. The protagonist, Diu Diu, who

lives in the "Old Eight Miscellany" of the Half Moon Building, struggles to collect evidence of the building's historical and cultural value, attempting to halt the demolition but ultimately ends in vain. As the "Old Eight Miscellany" gradually submerges in the torrent of urban construction, the life experiences of a generation about it fade away. In his other works, Chi Zijian's depiction of Harbin's urban landscape reaches a meticulous level where "any place mentioned in my work, even if just in passing, I must touch its door or feel its sound or atmosphere" [15].

Third, creative practice connects with local cultural forms, encapsulating the local color of life experiences. The literary "local experience" is associated on one hand with human spirit, emotions, and fate, and on the other hand with local customs, atmospheres, and cultural forms. "Local language," or dialect, is the most direct manifestation of local color [13]. Jin Yucheng's success with "Blossoms" is inseparable from his use of dialect, a local cultural form. The most notable aspect of this novel is its preservation of old Shanghai memories through authentic Shanghainese, vividly bringing to life Shanghai's social customs and shaping the image of its citizens in a way that mimics the rhythmic tones of the Jiangnan dialect [16]. Dialect writing allows voices infused with local charm and life experiences to truly enter the city. "Blossoms" establishes the subjectivity of the dialect itself, providing a strong counterpoint and enlightenment to the increasingly expressive and appealing Mandarin-based literary language. Similarly, Ye Zhaoyan and Chi Zijian also pay attention to using local vernacular and dialect vocabulary in their writing, thereby strengthening the regional characteristics and expressive capacity of literary language in their works.

The aforementioned writings that integrate local experiences, through alternating narratives of history and reality, unearth the city's deeply embedded cultural connotations and unique characteristics. As scholars have stated, "By using cultural memory to depict or interpret the past and present of the city, the spirit of the city continues to thrive endlessly" [17]. These creations of the city are imbued with romantic colors and an effect of estrangement, which are highly attractive to readers already weary of the uniform face of urban life in reality. These signs suggest that local experience is a successful direction for achieving a localized breakthrough in urban literature. As towns expand and confront the processes of globalization, the space for local regional culture is further squeezed, threatening the diversity of aesthetic differences and life experiences. This leads to a conceptual trend in literary creation, "interpreting Chinese issues from the perspective of Western theories during the process of modernization, forming some universal views" [13]. Specifically, new century urban literature shows a dichotomy and imbalance in urban-rural narratives, as well as an overexposure of desires and alienation bred by consumerism. Facing these issues, writers like Ye Zhaoyan, Chi Zijian, and Jin Yucheng choose cities with rich historical and cultural backgrounds such as Nanjing, Harbin, and Shanghai as their subjects, digging internally for the diversity of local real life to combat the uniformity brought by globalization and urbanization. Their urban writings first abandon the utilitarian goals of modern narrative, no longer aiming to use the city to discern social realities and historical trends. Instead, the city transforms from an elevated object loaded with ideologies into a subject narrating local experience; secondly, replacing the previously general, holistic urban experience with specific, localized experiences, ensuring that the city appears not as uniform public image but as one with a unique life and expressions.

Sinking into history enriches urban writing, yet the purpose of penetrating history is not for the sake of history itself but to better touch upon reality. As Fredric Jameson stated, "For whatever special reasons, we are doomed to seek our history through our own popular images and clichés about the past, which itself is forever unreachable" [18]. Therefore, urban literary writing and research should not indulge in the past. They should "bridge the gap between the linguistic city and the real city, penetrating the veils of vanity and lies set up," thus "directly reaching the essence of the urban spirit" [19].

Regarding the relationship between history and reality, although our writers do not hide the facts of rapid urban development when examining the same city under the contexts of history and reality, they avoid addressing how history and tradition should adapt and participate in the urbanization process, making it a part of the city's new everyday life. Moreover, in terms of the relationship between the

specific and the general, historical narratives effectively restart local experiences, greatly enriching the cultural implications of urban appearances.

In summary, the article explores the ways urbanization has reshaped Chinese literature by reflecting changes in social structures, cultural identity, and perceptions of urban environments. This transformation presents both challenges and opportunities for contemporary literary practices, offering a new paradigm for interpreting urban narratives

Research results. The analysis of urban literary texts from the early 2000s reveals several emerging trends in the depiction of urban life. Firstly, the narratives increasingly incorporate themes of alienation and identity crises, which reflect the fragmented experiences of individuals living in rapidly expanding urban spaces. Writers such as Jia Pingwa and Wang Anyi have shifted their focus from rural-urban dichotomies to more intricate explorations of urban solitude and consumerism.

Furthermore, our study uncovered a growing tendency towards "localization" in urban literature. This is evident in works that juxtapose historical and modern urban experiences, particularly in cities like Shanghai, where writers use historical settings to critique contemporary urban life. Our findings also show a clear trend towards incorporating global themes, with an emphasis on cultural identity and technological progress. This has given rise to futuristic urban visions that explore the intersection of technological advancements and human experience.

These results offer a new understanding of how literary works serve as a mirror to societal change, especially in the context of globalization and urbanization. The novelty of our study lies in the focus on urban literature as a reflection of broader social dynamics, offering new paradigms for interpreting literary developments in a rapidly changing world.

Discussion. In this study, we explored the transformation of urban literary paradigms in China since the new millennium. Our results highlight significant shifts in narrative focus and literary styles, shaped by rapid urbanization and technological advancements. This evolution reflects broader societal changes, particularly the interactions between rural and urban environments.

One of the core discoveries is that modern Chinese urban literature has diverged from traditional rural narratives, embracing new themes that explore the psychological and emotional impact of urban life. These findings align with previous literature emphasizing the influence of globalization and urbanization on cultural expression in China. However, our research contributes novel insights into how these paradigms reflect the complexities of modern urban identity.

The practical significance of these findings is twofold: first, they provide a framework for understanding how urbanization transforms literary expression; second, they offer writers and researchers a basis for further exploration into local urban experiences amid globalization. This study also underscores the need for a deeper examination of technological influence on literary formats, particularly in digital publishing environments, where new narrative styles are rapidly emerging

Conclusion. Over the past forty years, China has undergone an urbanization process that took Western countries two centuries to achieve. The astonishing speed of development, coupled with a foundation emerging from an agricultural civilization, has meant that our urbanization has been in a state of transition for a long time. Writers, who exist in a parallel historical context due to a lack of urban experience and outdated theoretical resources, have only been able to offer a reality metaphor that is primarily imaginative for the unclear prospects of the city, keeping urban literature itself in a transitional state as well. However, it is foreseeable that as the direction of urbanization becomes clearer, the new era of urban development will inevitably demand literary forms that match it. Clearly, the current urban experience narratives are far from meeting these demands and compared to other art forms, literature has been left far behind.

Considering the above situation, we can say that since the new century, urban writing concepts and capabilities have had many deficiencies and have not been able to effectively keep up with the profound changes China's urban development is undergoing. On the other hand, this also means that future urban writing still has many deep-rooted and vibrant points of growth. Meng Fanhua aptly summarized: "Contemporary Chinese urban literature, like the ongoing modernization projects, is characterized by its

uncertainty. Thus, writing in contemporary Chinese urban literature is also an 'unfinished project'" [20]. Facing this "unfinished project" of urban literature, it is difficult to predict its developmental directions or what it will ultimately become. However, what is certain is that the path of urban literature, adapting to the tides of the times, will only become broader and will inevitably nourish and revise our cities and eras. What we anticipate is urban literature that integrates urban and rural experiences, emphasizing the equality of urban and rural values, the universal connection and continuity of their spirits and life values, and using a kind of spiritual quality and personality that transcends urban-rural boundaries to highlight the positive communal values in the urbanization process. We expect a departure from consumerist thinking, an artistic presentation of the texture of urban life and diverse life situations that both resonate with the spirit of the age and soothe the soul. We hope for urban experience narratives that possess both local cultural character and a global aesthetic identity, that highlight the uniqueness of our national cultural identity while standing up to universal values. We call not only for urban literature that takes the city as its subject but also as its method.

References:

1. *Yuan Y. (1983). Urban Literature Symposium, Guangming Daily. September.*
2. *Yiwu Zh. (2006). Globalization and the Transformation of Chinese Cinema. Beijing: China Renmin University Press. 57 p.*
3. *Chuting J., Huifen S. (2004). Rural Life Enters the Soul. Wenhui Book Review Weekly, September 1.*
4. *Shaogong H. (2006). From South to North. Beijing: Writers Publishing House. – P. 3-4.*
5. *Yan M. (1998). The Singing Wall. Beijing: People's Daily Publishing House. – P. 225-229.*
6. *Gang L., Zhongchen W. (2003). Reader on Consumer Culture. Beijing: China Social Sciences Press. – 15 p.*
7. *Xiaoming Ch. (2002). The Anxiety of Representation. Beijing: Central Compilation and Publishing House. – 142 p.*
8. *Guangdong W. (2009). The "Intellectual Capability" Problem in New Century Literature. Literature and Art Contention. June.*
9. *Urry J., Guanfu L. (2009). Global Complexity. Beijing: Beijing Normal University Press. – 41 p.*
10. *Guangdong W. (2009). The "Thought Capability" Problem in New Century Literature. Literature and Art Contention. June.*
11. *Guangdong W. (2007). Two Types of Literary Imagination Worth Noting Since the New Century. Yangtze River Review. № 2.*
12. *Min'an W. (2006). Body, Space and Postmodernity. Nanjing: Jiangsu People's Publishing House. – P. 129-130.*
13. *Guangdong W. (2017). The 'Local Experience' Issue in New Century Novel Writing. Social Science.*
14. *Jing Zh., Xinyan X. (2010). Shanghai Nostalgia in the 1990s. Reading.*
15. *Zijian Ch. (2020). Our Era's Plastic Track – Afterword of Fireworks Unfurled. Beijing: People's Literature Publishing House. – 306 p.*
16. *Lin Sh. (2016). Regional Novel Writing in the Crisis of Dialect Ecology – The Case of the Shanghainese Novel "Blossoms". Contemporary Literature. № 2.*
17. *Pingyuan Ch. Imagining the Past and Present Life of Beijing City—Answering Questions from Xinhua News Agency Reporter Liu Jiang. Journal of Beijing Normal University, Issue 4.*
18. *Hu Yamin et al. (2000). The Cultural Turn. Beijing: China Social Sciences Press. – 10 p.*
19. *Sihe Ch. (2007). The Conceptual City. China News Daily.*
20. *Fanhua M. (2013). The Rise of a New Civilization and Urban Literature. Learning and Exploration, November.*

МРНТИ 17.82.32 10.51889/2959-5657.2025.91.1.008

Умирханова Ш.А.[1], **Орынханова Г.А.*[2]
[1,2]*Казахский национальный женский педагогический университет*
Алматы, Казахстан
e-mail: umirhanovas@gmail.com
**e-mail: gibadat_@mail.ru*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В РАССКАЗЕ БАХЫТЖАНА КАНАПЬЯНОВА «БАХЧИСАРАЙ»

Аннотация

Статья посвящена анализу рассказа Бахытжана Канапьянова «Бахчисарай» с фокусом на проблему национальной идентичности и культурной памяти. В ходе исследования рассматриваются способы, которыми автор через образ и переживания героя передает тему утраты родины и сохранения культурной памяти в условиях изгнания. Образ старика Кемаля, переживающего ностальгию по Крыму, а также символика Бахчисарая становятся центральными элементами для понимания глубины связи с родной землей и с прошлым. В статье используется метод системного анализа, а также подход к исследованию через психоэмоциональную и культурную реконструкцию, которая помогает раскрыть механизмы сохранения национальной идентичности через переживания героев. Рассказ Канапьянова позволяет увидеть важность памяти и духовной связи с родной культурой, несмотря на внешние трудности и насильственное изгнание.

Ключевые слова: национальная идентичность, культурная память, рассказ, Бахытжан Канапьянов, утрата идентичности, метод системного анализа, топоним

Өмірханова Ш.Ә.[1], **Орынханова Ғ.А.*[2]
[1,2]*Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті*
Алматы, Қазақстан
e-mail: umirhanovas@gmail.com
**e-mail: gibadat_@mail.ru*

БАҚЫТЖАН ҚАНАПЬЯНОВТЫҢ «БАҚШАСАРАЙ» ӘҢГІМЕСІНДЕГІ ҰЛТТЫҚ БОЛМЫС ПЕН МӘДЕНИ ЖАДЫ

Аңдатпа

Мақала Бақытжан Қанапьяновтың «Бақшасарай» әңгімесін, ондағы ұлттық болмыс пен мәдени жады мәселесін талдауға арналған. Зерттеуде автордың қаһарман бейнесі мен оның басынан кешкен оқиғалары арқылы жер аударылып жерінен айырылу және мәдени жадыны сақтау тақырыбын ашу жолдары қарастырылады. Қырымға деген сағыныш сезімін бастан өткерген Кемал қарттың бейнесі, сондай-ақ Бақшасарай символикасы туған өлкемен және өткенмен байланыстың тереңдігін түсінудің орталық элементтеріне айналды. Мақалада жүйелік талдау әдісі, сондай-ақ, кейіпкерлер басынан өткен оқиғалар арқылы ұлттық бірегейлікті сақтау тетіктерін ашуға көмектесетін психоэмоционалды және мәдени реконструкция арқылы зерттеу тәсілі қолданылады. Қанапьяновтың әңгімесі сыртқы қиындықтар мен мәжбүрлі жер аударуға қарамастан жадының және төл мәдениетімізбен рухани байланыстың маңыздылығын көруге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: ұлттық болмыс, мәдени жады, әңгіме, Бақытжан Қанапьянов, тұлғаның жоғалуы, жүйелік талдау әдісі, топоним

Umirkhanova Sh.[1], **Orynkhanova G.*[2]
[1,2]*Kazakh National Women's Teacher Training university*
Almaty, Kazakhstan
e-mail: umirhanovas@gmail.com
**e-mail: gibadat_@mail.ru*

NATIONAL IDENTITY AND CULTURAL MEMORY IN BAKHYTZHAN KANAPYANOV'S STORY "BAKHCHISARAY"

Abstract

The article is devoted to the analysis of Bakhytzhan Kanapyanov's story “Bakhchisaray” with a focus on the problem of national identity and cultural memory. The study examines the ways in which the author, through the image and experiences of the hero, conveys the theme of loss of homeland and preservation of cultural memory in the conditions of exile. The image of the old man Kemal experiencing nostalgia for Crimea, as well as the symbolism of Bakhchisarai become central elements for understanding the depth of connection with the native land and the past. The article uses the method of systemic analysis, as well as the approach to research through psycho-emotional and cultural reconstruction, which helps to reveal the mechanisms of preserving national identity through the experiences of the characters. Kanapyanov's story allows us to see the importance of memory and spiritual connection with the native culture despite external difficulties and forced exile.

Keywords: national identity, cultural memory, story, Bakhytzhan Kanapyanov, loss of identity, method of system analysis, toponym

Введение. Вопрос сохранения и трансформации национальной идентичности является актуальным в условиях глобализации и миграции. В литературе эта проблема нередко находит отражение через истории о переселении, утрате родины и поиске своего места в новом обществе. Рассказ Бахытжана Канапьянова «Бахчисарай» предлагает глубокий анализ того, как личная трагедия и историческая память формируют национальную картину сознания личности, сталкивающейся с чуждым ей внешним миром. Поэзия Бахытжана Канапьянова исследовалась с различных точек зрения. Она рассматривалась как явление художественного билингвизма [1], были изучены «алматинский» текст в творчестве Б. Канапьянова [2], древнетюркские [3] и основные мотивы его поэзии [4]. Отдельные исследования были посвящены влиянию традиций Абая на его лирику [5], выявлению пушкинских реминисценций [6], а также анализу авторских повествовательных стратегий в его поэтическом нарративе [7].

Цель данной статьи – исследовать, как через образ старика Кемаля, его связь с Крымом и легендами о Бахчисарае автор раскрывает темы утраты идентичности, трагического изгнания и попытки сохранить связь с родной культурой. Рассмотрим, каким образом эти мотивы отражают процесс формирования и сохранения национального кода, а также как они влияют на восприятие личности в контексте поликультурного общества. В рассказе Канапьянова старик Кемаль является ярким примером того, как изгнание и потеря родины, представленной в образе Крыма, становятся не только физической утратой, но и глубоким духовным разрывом, который невозможно залечить. Его привязанность к Бахчисараю и невысказанная тоска по родной земле выражаются через постоянные повторения имени этого города и через действие, которое дает старому человеку хоть какое-то чувство сопричастности с утраченной родиной. В этих напеваемых словах «Бахчисарай, Бахчисарай» заключена не только тоска, но и память о пережитых трагедиях, символизирующая важнейшую часть его национальной идентичности. Старик Кемаль не просто теряет свою родину, но и оказывается оторванным от всего того, что когда-то составляло его национальный код – языка, культуры, традиций. В столкновении с новым миром, который он не может и не хочет принять, он находит лишь боль и отчуждение. Легенда о змее в Крыму становится метафорой его собственной судьбы: как змея, он

"полумертв" в своем новом доме, но все же жив, продолжая бороться с теми, кто забрал у него родину. Эта борьба, однако, не приводит к победе. Вместо этого мы видим, как старик поглощен своими демонами, переживаниями и невозможностью вернуться в то, что когда-то было его домом. Таким образом, рассказ Канапьянова ставит перед нами вопрос о том, как национальная идентичность может быть не только утрачена, но и разрушена. Через трагическую судьбу старика Кемаля автор поднимает важные темы насилия над человеческой душой, культурной памяти и необходимости сохранять свою историю, несмотря на все жизненные перипетии.

Методы и материалы. Для анализа рассказа Бахытжана Канапьянова «Бахчисарай» использованы методы системного анализа, включающего рассмотрение культурно-исторического контекста, который был направлен на исследование структуры текста, символики и образов, ключевых для раскрытия темы утраты и сохранения национальной идентичности. Особое внимание уделялось образу Бахчисарая, который символизирует родину старика Кемаля, и метафоре змеи, которая является аллегорией его внутренней борьбы и трагической судьбы. Через анализ диалогов и поступков персонажей, а также их взаимодействия с окружающим миром было выявлено, как автор использует эти символы для выражения внутреннего состояния героев и их отношения к потерянной родине. Культурно-исторический контекст позволил более глубоко понять значение произведения в свете исторической реальности. Рассказ повествует о депортации крымских татар, что становится основой для анализа влияния исторических травм на личную идентичность героев. Исследование культурных и этнографических аспектов, связанных с крымскими татарами, помогло прояснить, как рассказ отражает темы изгнания, утраты дома и борьбы за сохранение национальной памяти в условиях чуждой среды. Эти методы позволили выявить, как в произведении Канапьянова затронуты важнейшие вопросы национальной идентичности, памяти и культуры, а также как исторические события находят отражение в личных переживаниях персонажей.

Результаты и обсуждения. Рассказ Бахытжана Канапьянова «Бахчисарай» является глубоким произведением, исследующим вопросы национальной идентичности и утраты родины через призму личных переживаний и культурных символов. В произведении автор использует образы и символику, которые помогают раскрыть тему изгнания, тоски по родной земле и борьбы с внутренними конфликтами. На основе литературного анализа и культурно-исторического контекста можно выделить несколько ключевых аспектов, которые демонстрируют важность сохранения культурной памяти и связи с родиной в условиях чуждой среды.

Одним из центральных символов рассказа является топоним *Бахчисарай,* которое на протяжении всего произведения повторяется в песне старика Кемаля. Бахчисарай – это не просто название города, а своего рода олицетворение родины, оторванной от него. В рассказе старик постоянно напевает это слово, но с каждым разом оно звучит все более болезненно, как напоминание о том, что его родная земля уже не существует для него как реальность, а осталась только в памяти и чувстве тоски.

В самом начале рассказа старик ухаживает за своим садом и поет «Бахчисарай, Бахчисарай». Он живет на севере Казахстана, вдалеке от своей родины, но каждый раз, когда он произносит это имя, оно словно утешает его, давая ощущение связи с потерянным домом. Однако эта песня становится не просто ностальгией, но и выражением глубокой внутренней боли. Мы видим, как старик, несмотря на все усилия по созданию маленького рая в своем саду, не может забыть Крым, не может избавиться от чувства утраты. Его связь с Бахчисараем не просто символична, она является его внутренней борьбой, попыткой сохранить часть себя в новом мире.

Процесс ухода за садом и деревьями также становится символом попытки сохранить свою культурную идентичность в чуждой культуре. Старик, по сути, создает миниатюрный кусочек своей родины на чужбине, однако это искусственное воссоздание не может заменить того, что было утеряно навсегда. В рассказе показано, что хотя старик может заботиться о цветах и деревьях, которые, как символы его родины, растут в новой земле, его душа остается в Бахчисарае.

Тема депортации и изгнания является основой рассказа, и она играет ключевую роль в формировании национальной идентичности персонажей. Старик Кемаль и его жена Ани, как и многие другие жители, были насильно выселены из Крыма в 1944 году и оказались на чужбине, в Казахстане. Канапьянов не просто описывает этот факт, он акцентирует внимание на психологических последствиях изгнания, на внутреннем раздоре и глубоком чувстве потери, которые испытывают люди, вынужденные покинуть родные места.

Персонажи рассказа не просто физически удалены от своей родины, но и духовно оторваны от своей культуры, своих традиций и памяти о родной земле. Старик Кемаль, как и другие депортированные, постоянно тоскует по дому, переживает за свои утраченные корни. Он живет в новом месте, строит свой дом, но внутренне он всегда остается в Бахчисарае, и это ощущение не может быть убито временем или расстоянием. В рассказе он даже вступает в конфликт с окружающим миром, пытаясь сохранить свою идентичность в чуждой среде, что приводит его к психоэмоциональным расстройствам.

Один из ярких примеров этого – сцена, когда старик Кемаль в приступе ярости разрывает свои швейные заказы и кричит «Бахчисарай, Бахчисарай!» в ответ на угрозу лишения его орудий труда. Здесь мы видим, как потеря даже такой обыденной вещи, как швейная машинка, становится для него не только материальным, но и духовным потрясением. В этот момент старик теряет последний кусочек связи с новым миром и становится полностью поглощен воспоминаниями о родине. Его крик «Бахчисарай!» не просто выражение боли, это крик отчаяния, символизирующий невозможность адаптации и интеграции в новый мир. Старик Кемаль чувствует, что его корни вырваны, а его культура уничтожена.

Канапьянов в своем рассказе очень точно показывает, как депортация и насильственное переселение влияют на личную идентичность людей. Старик Кемаль, несмотря на годы, проведенные вдали от родины, не может избавиться от чувства принадлежности к крымским татарам, и его культурная память остается живой и болезненной. Он воспринимает потерю родины как личную трагедию, как разрушение всего, что было для него важным.

В рассказе через персонажей и их внутренние переживания показано, как историческая травма от депортации отражается в их жизни. Для старика Кемаля его идентичность связана не только с родным языком, но и с образом Бахчисарая, который остается символом не только его родины, но и всего его жизненного опыта. Мы видим, как в его сознании и в его поведении постоянно присутствует образ родной земли, который является не просто воспоминанием, а важным элементом его внутреннего мира. Даже когда он пытается адаптироваться к новым условиям, он не может забыть свою историю, и эта память становится невыносимым грузом.

Метафора, которая пронизывает рассказ, – это *схватка змей*, описанная в легенде о Бахчисарае. Молодой хан, наблюдая за борьбой змей, размышляет о судьбе своего народа. Он видит в змее, которая пережила схватку, символ своего народа, который также пережил испытания и потери. Эта метафора тесно связана с судьбой старика Кемаля. Он идентифицирует себя с третьей змеей – полумертвой, которую, несмотря на все трудности и страдания, невозможно полностью уничтожить. Это выражение обиды и горечи старика, который, несмотря на изгнание, не теряет связи с родной культурой и памятью о родине. Метафора змеи отражает состояние героя – его борьбу за сохранение своей идентичности, его «непогибающее» стремление к родной земле. Другой важной метафорой является образ *тополиного пуха*, который «душит» старика, и, по словам соседки, ему нельзя было жить в Ташкенте из-за этого пуха. Это не просто физическое недомогание, но и метафора того, как новая реальность, чуждая и враждебная, угнетает личность. Тополиный пух олицетворяет все элементы новой жизни, которые мешают герою полностью адаптироваться, напоминая ему о том, что родная земля осталась далеко.

Важную роль в раскрытии темы утраты родины и невозможности адаптации играют *диалоги*. Один из них – это разговор старика Кемаля с отцом рассказчика, который использует слова на татарском и арабском, такие как «Каир», «Алушта», «Ак-Мечеть». Эти слова, заполняющие

разговор, показывают связь старика с его прошлым и культурой, но также подчеркивают, что это прошлое становится чуждым и труднодоступным. Диалог с отцом рассказчика, который рассказывает ему легенду о Бахчисарае, имеет не только образовательный, но и эмоциональный характер. Для старика этот рассказ становится напоминанием о его утраченной родине и той реальности, к которой он никогда не сможет вернуться. Особенно ярким примером является финальный диалог между стариком и рассказчиком, когда старик, в приступе ярости и горечи, кричит: «Я и есть третья змея, меня могут спасти только камни Бахчисарая» [8]. Этот момент отражает трагизм героической памяти старика о родной земле. Диалог в этом контексте не только выражает его личные переживания, но и демонстрирует невозможность полной адаптации к новой жизни, так как память о родине становится неотъемлемой частью его личной идентичности. Один из диалогов – это разговор старика Кемаля с отцом рассказчика, который использует слова на татарском и арабском, такие как «Каир», «Алушта», «Ак-Мечеть». Эти слова, заполняющие разговор, показывают связь старика с его прошлым и культурой, но также подчеркивают, что это прошлое становится чуждым и труднодоступным. Диалог с отцом рассказчика, который рассказывает ему легенду о Бахчисарае, имеет не только образовательный, но и эмоциональный характер. Для старика этот рассказ становится напоминанием о его утраченной родине и той реальности, к которой он никогда не сможет вернуться.

Важным аспектом рассказа является роль памяти и традиций в сохранении национальной идентичности. Для старика Кемаля и его жены Ани память о родной земле становится единственным способом сохранить свою культурную идентичность. В рассказе они не только продолжают воспевать имя Бахчисарая, но и передают знания о нем через рассказы и легенды. Через такие воспоминания они пытаются сохранить не только историю своего народа, но и саму культуру, традиции и язык, которые они унесли с собой в изгнание.

Примером этого является момент, когда старик рассказывает юному мальчику легенду о том, как возник Бахчисарай. Легенда становится не просто частью культурной памяти, но и способом передать детям и внукам историческую правду о своем народе. Однако, несмотря на все эти усилия сохранить связь с родной землей, рассказ Канапьянова показывает, что память и традиции оказываются недостаточными, чтобы вернуть утраченное.

В этом контексте старик Кемаль символизирует тех, кто не может найти своего места в новом мире и продолжает жить в прошлом, пытаясь сохранить свою идентичность через воспоминания и символы. Это не просто форма сопротивления, но и отражение трагической судьбы тех, чья родина была утеряна. В рассказе звучит не только боль, но и стойкость, которая выражается в попытках сохранить культуру, память и самоопределение даже в самых тяжелых условиях.

Рассказ Бахытжана Канапьянова «Бахчисарай» предоставляет богатый материал для размышлений о национальной идентичности, культурной памяти и травмах, которые остаются в сознании человека после насильственного изгнания. Этот литературный труд затрагивает важнейшие аспекты человеческого существования, а именно: как память о родине сохраняется, несмотря на расстояние и время, как культурная идентичность сопротивляется ассимиляции и внешнему давлению. Канапьянову удается через мелкие детали, символику и психологическую глубину персонажей рассказать о том, как переживание утраты превращается в многогранный и болезненный процесс.

Одним из центральных вопросов, который поднимается в рассказе, является вопрос о сохранении идентичности в условиях культурного насилия. Депортация крымских татар стала не только физическим изгнанием, но и попыткой стереть их культурное лицо, их историческую память. В таких условиях люди вынуждены не только бороться за выживание в новой реальности, но и противостоять разрушению своей национальной идентичности. Канапьянов в своем произведении показывает, что даже несмотря на все внешние изменения, внутренняя связь с родиной, с теми культурными и историческими корнями, которые человек унес с собой, остается живой. Однако это не означает, что эта память не причиняет боли или не вызывает страха перед полным исчезновением.

Важной темой является столкновение двух миров – старого, привычного мира Бахчисарая, и нового, чуждого, – Казахстана. Канапьянов прекрасно передает это столкновение через образ старика Кемаля, который живет в физическом пространстве, но его душа и мысли постоянно возвращаются к родным местам. Это напоминает нам о том, как важна не только физическая родина, но и то, что она символизирует для человека. В рассказе Бахчисарай не просто город, это целый мир, целая эпоха, переживание утраты которого становится невосполнимым. Переезд, депортация становятся не просто фактом внешней жизни, но катастрофой внутренней. В этом контексте важно заметить, что, несмотря на усилия старика создавать что-то похожее на родной сад, невозможно вернуть утраченный дом. Этот процесс воссоздания мира, который был разрушен, скорее является способом противостоять полной утрате, чем попыткой достичь реального восстановления.

Кроме того, стоит отметить, что в рассказе Канапьянов уделяет большое внимание процессу передачи памяти и культурных традиций через поколение. Старик Кемаль и его жена пытаются удержать хотя бы частицу родного мира через рассказы, песни, воспоминания. Существует большая надежда, что эти культурные коды, передаваемые младшему поколению, помогут сохранить не только идентичность, но и переживания, которые связаны с родиной. Однако эта передача памяти сталкивается с реальностью, в которой дети, по сути, уже оторвались от родины и воспринимают её через призму рассказов и воспоминаний старших. Это становиться особенной трагедией, ведь в таком случае память о родине, хоть и сохраняется, но обрывается на каком-то уровне, не позволяя воспроизвести живое, полное восприятие родного мира.

Сам процесс адаптации к новым условиям в рассказе Б.Канапьянова представляет собой сложный и противоречивый процесс. Старик и его жена не пытаются полностью отказаться от своей культуры или забыть родину, но при этом сталкиваются с тем, что их традиции не могут быть полностью реализованы в новых условиях. В их саду, в их доме ощущается дисгармония, которая возникает именно от невозможности вернуть былую реальность. Сад, в который они вкладывают свою любовь и силы, становится своего рода символом компромисса: это и дом, и место для памяти, но он не может быть истинным заменителем родной земли.

В данном контексте рассказ о старике Кемале приобретает несколько универсальных измерений. Это не просто история одного человека, а метафора для всего народа, который переживает трагедию утраты своей родины. Многие народы, пережившие депортации и изгнания, столкнулись с похожими процессами: с сохранением идентичности, с поиском способов адаптации и с трудностями, связанными с передачей памяти следующему поколению. В этом смысле рассказ Канапьянова имеет важное значение для более широкого понимания процесса изгнания и его последствий для нации.

Стоит также обратить внимание на то, как в произведении показан процесс глубокого внутреннего конфликта, связанного с невозможностью забыть свою родину, но и с трудностью существования в чуждом мире. Через внутренний мир старика Канапьянов исследует важнейший элемент человеческой психики – это постоянное напряжение между памятью и настоящим, между реальностью, которую человек не может изменить, и тем, что он должен сохранить ради себя, ради своего будущего. История старика Кемаля – это не просто борьба с внешними условиями, но и внутренняя борьба за сохранение собственного «я», за сохранение того, что формирует человека как личность.

Канапьянову удается мастерски использовать символику и метафоры для усиления эффекта трагедии. Образ Бахчисарая, который постоянно повторяется, становится ключом к пониманию утраты. Это не просто название города, это имя всего того, что было потеряно: родного языка, родных традиций, памяти о великой культуре. Этот город является не только топонимом, а концептом, который связывает человека с тем, что делает его человеком.

Процесс поиска внутренней целостности и сохранения культурных традиций на фоне трагедий и изменений является важной темой не только для крымских татар, но и для всех народов, чья история и культура были прерваны насильственным образом. Рассказ Канапьянова

– это напоминание о важности памяти и идентичности в жизни человека, о том, что утрата родины может быть не просто физической, но и душевной катастрофой.

Таким образом, рассказ «Бахчисарай» является не только историей депортации, но и универсальной историей о человеческой боли, которую причиняет потеря родины, о попытках сохранить свою идентичность и культуру, несмотря на внешние обстоятельства. С помощью психологической глубины персонажей и яркой символики Канапьянов затрагивает темы, которые не теряют своей актуальности, и оставляет читателя с вопросами о том, как важно помнить, кто ты есть, и что именно делает тебя человеком в условиях, когда все вокруг стремится стереть эту память.

Заключение. Рассказ Бахытжана Канапьянова «Бахчисарай» представляет собой глубокую рефлексию над темами памяти, утраты и культурной идентичности. Через образ старика Кемаля и его переживания, связанные с депортацией, автор показывает, как насильственное изгнание не только нарушает физическое существование людей, но и оставляет глубокие следы в их душах, вызывая бесконечное ощущение утраты и болезненной ностальгии. Несмотря на все усилия сохранить связь с родиной, главный герой сталкивается с трагедией невозможности вернуть утраченное, даже если внешне пытается воссоздать кусочки прошлого в новом доме.

Особое внимание уделяется передаче культурных традиций и памяти о родине через поколение. Канапьянов затрагивает такую важную тему, как история поколения, выросшего в условиях изгнания и воспринимающего свою культуру и историю через рассказы и воспоминания старших. Тем самым он ставит перед читателем вопрос о сохранении идентичности в условиях культурного насилия и разрушения, а также о том, как национальная память может быть передана будущим поколениям, несмотря на внешние вызовы.

Через символику Бахчисарая, сада и внутреннего мира героев автор глубоко проникает в психологию человека, переживающего разрыв с родиной, показывая сложность этого процесса. Рассказ Канапьянова напоминает нам о важности памяти, связи с родными местами и культуре, которая помогает сохранять внутреннюю целостность, несмотря на тяжесть внешних обстоятельств.

Таким образом, «Бахчисарай» не только воспроизводит историю одной семьи, но и открывает универсальные вопросы, которые актуальны для всех народов, переживших депортацию, изгнание или другие формы насильственного разрыва с родной землей. Это произведение служит напоминанием о том, что настоящая утрата – это не только физическое изгнание, но и утрата связи с тем, что определяет нас как людей, как народ, как культурное сообщество.

Список использованной литературы:

1. Уразаева К.Б., Жаркынбекова Ш.К. Билингвизм и жанровый синтез лирики Бахытжана Канапьянова // Полилингвиальность и транскультурные практики, 2018. Вып. 15. No 4. С. 605–617.

2. Темиргазина З.К. «Алматинский» текст в творчестве Бахытжана Канапьянова // Вестник Томского государственного университета. Филология, 2024. № 90. С. 268–285. doi: 10.17223/19986645/90/13

3. Темиргазина З.К. Древнетюркские мотивы в поэзии Бахытжана Канапьянова: семиотический аспект // Turkic Studies Journal, 2024. Т.6(1). – С. 169-180. DOI: http://doi.org/10.32523/2664-5157-2024-1-169-180

4. Нұрғали Қ.Р., Амангелді М.Д. Система мотивов в лирике Б. Канапьянова //Вестник Карагандинского университета. Серия «Филология», 2022. 2(106. –, С. 109-116. DOI: https://doi.org/10.31489/2020Ph2/109-116

5. Карабатырова А.К. О духовно-нравственном воспитании в современном обществе, семье и школе (традиции Абая в творчестве Бахытжана Канапьянова)// Педагогическая наука и практика, 2015. No 3(9). С. 56-59.

6. Шабарова Г.К. Пушкинские реминисценции в ориентальной лирике Б. Канапьянова // Мир науки, культуры, образования, 2020. No 1(80). С. 396-399

7. Бактыбаева А.Т. Авторская повествовательная стратегия с элементами комизма в структуре концептуальной картины мира прозы Б. Канапьянова // Гуманитарный вектор, 2021. Т. 16. No 4. С. 69-77.

8. Канапьянов. Б.М. Бахчисарай: рассказы. 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mylibrary.kz/povesti-i-rasskazi/bahchisaraj-bahytzhan-kanapjanov/

References:

1. Urazaeva K.B., Zharkynbekova Sh.K. (2018). Bilingvizm i zhanrovyj sintez liriki Bahytzhana Kanap'yanova // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. Vyp. 15. No 4. S. 605–617.

2. 2Temirgazina Z.K. (2024). «Almatinskij» tekst v tvorchestve Bahytzhana Kanap'yanova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. № 90. P. 268-285. DOI: 10.17223/19986645/90/13

3. Temirgazina Z.K. (2024). Drevnetjurkskie motivy v pojezii Bahytzhana Kanap'janova: semioticheskij aspekt // Turkic Studies Journal. T. 6 (1) – P. 169-180. DOI: http://doi.org/10.32523/2664-5157-2024-1-169-180

4. Nurgali K.R., Amangeldi M.D. (2022). Sistema motivov v lirike B. Kanap'yanova // Vestnik Karagandinskogo universiteta. Filologiya, 2(106). P. 109-116. DOI: https://doi.org/10.31489/2020Ph2/109-116

5. Karabatyrova A.K. (2015). O duhovno-nravstvennom vospitanii v sovremennom obshhestve, sem'e i shkole (tradicii Abaja v tvorchestve Bahytzhana Kanap'yanova) // Pedagogicheskaja nauka i praktika. No 3(9). – P. 56–59.

6. Shabarova G.K. (2020). Pushkinskie reministsentsii v oriental'noi lirike B. Kanap'yanova // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. No 1(80). – P. 396–399

7. Baktybaeva A.T. (2021). Avtorskaja povestvovatel'naya strategija s elementami komizma v strukture konceptual'noi kartiny mira prozy B. Kanap'yanova // Gumanitarniy vektor. T. 16. No 4. – P. 69–77.

8. Kanap'yanov. B.M. (2012). Bahchisaray: rasskazy. Retrieved from https://mylibrary.kz/povesti-i-rasskazi/bahchisaraj-bahytzhan-kanapjanov/

ПЕДАГОГИКА МЕН ӘДІСТЕМЕ МӘСЕЛЕЛЕРІ
ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ И МЕТОДИКИ
PROBLEMS OF PEDAGOGY AND METHODOLOGY

МРНТИ 14.25.09 10.51889/2959-5657.2025.91.1.009

Жиндеева Е. А.
МГПУ имени М. Е. Евьсевьева
Саранск, Российская Федерация
e-mail: jindeeva@mail.ru

ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛАКУНИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Аннотация

В предлагаемой статье рассматривается практическая возможность использования приема лакунизации в системе сравнительно-сопоставительного изучения литературных образцов в современной российской школе. Мировые языки, разные и в то же время похожие, создают сложности в общении и понимании представителей разных стран. Отчасти это связано с тем, что во взаимопонимании между разными языками отсутствуют эквиваленты слов в одном языке для описания реалий другого. Это явление не только мешает полноценному общению между нациями, но и подчеркивает различия в их мировосприятии, которые проявляются через культурное наследие каждого народа, отраженное в его языке. Представлены результаты проведенного на базе МОУ «Лицей № 25 имени Героя Советского Союза В.Ф. Маргелова» г. о. Саранска Российской Федерации методического эксперимента. Применение заявленной методики позволяет выявить закономерности учебно-воспитательного процесса, учитывающие внедрение лакунизации; определить факторы, влияющие на усвоение знаний, навыки понимания и умения приятия другой культуры, что способствует комплексному развитию многих аспектов литературного образования, подчеркивая важность индивидуального подхода к обучению.

Ключевые слова: лакун, лакунизация, сравнительно-сопоставительный анализ, культура, учебно-воспитательный процесс

Жиндеева Е. А.
М.Е. Евьсевьев атындағы МГПУ
Саранск, Ресей Федерациясы
e-mail: jindeeva@mail.ru

КӨРКЕМ ШЫҒАРМАЛАРДЫ САЛЫСТЫРМАЛЫ ЗЕРТТЕУ ЖҮЙЕСІНДЕ ЛАКУНИЗАЦИЯНЫ ҚОЛДАНУ ТӘЖІРИБЕСІ

Аңдатпа

Ұсынылған мақалада қазіргі орыс мектебіндегі әдеби үлгілерді салыстырмалы-салыстырмалы зерттеу жүйесінде лакунизация әдісін қолданудың практикалық мүмкіндігі қарастырылады. Әр түрлі және сонымен бірге ұқсас әлемдік тілдер әртүрлі елдердің өкілдерімен қарым-қатынас пен түсінуде қиындықтар туғызады. Бұл ішінара әр түрлі тілдер арасындағы өзара түсіністікте басқа тілдің шындығын сипаттау үшін бір тілдегі сөз баламаларының болмауына байланысты. Бұл құбылыс ұлттар арасындағы толыққанды қарым-қатынасқа кедергі келтіріп қана қоймайды, сонымен қатар олардың тілдерінде көрініс тапқан әр халықтың мәдени мұрасы арқылы көрінетін

олардың дүниетанымындағы айырмашылықтарды көрсетеді. Ресей Федерациясы Саранск қаласының "Кеңес Одағының Батыры в. ф. Маргелов атындағы № 25 Лицей" МОУ базасында жүргізілген әдістемелік эксперименттің нәтижелері ұсынылды. Мәлімделген әдістемені қолдану лакунизацияны енгізуді ескеретін оқу-тәрбие процесінің заңдылықтарын анықтауға мүмкіндік береді; әдеби білім берудің көптеген аспектілерін жан-жақты дамытуға ықпал ететін білімді игеруге, түсіну дағдыларына және басқа мәдениетті қабылдау қабілеттеріне әсер ететін факторларды анықтаңыз, бұл оқытуға жеке көзқарастың маңыздылығын көрсетеді.

Түйін сөздер: лакун, лакунизация, салыстырмалы-салыстырмалы талдау, мәдениет, оқу-тәрбие процесі

Zhindeeva E. A.
M. E. Evsevyev atyndagi MGPU
Saransk, Russian Federation
e-mail: jindeeva@mail.ru

THE PRACTICE OF USING LACUNIZATION IN THE SYSTEM OF COMPARATIVE STUDY OF WORKS OF FICTION

Abstract

The proposed article examines the practical possibility of using lacunization techniques in the system of comparative study of literary samples in modern Russian schools. The world's languages, which are different and at the same time similar, create difficulties in communication and understanding between representatives of different countries. This is partly since mutual understanding between different languages lacks the equivalence of words in one language to describe the realities of another. This phenomenon not only prevents full-fledged communication between nations, but also highlights the differences in their worldview, which are manifested through the cultural heritage of each nation, reflected in its language. The results of a methodological experiment conducted based on the Lyceum No. 25 named after Hero of the Soviet Union V.F. Margelov in Saransk, Russian Federation, are presented. The application of the claimed methodology makes it possible to identify patterns of the educational process that consider the introduction of lacunization.; To identify the factors influencing the assimilation of knowledge, understanding skills, and acceptance of another culture, which contributes to the integrated development of many aspects of literary education, emphasizing the importance of an individual approach to learning.

Keywords: lacunae, lacunization, comparative analysis, culture, educational process

Введение. В основе воспитания всесторонне развитой, духовной личности, над формированием которой общеобразовательное учреждение работает на протяжении одиннадцати лет, лежит разноаспектная работа, в том числе и в области филологии. Приоритетные ценности, которые воспитывает классическая система образования в России, наиболее полно раскрываются на уроках литературы. Главная задача этого предмета – приобщение учеников к творчеству писателей, обсуждение значимых проблем и развитие интеллектуального и нравственного потенциалов учеников. Внедрение принципа лакунизации на уроках литературы помогает педагогам заложить в систему ценностей учеников нравственные и эстетические основы, а также развить в них толерантность и уважение к различным культурам и народам.

Однако в настоящее время существует противоречие между общественной потребностью в подготовке молодежи, способной к толерантному и уважительному отношению к другим культурам, и недостатком теоретических и методических подходов к развитию этих навыков в рамках среднего образования. Именно этим обусловлено наше обращение к заявленной теме и приведены описания особенностей организации образовательного процесса обучающихся с применением лакунизации в работе над художественным текстом.

Методы и материалы. Мировые языки, разные и в то же время похожие, создают сложности в общении и понимании представителей разных стран. Отчасти это связано с тем, что во взаимопонимании между разными языками отсутствуют эквивалентты слов в одном языке для описания реалий другого. Это явление не только мешает полноценному общению между нациями, но и подчеркивает различия в их мировосприятии, которые проявляются через культурное наследие каждого народа, отраженное в его языке.

Исследователь Т. Ю. Данильченко определила рассматриваемое явление следующим образом: «Лакуны (от лат. lacuna – пробел) – это «пустоты» в познании, служащие причиной противоречий и «темных мест» в тексте» [3, 16]. Эта проблема создает барьер и в системе литературного образования, мешая обучающимся всесторонне и исчерпывающе усвоить историческую специфику произведения и точку зрения автора в целом.

Данное явление возникает в современных реалиях по нескольким причинам:

1. Традиционная специфика, свойственная социально-исторической общности людей.

Образование лингвистических «белых пятен» в рамках обычаев и поведения людей разных стран возникает из-за разницы в образе жизни и культуре. Использование выражений затруднено из-за недостатка культурно-исторического контекста. Обратимся к культуре Испании, благодаря которой появилось слово «сиеста». Данный термин обозначает послеобеденный отдых, который является обычной практикой для большинства испанцев, даже в разгар рабочего дня. Однако в странах СНГ такая традиция не распространена, более того, термин и его производные не ликвидны.

2. Разнообразие культурного быта и наследия. Лакуны в какой-то степени являются отличительной чертой фольклора нации, так как многие незнакомые слова связаны с выдуманными персонажами народных сказок и легенд. К примеру, названия сказочных и мифических существ – Колобок, Чебурашка, Леший – в буквальном смысле непереводимые слова для иностранцев.

3. Молодежный сленг. Этот феномен является актуальной проблемой современного русского языка. Лингвисты составляют неофициальные словари новых слов, созданных молодым поколением. Эти новые выражения не только создают «внешние» лакуны, но и затрудняют понимание между людьми внутри одной страны. Такая лакунизация часто встречается в произведениях современных российских авторов;

4. Ментальные лакуны внутри разных возрастных и социальных групп. Данная проблема связанна с одним языком, но разным уровнем восприятия культуры, быта и профессиональной составляющей одной и той же страны. В русском языке есть термин – «слова, ограниченного употребления» [1, 56]. К примеру, учитель истории и обществознания может не найти общий язык с программистом, в тот же момент среднестатистический ученик общеобразовательной школы может не найти общий язык с произведением классической литературой. Последняя категория вызывает у нас особый интерес.

Современные переводчики, работая с адаптированной литературой, часто оставляют ряд иностранных слов без изменений, только транслитерируя их (например, «тинейджер», «бойфренд», «дедлайн» и т. д.). С коммерческой точки зрения это сокращение объема литературного текста и привлечение молодого поколения читателей. Однако с точки зрения лексического состава такой подход создает ложные лакуны. Люди привыкают к иностранным словам и выражениям, «вытесняя» из своего активного словарного запаса аналогичные русские и выражения («barber» – парикмахер для мужчин, «baby born» – детская кукла) [9, 92].

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что при анализе и переводе художествен-ных произведений возможны ошибки в интерпретации и анализе. Позиция автора может быть искажена под влиянием иностранного переводчика из-за отсутствия эквивалента в его языке, как в лексическом, так и социокультурном контексте. Кроме того, «стиль повествования, эмоциональный фон и основная идея произведения не всегда отражают первоначальную задумку автора» [17, 116]. Задача для творческого и интеллектуального развития учащихся, касающаяся лингвистической и художественной

сторон мира, состоит в выявлении, интерпретации иностранных выражений, не имеющих аналогов в родном языке. Такая практика помогает установить контакт между носителями разных культур, воспитать толерантное отношение к иному образу жизни и мировоззрению. Например, во французском языке образован русскоязычный лакун «я скучаю по тебе», «в их трактовке это звучит следующим образом: «tu me manques» – Ты у меня (во мне) отсутствуешь. Такая трактовка априори выглядит как более эмоциональное, болезненное состояние, что передает культуру любви во Франции более щепетильной и сентиментальной» [14, 308]. Такие уроки обмена культурными ценностями между представителями разных стран могут существенно изменить отношение к различным вещам в жизни, поэтому изучение текстов с иностранными заимствованиями должно быть важной частью процесса формирования культурных ценностей учеников.

Результаты и обсуждения. Развитие креативной личности предполагает стимулирование творческих способностей учеников. Задания должны включать в себя созидательную деятельность, благодаря которой развиваются творческие навыки учащихся. К таким заданиям можно отнести социально-культурные вопросы, которые стимулируют когнитивный интерес и креативный подход. Чтобы решить эти задачи, ученики должны научиться направлять свои скрытые таланты на создание уникальных проектов. Например, они могут элиминировать лакуны в зарубежных литературных произведениях.

Ученые рассматривают восприятие художественной реальности в сравнительно-сопоставительном контексте: «мордовская литература» – «чувашская литература», «зарубежная литература» – «русская/отечественная литература» и т.д. Такие концептуальные пары позволяют лаконично и логически рассматривать систему литературы путем формирования общих явлений внутри подсистемы.

Принимая во внимание категории литературы в контексте типологии и генезиса или же направлений и типов, мы можем точнее воссоздать литературный мир и проанализировать его с точки зрения эволюции биологических компонент, а также специфики периода относительно другой эпохи. Литературные критики полагают, что каждая эпоха в объективном смысле отражает художественное восприятие, как эмоций, так и окружающего мира, и что между разными типами литературного понимания не существует четких разделений.

Реализация качественного сравнительно-сопоставительного анализа заключается, прежде всего, в необходимости исторического контекста, который помогает воссоздать дух эпохи, описываемой в тексте. Этот метод интерпретации особенно полезен на уроках литературы в средней школе. Кроме того, внешний облик произведения служит инструментом создания духовного и индивидуального мира героя, ведь исторический контекст служит формой проявления духовного мира с точки зрения объективности.

На этапах внедрения сравнительно-сопоставительного метода в систему уроков литературы нельзя забывать об особенности проведения работы над анализом в школе в целом. Следуя федеральным государственным образовательным стандартам и их требованиям, включая пункты о «понимании текстов художественных произведений через форму и содержание, основные историко-литературные концепции и теоретические литературные понятия» [15, 13] и «…развитие навыков чтения и анализа литературных произведений с использованием основных литературоведческих концепций и исторических сведений о литературе» [15, 14], учителю следует прилагать больше усилий для обеспечения качественного анализа.

По нашим наблюдениям, на современных уроках интерпретация литературных произведений сводится к анализу художественно-выразительных средств или идейного содержания. Это обычно сопровождается рядом наводящих вопросов, таких как: «Что хотел передать автор?», «Плохой или хороший поступок главного героя?», «Какой характер героя раскрывается через его действие?». Отвечая на такие вопросы, обучающиеся не углубляются в суть, не обсуждают важные детали или исторические аспекты текста, а только пересказывают основной сюжет произведения.

Если на занятии рассматриваются вопросы воспитания, этики, морали и т. п., то педагоги часто отходят от исходного произведения, говоря лишь о «вершине» проблемы внутри текста, в то время как ветки дискуссии переходят в бытовую область. Таким образом, анализ не должен становиться для студентов «уроком нравоучений» и обсуждения некоторых актуальных тем.

При упрощенном анализе учителя рискуют оставить без внимания учеников жизненные ориентиры автора, его взгляд на мир и людей. Кроме того, интерпретация текста, которая не учитывает исторический контекст, является неполной, так как именно культурный аспект эпохи помогает раскрыть самые «темные» места в литературе. Полноценное развитие обучающихся на уроках литературы может быть достигнуто только при активной деятельности, которая возможна при проведении качественного сопоставительного анализа. Такой анализ не только стимулирует мыслительную деятельность, но также расширяет кругозор и позволяет ученикам погрузиться во внутренний мир автора.

Сравнительный анализ может быть особенно полезен при изучении зарубежной литературы или произведений, имеющих аналоги. В таком случае один из подходов к анализу может быть сравнением исходного текста с его «переводом с точки зрения формы и содержания» [14, 66]. Эти две единицы позволяют проводить анализ или исследование благодаря объективным данным, которые они обеспечивают. Перевод зарубежной литературы позволяет установить родственные связи между различными языками, на которых написано и воспроизведено художественное произведение. Сравнивание обоих вариантов позволяет выявить уникальный механизм структуры текста, недостающие единицы, а также истинное положение автора.

Именно такой подход к анализу помогает понять произведение, несмотря на недостаток знаний о культуре. Использование на занятиях, во внеурочной работе или на факультативе оригинального текста и его перевода помогает ученикам лучше понять перевод и получить более полное представление об авторской картине мира.

Второй метод базируется на сравнении нескольких вариантов перевода одного исходного текста. Такой подход позволяет обучающимся увидеть уникальную взаимосвязь между переводом, периодом его создания и эмоциональным состоянием автора. Например, при изучении поэмы «Слово о полку Игореве» в классе, ученикам часто трудно понять различные интерпретации текста, и основной смысл часто остается неясным и нераскрытым. Однако, сравнивая три основных перевода, выполненных В.А. Жуковским [10], Н.А. Заболоцким [12] и Д.С. Лихачевым [11], становится возможным восстановление исходного текста. В любом случае, при «переводе неизбежно происходит определенная степень искажения и потери информации» [13, 59], но сравнение различных вариантов увеличивает вероятность устранения пробелов в понимании студентами древнерусского произведения.

Третий метод – это сравнение похожих или параллельных текстов на одном языке, которые имеют сходное направление, идею, форму и т. д. Этот метод позволяет выявить различные или идентичные элементы в системах взглядов двух авторов на одну и ту же проблему или, например, в точках зрения нескольких авторов на одно историческое событие.

Правильно выстроенная работа над сравнительным анализом позволяет обучающимся получить целостное представление о художественном произведении и авторской позиции:

1. Перевод или текст, который затрагивает аналогичную проблему, раскрывает новые аспекты анализируемого произведения. Это, в свою очередь, способствует качественной интерпретации авторской идеи;

2. Акцентируется основная составляющая концепции текста;

3. Учащиеся могут восполнить пропуски или «потери» возникающие при чтении и понимании текста самим читателем или во время художественного перевода текста переводчиком;

4. Содействует более внимательному отношению к аналитической деятельности и, следовательно, повышает возможность более точного понимания творческого видения писателя и концепции его произведения.

Исходя из задач, которые преподаватель определяет для урока, анализ может проводиться по-разному с учетом смысла и особенностей текста. Следовательно, для получения результата используются разные критерии. Сравнительно-сопоставительный метод помогает глубже и критичнее проанализировать важные детали произведения, которые могут ускользнуть при обычном чтении и добавляют тексту особый смысл.

Обращение к художественным переводам, параллельным произведениям и биографиям нескольких авторов – это «проявление связи между литературами и доказательство единства культурного процесса как на национальном, так и на международном уровне» [4, 342]. Определение главных идей автора и ценностного содержания произведения – процесс, осуществляемый через сравнение с аналогичными темами.

Сравнение позволяет получить сведения о взаимосвязи точек зрения разных авторов, которые отражены в текстах одного направления, жанра и т.д. В любом случае, сравнительный анализ приводит обучающегося к истине, которая, как правило, скрыта от глаз неосведомленного читателя в историческом, политическом, психологическом и других контекстах.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный метод является важнейшим и актуальнейшим на сегодняшний день для уроков литературы в средней школе. Он позволяет эффективнее осмыслить культурную, идейную и нравственную составляющие текста, выявляя закономерности в развитии автора в широком и узком смысле. Этот метод также помогает определить связи между художественным своеобразием и манерой различных авторов.

Задумываясь над всеми составляющими успешного образовательного процесса, мы понимаем, что современный учитель должен быть не только высоко эрудированным, но и многофункциональным человеком, обладающим важным качеством – педагогическим мастерством, требующим много сил, самоотдачи и беспрерывного поиска методов, материалов и источников вдохновения. Для того чтобы облегчить основную задачу педагога – абсолютное разъяснение литературной истины – нами был разработан комплекс заданий и упражнений. Данные разработки помогают сократить время подготовки учителя к урокам, регулируя вопрос абсолютного понимания произведений обучающимися, т. к. основная цель заданий – восполнить возможные «темные пятна» литературы в сознании обучающихся на любом этапе прохождения темы.

Для получения объективной картины нами был проведен констатирующий эксперимент на базе МОУ «Лицей № 25 имени Героя Советского Союза В. Ф. Маргелова» г. о. Саранск, который позволил подтвердить наши тезисы на практике. Цель констатирующего эксперимента – фиксирование присутствия лакунизации в восприятии и интерпретации литературных образцов обучающимися, а также преобразование этой проблемы в образовательный ресурс, решающий основные вопросы литературного образования.

Для проведения эксперимента были выбраны два вида исследования: анализ различий между исследуемыми показателями и анализ взаимосвязей между исследуемыми показателями. Первый вид диагностики базировался на применении лакунизации во время объяснения различных литературных элементов: биография писателя, анализ эпизодов, характеристика персонажей, историческая основа произведения и т. д. Предположительно, данный ракурс анализа должен был показать реальную картину коэффициента полезного действия лакунизации как образовательного ресурса.

Основным методом данного исследования послужило наблюдение – сбор информации и фактов, основанный на восприятии конкретного этапа литературного образовательного процесса. Наблюдение проводилось статично и по плану, отвечающему на поставленные задачи и цели эксперимента. Так как данный метод исследования непредсказуем в своем проявлении, многие вопросы оказались неожиданны, чем успешно дополнили базу нашего опыта.

Для выявления лакун в лингвистическом, ментальном и аналитическом фоне обучающихся были предложены следующие задания:

1. Тест «Навык чтения литературных произведений».

Цель – определить уровень аналитических способностей школьников.

Для этого были определены следующие критерии оценивания:

1. Навык восприятия и сопоставления художественных средств текста;
2. Умение интерпретировать события, описанные автором;
3. Умение адекватно и креативно оценивать образ персонажа;
4. Умение определять авторскую позицию и формировать личное мнение по проблемной ситуации или вопросу;
5. Умение определять идею текста.
6. Индуктивные, дедуктивные навыки.

Инструкция: Обучающиеся должны медленно и вдумчиво прочитать предложенный текст и ответить подробно и полно на все предложенные разработчиками вопросы.

Вопросы для проведения тестирования.

1. Найдите в тексте произведения образные выражения и установите цель использования этих средств автором – показатель уровня восприятия и сопоставления художественных средств с их ролью в тексте обучающимся при самостоятельной работе;

2. Опиши героев рассказа; место и время, где происходит действие рассказа – проверка умения воссоздать в воображении картины жизни, созданные писателем.

3. Осмыслите, почему героиня совершает данные поступки и предположите, был ли другой выход у персонажа – проверка умения устанавливать причинно-следственные связи.

4. Оцените поступок Нины и сформулируйте отношение к происходящему – проверка умения оценивать образ-персонаж и объективно складывать представление о героях.

5. Определи авторское отношение к главной героине рассказа. Оправдано ли такое отношение? – проверка умения видеть и оценивать авторскую позицию.

6. Что хотел показать автор этим произведением? Удалось ли ему это? – проверка умения осознавать идею произведения.

Каждый ответ оценивается по «показателям уровня сформированности читательских умений», описанным в работе ниже. Максимальный балл за полный, развернутый и аргументированный ответ составляет 3, минимальный – 0. Для удобства определения результатов были предложены следующее уровни: высокий уровень – 3 балла; средний уровень – 2 балла; низкий уровень – 1 балл. Расшифровка ответов обучающихся и соответствие определенному уровню представлены в таблице 1:

Таблица 1. *Расшифровка ответов*

Аналитические Умения	**Высокий уровень**	**Средний уровень**	**Низкий уровень**
Умение воспринимать изобразительные средства языка в соответствии с их функцией.	Находит в тексте образные слова и выражения, объясняет их значение; выделяет эпитеты.	Находит в тексте образные слова и выражения, но не понимает их роли.	Видит отдельные средства языка в тексте с помощью учителя.
Умение воссоздать в воображении картины жизни, созданные писателем.	Воссоздает в воображении картины на основе прочитанного и рассказывает об этом.	Находит описание героя и окружающей его обстановки (интерьер), описание картин природы.	При словесном рисовании картины по воображению упускает детали.
Умение устанавливать причинно-следственные связи.	Устанавливает последовательность и причинность событий; объясняет причину поступка героя и дает ему свою оценку	Понимает предметное содержание прочитанного, но не осознает причинность событий.	Понимает предметное содержание, но не осознает причинность событий.

Данная диагностика позволила доказать факт присутствия лакунизации в литературном образовании школьников. Некоторые ученики продемонстрировали высокий уровень крити-

ческого мышления и наличие ментальной взаимосвязи с искусством и его творцами. Однако, у абсолютного большинства обучающихся выявлены «слабые» тезисы или неаргументированные доказательства, что свидетельствует о непонимании единиц литературы и текста в целом.

Феномен «отсутствия» [6, 58] какой-либо ветви коммуникации между читателем и автором может привести к самому печальному исходу – отказ читать классическую литературу школьниками. Для решения возникшего вопроса было предложено изменить ракурс восприятия лакунизации: мы перешли от восприятия лакуны как проблемы к пониманию, что лакуны могут стать полезным инструментом урока, устраняющим основные проблемы недопонимания литературных элементов.

Констатирующий эксперимент проводился на основании возможного использования лексико-семантических лакун в литературном поле. Обращаясь к методике Б.С. Дыхановой [4] по организации работы над словарными «темными пятнами», мы составили базовый перечень упражнений, позволяющий на начальном этапе минимизировать ментальную пропасть между текстом и обучающимся.

Использование данной методики требует предварительной подготовки, поэтому обучающиеся получили соответствующее домашнее задание: «Во время чтения произведения подчеркните непонятые слова и попытайтесь самостоятельно истолковать данные лексемы». Во время исследования было отмечено, что даже простые выражения вызывают затруднения у многих обучающихся, например, фраза «вещий сон» для ученика имела смысл «сон из вещей». Благодаря данному случаю было отмечено, что некоторым детям несвойственно иметь мультипространственное мышление, многие вещи воспринимаются буквально или поверхностно из-за недостатка читательского и лингвистического опыта.

Обязанность учителя во время проведения данной методики заключается в проведение словесного анализа, комментируя трудные моменты для восприятия обучающихся. Были предложены следующие формы работы:

1. «Наблюдение за словом в контексте» [5, 256]: подбор синонимичных и антонимичных лексем – данный прием позволяет ярче представить анализируемое понятие.

Пример:

«**Зачали** молодца учить» – редкое древнерусское слово, использовавшееся в значении «зачинать работу»: 1. Затеяли, решили, надумали; 2. Закончили, передумали, не решились.

2. Задания, позволяющие осознать роль выбранных автором слов в языковой среде. сравнениями, метафорическими выражениями.

Пример:

1) Продолжите ряд осложняющих восприятие текста слов из произведения А.С. Пушкина «Капитанская дочка» [8]: «Супостат», «штоф», «алтын», «келья», «баталья»…

2) Обращаясь к словарю, определите значение данных слов. Составьте предложения, используя выписанные лакуны, не искажая их истинный смысл.

3) Развернуто ответьте на вопросы: «Можно ли заменить данные лакуны современными обозначениями? В чем опасность устранения исторических единиц внутри художественной литературы?»

Данный вид упражнений помогает воспитать логическое восприятие лексем путем самостоятельной работы над образной стороной единиц. Основная задача – помочь обучающимся понять, какова роль этого слова в тексте.

3. «Лексико-стилистические нормы употребления слова в речи, дающие представление о лексическом богатстве слова (многозначности, сочетаемости и др.)» [6, 50].

Упражнения это группы направлены на анализ слова как в тексте, так и в собственном словесном обороте обучающихся. Результатом для юных читателей стало объективное представление о богатстве русского языка и его роли в литературном мире. Многие обучающиеся смогли ответить на проблемные вопросы: «Как характеризуется образ с помощью одного грамотно подобранного слова автором?», «Почему анализируемое слово при использовании его

в другой речевой ситуации не будет нести такую же смысловую окраску как в предложенном примере?» и т. д. Обучающиеся пришли к выводу, что каждая лексема имеет возможность менять оттенки значения подстраиваясь под речевую ситуацию и сложившуюся художественную обстановку.

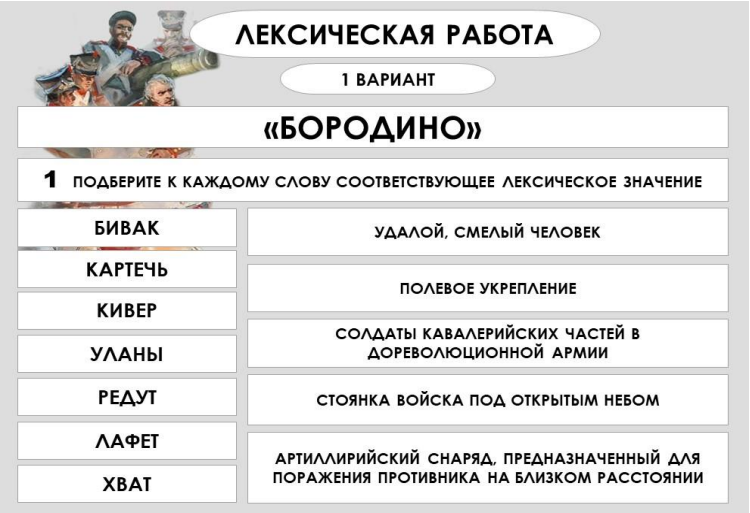


Рисунок 1. Лексическая работа

Вышеизложенные упражнения можно оформить в форме рабочего листа (Рисунок 1), в котором компактно и более ясно для учеников изложены условия заданий. Данная форма работы экономит время урока и сберегает силы учителя на более интеллектуально-затратные этапы урока.

Такая форма организации обучения обеспечивает создание благоприятных условий для освоения материала учениками разных интеллектуальных способностей. Также положительным моментом использования рабочих листов является эффективное потребление времени, ведь этот вид работы предполагает разнообразное последовательное выполнение заданий ведущих к одной общей цели, в нашем случае – элиминировании лексических лакун внутри художественного текста.

Методика оказала положительное влияние на образовательный процесс, успешно объединив два аспекта урока: анализ текста и устранение «темных пятен» в литературном образце, которые возникают при прочтении произведения.

В процессе проведения констатирующего исследования были выявлены все факты, доказывающие присутствие лакунизации в литературном образовании школьников. Данный феномен проявляется как в первичном знакомстве с текстом, так и в детальном анализе произведения. Нами был проведен эксперимент, который позволил выявить доказательную базу эффективности применения элиминирования лакун на уроке. Прием лакунарности помогает не только устранить межкультурную, историческую и ментальную связь между читателем и писателем, а также формирует кругозор и корректирует речевое развитие обучающихся.

Неоднократное обращение к теоретической базе изучения лакунизации внутри образовательно процесса, а также проведение констатирующего эксперимента доказали, что главная проблема между литературой и обучающимися заключается в искаженном восприятии, а именно в наличие «темных пятен» между ними. Литературоведы, исследователи рассматривают текст, как эхо культуры писателя, а учителя в соответствии с образовательной программой чаще всего раскрывают лишь некоторые аспекты художественного произведения. Недостаток времени и ресурсов отнимает у обучающихся возможность полноценного восприятия литературного образца, оставляя лишь поверхностное понимание, которое, как показывает практика, не

укореняется даже до начала выпускных экзаменов, где знание художественных произведений важно, как никогда.

Мы понимаем, что устранить все межкультурные лакуны на уроках невозможно, но в силах учителя – сократить их наличие. К примеру, даже при анализе изобразительно-выразительных средств литературного текста обучающиеся могут столкнуться с недопониманием, неправильно интерпретируя задачу авторских «усилителей». Качественная работа над тропами лирического произведения «проявляется в деметафоризации и раскрытии смысла исходного элемента» [9, 93].

Существует множество способов использования лакун, которые можно применить на уроке.

1. Метод компенсации – это способ заполнения пробелов или недостающей информации в тексте или речи, основанный на использовании логических выводов, аналогий и дополнительных источников информации.

2. Создание пленус-аналогов. Пленусы – «слова, представляющиеся носителям языка как экзотизмы. Они чаще всего остаются недопонятыми для широкого круга носителей языка и требуют дополнительного объяснения» [16, 245].

3. Генерализация/дифференциация значений – это процесс обобщения или расширения значения слова или выражения. Это может происходить, когда мы используем слово или выражение в более широком смысле, чем его изначальный подтекст, или когда мы заменяем конкретное слово более общим термином.

4. Деметафоризация – процесс обратный метафоризации, то есть превращение метафорического значения слова или выражения в буквальное.

Данные способы позволяют разнообразить подходы к урокам, а именно использовать прием лакунарности как части литературного образования. Прием сокращает границы между читателем и автором произведения: обучающиеся лучше поймут поступки героев, если снизят градус непонимания исторического и культурного контекста, смогут сопоставить проблемы эпохи с актуальными вопросами и многое другое.

Педагогическое исследование продолжилось обучающим экспериментом на базе МОУ «Лицей № 25 имени Героя Советского Союза В.Ф. Маргелова» г. о. Саранск, задача которого заключалась в плавном внедрении результатов исследования в массовую практику.

Обучающее исследование как метод можно инкорпорировать и к диагностическому, и к коррекционному процессам. Развитие критического мышления, эстетического вкуса, интеллектуального и логического синтеза обеспечивается с помощью внедряемой технологии лакунизации. Мы видим, что не имеющий существенного влияния на рабочую программу прием внутри обучающего эксперимента показал положительные результаты и в будущем докажет свою эффективность при систематичном процессе лакунизации внутри образовательного процесса.

Благодаря результатам обучающего эксперимента были определены закономерности учебно-воспитательного процесса с учетом внедрения лакунизации, выявлены факторы, влияющие на усвоение знаний. Каждый ребенок развивает в своем темпе и невозможно дать гарантию, что 100% класса усвоят пройденную тему в отведенный срок. Однако систематичная и корректирующая работа над лакунами в биографии автора, в элементах произведения, в историческом контексте доказала свою эффективность, что помогает проработать многие аспекты литературного образования.

Лакунизация является связующим звеном между чужой культурой, исторической спецификой, психологическим компонентом обучающегося и автора художественного текста. Однако желание элиминирования встречающихся «темных пятен» вступает в противоречие с особенностями восприятия разных детей. Каждый обучающийся имеет разный уровень подготовки и мотивированности. Как мы выяснили, сложности в понимании во многом связаны с психологическими барьерами: получение новой информации, осознание чужого мира через аналитику различий и сходств.

Сохранение уникальности образа авторской культуры при попытке понять его отличие от актуального, близкого читателю образа или отсутствие аналогичного образа в родной культуре достигается путем заполнения лакуны. Этот метод заключается в подробном разъяснении содержания образа другой культуры. «Эффективность заполнения заключается в том, что устранение лакун приводит к созданию нового знания о неизвестной культуре» [18, 112] и способствует ее пониманию. Однако использование этого метода может иметь ряд ограничений, связанных, прежде всего, с его сложностью восприятия комментариев большого объема при попытке понять специфику отдаленных культур.

Заключение. Лакунизация является уникальным явлением, которое вызывает разрыв между множеством народов в сфере языка и коммуникации. В современном мире появление лакун объясняется прогрессом в области новообразований, религиозной неграмотностью населения, традициями различных народов и другими факторами. Каждый год количество пробелов в языке увеличивается, но проблема остается нерешенной, что препятствует взаимопониманию между людьми из разных стран. Качественная работа в рамках урока литературы над этим явлением позволит устранить проблему недопонимания путем взаимовыгодного воздействия. Школы станут выпускать высокоинтеллектуальных и многогранных людей с критическим мышлением, а лакуны в семантической структуре языка постепенно исчезнут.

Использование сравнительно-сопоставительного метода в анализе на уроке литературы является важным и актуальным в средней школе. С помощью сравнения культурных, идеологических и нравственных аспектов текста, мы сможем выявить закономерности развития писателей и их творчества, а также установить связи между художественной оригинальностью и манерой нескольких авторов, что расширит кругозор современных школьников и улучшит их способность к интерпретации.

Одной из органичных форм проведения урока является квест, который представляет собой инновационный метод обучения. Эта игровая и интеллектуальная деятельность способствует достижению целей ФГОС: через знакомство с зарубежными и отечественными текстами учащиеся узнают о культурных традициях других стран, формируется толерантное отношение к ценностям этих культур, а также возникает интерес к чтению литературных произведений.

Внедрение концепции лакун в учебный процесс литературного образования не только способствует более глубокому пониманию культурных особенностей, но также развивает у учащихся навыки межкультурного общения. Этот подход акцентирует важность уважения к разнообразию традиций, чувств и выражений других стран, что соответствует потребности в подготовке гармоничных, морально цельных личностей.

В ходе констатирующего исследования были установлены факты, свидетельствующие о наличии лакунизации в литературном образовании школьников. Этот феномен проявляется как на этапе первичного знакомства с текстами, так и при глубоком анализе литературных произведений. С помощью проведенного эксперимента была установлена эффективность применения методов элиминирования лакун в процессе обучения. Применение лакунарности на уроке не только способствует устранению межкультурных, исторических и ментальных барьеров между читателем и автором, но также способствует расширению кругозора учащихся и коррекции их речевого развития.

Результаты обучающего эксперимента выявили закономерности учебно-воспитательного процесса, учитывающие внедрение лакунизации. Факторы, влияющие на усвоение знаний, были определены, подчеркивая индивидуальный темп развития каждого ребенка. Важно отметить, что нельзя гарантировать полное усвоение темы всем классом в ограниченные сроки. Тем не менее, систематическая и корректирующая работа над лакунами в биографии автора, элементах произведения и историческом контексте доказала свою эффективность. Это способствует комплексному развитию многих аспектов литературного образования, подчеркивая важность индивидуального подхода к обучению.

Проведение педагогического эксперимента подтвердило нашу гипотезу о том, что использование лакунизации в процессе обучения литературе значительно повышает уровень знаний по

этому предмету и способствует формированию литературоведческой, читательской и коммуникативной компетенции учащихся. Мы смогли доказать значимость лакун в литературном образовании несмотря на то, что это малоизученная тема в гуманитарных науках.

В завершение отметим, что художественные произведения помогут развеять пелену недопонимания между носителями одинаково прекрасных языков и традиций многих народностей. Роль учителя как корректировщика ценностей учеников неоспорима. Он использует художественную литературу в качестве регулирующего инструмента, способного оказать влияние на формирование личности человека. Лакунизация позволяет представить полную картину мира молодым читателям, заполнить исторические пробелы и с помощью проектной технологии развить практические знания и навыки.

Список использованной литературы:

1. Арпентьева М.Р. Проблемы поэтического перевода и обучение иностранному языку // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность», 2018. – № 2. – С. 62-68.

2. Горлова И.И. Гипотетический автор «Слова о полку Игореве» в интерпретации Д. С. Лихачева и новейшие номинанты на эту роль // Культурное наследие России, 2016. – № 4. – С. 57-64. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29041694

3. Данильченко Т.Ю. Лакуны, их признаки и типология // Культурная жизнь Юга России, 2010. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=17156

4. Дыханова Б.С. В поисках своего слова // Вопросы литературы, 1981. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://voplit.ru/article/v-poiskah-svoego-slova/

5. Жиндеева Е.А. Современная русская литература. – Саранск: Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева, 2015. – 297 с.

6. Кузнецова Н.В. Маркеры разговорной речи в текстах интернет-форумов // Мир русского слова, 2009. – № 1. – С. 44–51. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11784301

7. Потебня А.А. Мысль и язык. Избранные работы. М: Юрайт, 2018. – 238 с.

8. Пушкин А.С. Капитанская дочка. М: Издательство Э, 2023. – 144 с.

9. Сальный Р.В. Диалог культур М.М. Бахтина – В.С. Библера и проблема медиавосприятия // Дистанционное и виртуальное обучение, 2010. – № 7. – С. 92-107. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?Id=15169178

10. Жуковский В.А. Слово о полку Игореве. М: Белый город, 2003. – 48 с.

11. Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве. М: Азбука, 2014. – 256 с.

12. Заболоцкий Н.А. Слово о полку Игореве. М: Азбука-классика, 2015. – 237 с.

13. Смирнов А. Е. Слово о полку Игореве: комментарии. М: Языки славянской культуры, 2007. – 104 с.

14. Степанов Ю.С. Французская стилистика (в сравнении с русской). Москва, 2020. – 368 с.

15. Федеральный государственный образовательный стандарт: Приказ № 1897: [утвержден Минобрнауки России 17 декабря 2010 г.] // Официальные документы в образовании: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=387922 (дата обращения: 24.02.2023).

16. Федоров А.В. Введение в теорию перевода. М: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. – 374 с.

17. Чуковский К.И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. Санкт-Петербург: Азбука СПб, 2015. – 416 с.

18. Шаймарданова А.Р. Коммуникативные лакуны // Экономика и социум, 2021. – № 3 (11). – С. 111–119. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-lakuny/viewer

19. Шилин В.В. Словарь литературоведческих терминов. М: Канон, 2019. – 680 с.

References:

1. Arpent'eva M.R. (2018). Problemy poeticheskogo perevoda i obuchenie inostrannomu yazyku [Problems of poetic translation and foreign language teaching] // Omskii nauchnyi vestnik. Seriya «Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'», 2. – P. 62-68.

2. Gorlova I.I. (2016). Gipoteticheskii avtor «Slova o polku Igoreve» v interpretatsii D. S. Likhacheva i noveishie nominanty na etu rol' [The hypothetical author of "The Tale of Igor's Campaign" in the interpretation of D. S. Likhachev and the latest nominees for this role] // Kul'turnoe nasledie Rossii, 4. – P. 57-64. Retrieved from https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29041694

3. Danil'chenko T.Yu. (2010). Lakuny, ikh priznaki i tipologiya [Lacunae, their features and typology] // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii, 1. Retrieved from http://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=17156

4. Dykhanova B.S. (1981). V poiskakh svoego slova [In search of one's own word] // Voprosy literatury, 2. Retrieved from https://voplit.ru/article/v-poiskah-svoego-slova/

5. Zhindeeva E.A. (2015). Sovremennaya russkaya literatura [Modern Russian literature]. Saransk: Mordovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni M. E. Evsev'eva. – 297 p.

6. Kuznetsova N.V. (2009). Markery razgovornoi rechi v tekstakh internet-forumov [Markers of colloquial speech in internet forum texts] // Mir russkogo slova, 1. – P. 44-51. Retrieved from https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11784301

7. Potebnya A.A. (2018). Mysl' i yazyk. Izbrannye raboty [Thought and language. Selected works]. Moscow: Yurait. – 238 p.

8. Pushkin A.S. (2023). Kapitanskaya dochka [The Captain's Daughter]. Moscow: Izdatel'stvo E. – 144 p.

9. Sal'nyi R.V. (2010). Dialog kul'tur M. M. Bakhtina – V. S. Biblera i problema mediavospriyatiya [The dialogue of cultures of M. M. Bakhtin and V. S. Bibler and the problem of media perception] // Distantsionnoe i virtual'noe obuchenie, 7. – P. 92-107. Retrieved from https://www.elibrary.ru/item.asp?Id=15169178

10. Zhukovskii V.A. (2003). Slovo o polku Igoreve [The Tale of Igor's Campaign]. Moscow: Belyi gorod. – 48 p.

11. Likhachev D.S. (2014). Slovo o polku Igoreve [The Tale of Igor's Campaign]. Moscow: Azbuka. – 256 p.

12. Zabolotskii N.A. (2015). Slovo o polku Igoreve [The Tale of Igor's Campaign]. Moscow: Azbuka-klassika. – 237 p.

13. Smirnov A.E. (2007). Slovo o polku Igoreve: Kommentarii [The Tale of Igor's Campaign: Commentary]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. – 104 p.

14. Stepanov Yu.S. (2020). Frantsuzskaya stilistika (v sravnenii s russkoi) [French stylistics (compared to Russian)]. Moscow. – 368 p.

15. Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart: Prikaz № 1897 [Federal State Educational Standard: Order No. 1897] (2010). Retrieved from https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=387922

16. Fedorov A.V. (1953). Vvedenie v teoriyu perevoda [Introduction to translation theory]. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh. – 374 p.

17. Chukovskii K.I. (2015). Vysokoe iskusstvo. Printsipy khudozhestvennogo perevoda [The high art. Principles of literary translation]. Saint Petersburg: Azbuka SPb. – 416 p.

18. Shaimardanova A.R. (2021). Kommunikativnye lakuny [Communicative lacunae] // Ekonomika i sotsium, 3(11). – P. 111-119. Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-lakuny/viewer

19. Shilin V.V. (2019). Slovar' literaturovedcheskikh terminov [Dictionary of literary terms]. Moscow: Kanon. – 680 p.

МРНТИ 17.82.90 10.51889/2959-5657.2025.91.1.010

Ибраева Ж.Б.[1], **Курманчакова А.Э.*[2]
[1,2]*Казахский национальный педагогический университет имени Абая*
Алматы, Казахстан
e-mail: igb1006@mail.ru
**e-mail: kurmanchakova97@mail.ru*

СОДЕРЖАНИЕ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФОЛЬКЛОРА В ШКОЛЕ: МОРФОЛОГИЯ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию морфологических особенностей казахской волшебной сказки. В работе используется методология морфологического анализа, основанная на классической теории, предложенной В. Проппом в «Морфологии волшебной сказки», проводится детальное исследование структурных элементов, сюжетных образов и лингвистических особенностей казахских волшебных сказок. В статье анализируется типичная структура и сюжетные элементы казахских волшебных сказок, выделены ключевые персонажи и определены их функциональные роли. В исследовании подчеркивается важность казахских волшебных сказок в формировании культурной и языковой идентичности, а также их влияние на развитие казахского языка и литературного стиля. Исследование морфологии казахской волшебной сказки имеет важное значение для понимания культурного наследия Казахстана и обогащения научных знаний в области литературного анализа и фольклористики. Результаты исследования могут быть полезными для понимания специфики казахской литературы, а также для расширения знаний в области теории литературы по вопросам структурообразующих элементов произведения.

Ключевые слова: волшебная сказка, морфология, функции, анализ, персонаж, элементы магии

Ибраева Ж.Б.[1], *Құрманчакова А.Е.*[2]
[1,2]*Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті*
Алматы, Қазақстан
e-mail: igb1006@mail.ru
e-mail: kurmanchakova97@mail.ru

МЕКТЕПТЕ ФОЛКЛОРДЫ ОҚЫТУДЫҢ МАЗМҰНЫ МЕН ӘДІСТЕРІ: СИҚЫРЛЫ ЕРТЕГІНІҢ МОРФОЛОГИЯСЫ

Аңдатпа

Мақала қазақ қиял-ғажап ертегілерінің морфологиялық ерекшеліктерін зерттеуге арналған. Жұмыста В.Пропптың «Морфология волшебной сказки» ұсынған классикалық теорияға негізделген морфологиялық талдау әдістемесі қолданылады. Қазақ ертегілерінің құрылымдық элементтері, сюжеттік бейнелері, тілдік ерекшеліктері жан-жақты зерттеледі. Мақалада қазақ қиял-ғажап ертегілерінің типтік құрылымы мен сюжеттік элементтері талданады, басты кейіпкерлер мен олардың функционалдық рөлдері көрсетіледі. Сондай-ақ зерттеуде қазақ қиял-ғажап ертегілерінің мәдени-тілдік тұлғаны қалыптастырудағы маңызы, қазақ тілі мен әдеби стилінің дамуына тигізетін әсері де көрсетілген. Қазақ қиял-ғажап ертегісінің морфологиясын зерттеудің Қазақстанның мәдени мұрасын танып-білу және әдеби талдау мен фольклортану саласындағы ғылыми білімді байыту үшін маңызы зор. Зерттеу нәтижелері қазақ магиялық әдебиетінің ерекшеліктерін түсінуге, сондай-ақ морфология және лингвистика саласындағы білімдерін кеңейтуге пайдалы болуы мүмкін.

Түйін сөздер: ертегі, морфология, қызметтер, талдау, кейіпкер, магия элементтері

Ibrayeva Zh.[1], *Kurmanchakova A.*[2]
[1,2] *Abai Kazakh national pedagogical university*
Almaty, Kazakhstan
e-mail: igb1006@mail.ru
e-mail: kurmanchakova97@mail.ru

CONTENT AND METHODOLOGY OF TEACHING FOLKLORE AT SCHOOL: MORPHOLOGY OF A FAIRY TALE

Abstract

This article is devoted to the study of the morphological features of the Kazakh fairy tale. The work uses the methodology of morphological analysis, based on the classical theory proposed by V. Propp in "Morphology of a Fairy Tale". A detailed study of the structural elements, plot images and linguistic features of Kazakh fairy tales is carried out. The article analyzes the typical structure and plot elements of Kazakh fairy tales, highlighting key characters and their functional roles. The research also highlights the importance of Kazakh fairy tales in the formation of cultural and linguistic identity, as well as their influence on the development of the Kazakh language and literary style. The research of the morphology of the Kazakh fairy tale is important for understanding the cultural heritage of Kazakhstan and enriching scientific knowledge in the field of literary analysis and folklore. The results of the study may be useful for understanding the specifics of Kazakh magical literature, as well as for expanding knowledge in the field of morphology and linguistics.

Keywords: fairy tale, morphology, functions, analysis, character, elements of magic

Введение. Морфологический анализ волшебных сказок – это важная тема литературоведении, которая позволяет исследователям и читателям более глубоко понимать сказочный мир и его значение в контексте культуры и истории.

Фундаментальные научные работы в области структурного анализа волшебных сказок принадлежат зарубежным исследователям: В.Я. Проппу «Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки»; Е.М. Мелетинскому «Проблемы структурного описания волшебной сказки»; К. Бремону, который в своей статье «The morphology of the French Fairy Tale: Ethical model» рассматривал формальную модель анализа и классификации эпизодов волшебной сказки; Х. Ясону в цикле работ, посвященных структуре фольклорных текстов; чешскому структуралисту Долежелю, исследовавшему закономерности смены ролей персонажей внутри двух последовательных ходов одной сказки; финскому фольклористу Сату Ало, которая в своей докторской диссертации «Структура волшебной сказки» рассматривала сюжетно-персонажную структуру финских волшебных сказок; французскому филологу А.Греймасу, который, опираясь на классические работы Ф. Де Соссюра, Р. Якобсона, К. Леви-Стросса и В. Проппа, дает детальнейшее изложение собственной теории, посвященной структурно-семантическому анализу литературного текста [1, 199]. Следует отметить, что типология волшебных и народных сказок подробно рассмотрена в работе Джанфранко Марроне «Folktale, Morphology. Glossary of Morphology» [6, 185-190]. Среди отечественных исследователей вызывает интерес работы Г. Жамбабаевой, так, в статье «Общие функции в русских и казахских волшебных сказках» рассматривается строение русских и казахских волшебных сказок, в частности функции действующих лиц как стабильно повторяющихся элементов волшебных сказок.

В рамках научного исследования был проведен глубокий анализ работы В. Проппа «Морфология волшебной сказки». В. Пропп был выдающимся русским структуралистом и фольклористом, который разработал систему морфологического анализа сказки. Его труд представляет универсальный фреймворк для анализа структурных элементов и функций сказки, который нами успешно применен к анализу казахских волшебных сказок.

В исследование включены следующие основные положения и методы, связанные с «Морфологией волшебной сказки» В. Проппа: исследование основных элементов структуры казахских волшебных сказок согласно схеме, предложенной В. Проппом. Это включает в себя функциональные роли персонажей, последовательность событий и элементов сюжета; применены идеи В. Проппа о типичных функциях персонажей в сказке, таких, как герой-победитель, волшебник, помощник и др. к персонажам в казахских сказках; анализ символических элементов и мотивов, присутствующих в казахских сказках, с учетом методов В. Проппа, которые помогли выявить общие темы и символы.

Использование труда «Морфология волшебной сказки» В. Проппа позволил более глубоко понять структуру и особенности казахских волшебных сказок.

Волшебные сказки занимают особое место в литературном и культурном наследии человечества. Они предоставляют возможность читателю уйти от повседневности в зачарованный мир волшебства, где добро побеждает зло. Волшебные сказки не только остаются популярными, но и оказывают глубокое влияние на человеческую жизнь.

Волшебные сказки служат носителями мудрости и моральных уроков. Их сюжеты, часто наполненные испытаниями и приключениями, ставят перед читателем вопросы о добре и зле, справедливости и бескорыстии. Сказочные герои сталкиваются с множеством трудностей, их выборы и поступки служат образцом для подражания. Когда главный герой, сильный духом и чистый сердцем, побеждает зло, это становится вдохновляющим примером в реальной жизни.

Волшебные сказки обогащают воображение и креативность. В их мирах нет границ для чудес, и любая вещь может стать волшебной. Это способствует развитию креативного мышления у читателей, стимулирует их видеть магию в повседневности и дает возможность исследовать новые идеи. Сказочные персонажи становятся символами силы воли, справедливости и волшебства, вдохновляя на преодоление собственных трудностей. Они показывают, что в самых темных моментах можно найти свет и истинная сила часто проистекает из добрых поступков и мудрых решений.

Обращаясь к материалу казахских волшебных сказок, мы берем во внимание то, что в них раскрываются волшебные истории, полные мудрости и магии, ключевыми особенностями которых являются символика природы и животных, семейные ценности, нравственные уроки и другие. Эти сказки, передаваемые из поколения в поколение, отражают богатство и национальный колорит культуры казахского народа и являются не только источником развлечения, но и зеркалом национальных традиций и ценностей.

Целью работы является изучение морфологии казахских волшебных сказок, разбор структуры, лингвистических особенностей и элементов, характерных для жанра волшебной сказки в казахском контексте.

Задачи исследования:

- сделать обзор научной литературы по фольклористике и морфологии волшебных сказок;
- рассмотреть методологию морфологического анализа сказки;
- исследовать морфологию казахских волшебных сказок, проанализировать структуру, представить данные в таблице;
- проанализировать сказочный мир и его значение в контексте казахской культуры и истории на материале сказок «Чудесный сад», «Птица счастья», «Иди туда – принеси сюда».

Предметом исследования стали казахские волшебные сказки, объектом - морфологический анализ волшебных сказок.

Научная значимость и новизна: работа по морфологии казахских волшебных сказок является малоисследованной областью в литературоведческой науке, специальных исследований в этой области не проводилось, работа над этим научным вопросом способствует расширению знаний о лингвистических особенностях казахского языка и структуре сказок в контексте национальной культуры.

Актуальность данного исследования подтверждается обращением к фольклорному материалу, в котором отражается устная народная традиция казахского народа, благодаря чему мы имеем возможность глубже понять казахскую культуру, традиции, мифологию и социальные нормы, предоставляя важные сведения о национальном культурном наследии. Казахские волшебные сказки представляют богатый и многогранный культурный ресурс, и исследование их морфологии вносит важный вклад в различные области знаний. Ценность проведенного исследования можно подчеркнуть следующими аспектами: анализ морфологии сказок дает понимание уникальных культурных, социальных и исторических аспектов казахского общества.

Практическая значимость: исследование морфологии казахских волшебных сказок способствует сохранению и передаче культурного наследия, позволяя более полно оценить ценности и традиции казахского народа. Результаты исследования могут быть использованы в практике школьного преподавания устного народного творчества, на факультативах и спецкурсах. Рекомендуется к использованию и в высших учебных заведениях в образовательных программах «Русский язык и литература», «Казахский язык и литература» для обогащения знаний о казахской/русской культуре, языке и литературе. Полученные результаты могут быть использованы для расширения рамок учебного материала, помогая обучающимся и исследователям лучше понимать структуру сказок и особенности сюжетостроения.

Для анализа структуры и функций волшебных сказок в работе используется методология Владимира Проппа, он разработал свою теорию на основе русских сказок, но её можно адаптировать и применять и к казахским волшебным сказкам. В. Пропп выделил 31 функциональную единицу (функцию) в структуре волшебных сказок, которые образуют базовую структуру сюжета.

Это исследование представляет важность в расширении национально-культурного понимания между народами, работа может служить основой для дальнейших исследований в области казахского фольклора и внесения новых знаний в фольклористику - этим обозначены перспективы исследования.

Методы и материалы. Обращаясь к истории вопроса, следует подчеркнуть, что изучение волшебных сказок восходит к XIX веку и связано с работами фольклористов, литературоведов и других ученых из смежных областей науки. Например, в 1812 году братья Гримм, Якоб и Вильгельм, опубликовали свой первый сборник «Детских и домашних сказок» («Kinder - und Hausmärchen»), который включал в себя множество народных сказок. Они были одними из первых, кто систематизировал и записал фольклорное наследие. Их работы оказали значительное влияние на изучение волшебных сказок и сравнительную мифологию.

Морфология волшебной сказки относится к структурным элементам, особенностям композиции и типичным чертам, присущим волшебным сказкам. Морфология в данном случае означает изучение формы и структуры литературного произведения. Профессор Владимир Пропп, российский фольклорист и структуралист, изучал морфологию волшебной сказки. Его наиболее известная работа - «Морфология волшебной сказки» (1928), в которой он предложил анализ структурных элементов волшебных сказок. Эта работа В.Я. Проппа раскрывает перед читателями устойчивую комбинацию последовательных действий героев, как писал автор, важен был поступок действующего лица, который определяется «с точки зрения его значимости для хода действия» [2, 414-415].

Методология В. Проппа стала широко используемой в фольклористике и литературоведении для анализа не только русских волшебных сказок, но и волшебных сказок других народов. Он предоставил основу для дальнейших исследований в области структурного анализа и интерпретации волшебных сказок. В. Пропп выделил 31 функциональную единицу (или «функцию») в волшебных сказках, которые встречаются в определенной последовательности. Вот некоторые из этих функций:

- запрет, который получает герой;

- нарушение запрета;
- вредительство, которое наносит отрицательный персонаж;
- отправка героя из дома в странствие;
- получение волшебного средства;
- преследование героя;
- спасение от преследования;
- борьба героя с противником;
- победа героя;
- возвращение домой;
- награда (свадьба или воцарение героя) [7, 26].

Эти функции описывают действия персонажей и развитие сюжета. Общая структура сюжета выполнена в виде каркаса, где каждая функция выполняется отдельными персонажами в определенной последовательности. Этот каркас был описан в следующей последовательности: отсутствие, запрет, нарушение запрета, встреча с донором, трансформация героя, отправление, испытание, победа, возвращение и награда.

В сфере действия персонажей В. Пропп выделил несколько типов персонажей, каждый из которых выполняет определенные функции в сюжете. Эти типы включают героя, волшебника, донора, ложного героя и других [3, 114]. В данной работе В. Пропп выделяет абстрактные функции, которые описывают общий характер событий, например, «получение» или «поиск». Эти функции не привязаны к конкретным действиям, но к общим чертам развития сюжета, а также вводит различные структурные элементы, такие как: «трижды повторяющийся элемент», «смена действия» и «функциональные роли», чтобы детализировать взаимодействие персонажей и развитие сюжета [4, 25].

Эти элементы образуют основу метода Проппа и позволяют анализировать волшебные сказки народов мира на основе их структуры и функциональных элементов.

Таким образом, в работе был активно использован такой общенаучный метод исследования, как анализ, благодаря которому произведено разложение сказки на составные части или, по Проппу, ее элементы. Наряду с анализом были применены и другие общенаучные методы - синтез, систематизация и обобщение, позволившие установить общие свойства рассматриваемых объектов в сказке, объединить их по существенным признакам. Систематизация – метод, направленный на упорядочивание ряда понятий и др.

В данной статье были использованы и частно-научные методы исследования, такие, как композиционный анализ текста, позволивший выявить структурно-композиционные части сказки во взаимосвязи с языковыми средствами. Герменевтический метод стал инструментом интерпретации сказок, позволивший раскрыть внутренний, «душевный мир» авторов статьи, которые сформулировали значение исследованных сказок, интерпретируя их. Феноменологический метод позволил интуитивно выявить коллективное сознание народа - автора сказок, так как любое произведение есть отражение авторского сознания.

Результаты и обсуждения. В данной статье будут применены морфологические подходы В. Проппа для исследования морфологии казахских волшебных сказок на примере сказок: «Чудесный сад», «Птица счастья», «Иди туда – принеси сюда» [5, 117].

В сказке «Чудесный сад» главным героем является юноша – один из четырех (младший) учеников мудреца, к которому пришли два бедняка Асан и Хасен для решения спора: «Как распорядиться найденным кладом»? В результате спора возникло следующее решение ученика - посадить сад из плодовых деревьев для местных бедняков. В последствие чего его учитель-мудрец ему же и поручил выполнить данное задание. Представлена таблица, в которой отмечены функции и их интерпретация.

Таблица 1. *Морфологический анализ казахской волшебной сказки «Чудесный сад» по функциям В. Проппа*

Функции по Проппу	**Интерпретация из сказки**
Отлучка	Путешествие героя из поселения в степи в ханскую столицу.
Запрет	Необходимо купить только семена плодовых деревьев.
Нарушение запрета	Покупка у купца, на всё вверенное золото, свободы редких птиц.
Выведывание информации	Выведывание информации о том, кому предназначены данные птицы.
Выдача информации о жертве	Юноша получает непосредственный ответ на свой вопрос.
Возвращение героя	Обратный путь героя в родную степь.
Преследование	Преследование со стороны собственной совести и разума.
Спасение	Герой, истязая себя горькими мыслями, засыпает.
Подтверждение действиям будущего дарителя	Юноша видит во сне птичку, которая обращается к нему человеческим голосом.
Трудная задача	Объяснить учителю и ожидающим людям, куда он потратил всё золото.
Решение задачи	Птицы, засеявшие степь семенами плодовых деревьев.
Признание героя	Мудрое решение спора расценивается как признание самого героя.
Наказание врага	В качестве врагов выступают представители знати, зажиточные и богатые люди.

Волшебная казахская сказка «Птица счастья», главный герой которой - молодой парень, сирота, рано лишившийся родителей. Остановимся на кратком изложении содержания сказки. Казангап пасет овец у бая и всячески подвергается насмешкам со стороны байского сына Асанбая. Тяжелая жизнь юноши заставляет его самостоятельно отправиться на поиски счастливой и жизни.

Таблица 2. *Морфологический анализ казахской волшебной сказки «Птица счастья» по функциям В. Проппа*

Функции по Проппу	**Интерпретация из сказки**
Отлучка	Главный герой покидает пастбище бая, где пасет ягнят и уходит туда, куда глаза глядят, в широкую степь в поисках лучшей жизни. В пути он женится на прекрасной дочери хана - Гуляйим, сбежавшей из дому.
Выведывание информации	Во время охоты молодую пару замечает визирь местного хана - Касен. Ему понравилась жена Казангапа, и он предлагает хану жениться на ней. Вскоре визирь и хан решают избавиться от Казангана.
Трудная задача	Казангапу приказывают раздобыть для местного хана «белое лекарство Сулеймана».
Решение задачи	Новоиспеченная жена выбирает для Казангапа лучшего скакуна и отправляет в свой отчий дом в поисках нужного лекарства. Казангап прибывает в ханство своей жены и обращается за помощью к сестре возлюбленной - Гулмахире. Гулмахира обладает волшебными способностями - умением разговаривать с джиннами и пери и помогает решить проблемный вопрос.
Возвращение героя	Возвращается Казангап с «белым лекарством Сулеймана» в ханскую ставку, где застает уже скончавшегося хана.
Подвержение действиям будущего дарителя	«Птица счастья» трижды выбирает Казангапа достойным должности хана.
Преследование	Преследование со стороны визиря – Касена, который хотел занять трон хана.

Спасение	Гуляйим вызвала войско отца и попросила устроить суд. Выпустили «Птицу счастья» в четвертый раз, она всё также выбирала балаган Казангапа.
Признание героя	Зарезали, по обычаю, белого верблюда, посадили Казангапа на белую кошму и провозгласили его ханом.
Герой вступает в брак	Сестра Гуляйим просит отца не разлучать их с сестрой и разрешить выйти замуж за Казангапа. Хан дает согласие и проводит большой той.

Следующая волшебная сказка «Иди туда – принеси сюда» о молодом, умном и талантливом визире хана, любившем поохотиться на редких животных и птиц. Охотившись однажды на озере, визирь приметил утку в необычном оперении. Молодой охотник собрался убить её, но она заговорила человеческим голосом и просила сохранить ей жизнь взамен на замужество. Утка оказалась прекрасной дочерью могущественного царя и, превратившись в девушку, стала женой визиря.

Таблица 3. *Морфологический анализ волшебной сказки «Иди туда – принеси сюда» по функциям В. Проппа*

Функции по Проппу	**Интерпретация из сказки**
Отлучка	Отправляется визирь в далекий путь выполнять задание хана.
Запрет	Жена дала свой платок и сказала вытирать руки и лицо в пути только её платком.
Выведывание информации	Расспрашивали помощники хана жителей города, знает ли кто такое дело, которое невозможно исполнить.
Выдача информации	Один слепой старец сказал: - Дело, которое нельзя исполнить, - это: «Иди туда - принеси сюда».
Трудная задача	Отправляет хан молодого визиря на новое задание: «Иди туда - принеси сюда».
Подтверждение действиям будущего дарителя	Одна слепая лягушка пообещала указать, где нужно искать, если ей дадут золото.
Решение задачи	Приплыли визирь с лягушкой в город, где жил большой царь. Царь зовет слугу «Иди туда - принеси сюда» и велит угостить гостя мясом и чаем. Выбрав только одну чашку и предложив мясо слуге, визирь дарует ему свободу. И идет слуга вместе с визирем.
Возвращение героя	Обратный путь героя вместе со слугой царя в свой город.
Признание героя	Народ избрал молодого визиря ханом.
Наказание врага	Убили старого хана за несправедливое отношение.

В результате исследования казахских волшебных сказок по функциональным единицам В. Проппа «Чудесный сад», «Птица счастья», «Иди туда – принеси сюда» можно выделить некоторые общие черты во всех трёх произведениях.

Все три сказки начинаются с отлучки главного героя из родных земель. Она может быть интерпретирована как «Отсутствие». Эта функция подразумевает отсутствие героя, его выход из обыденного мира, что часто является отправной точкой для вступления в волшебное или необычное пространство. В контексте этих сказок отлучка героя также служит для установления волшебной или мистической атмосферы, а также предоставляет герою возможность вступить в контакт с чудесами и загадочными событиями, которые будут развиваться впоследствии в сюжете.

В сюжете казахских волшебных сказок присутствует выведывание информации как со стороны главного героя, так и со стороны антигероя, это добавляет дополнительные слои напряженности/интриги и интереса в повествование, отражая при этом противостояние между героем и антигероем, что является типичным мотивом в сказочных сюжетах.

Присутствие трудной задачи и поиска её решения – это характерные мотивы в сказочных повествованиях, следует подчеркнуть, что характерно и для казахских волшебных сказок. Эти элементы рассмотрены в контексте функций В. Проппа, благодаря которым добавляется сложность и поддерживается интерес к развитию сюжета. Трудная задача становится отправной точкой для героя. Он получает задание, которое требует особых усилий и навыков. По мере выполнения задачи герой может сталкиваться с различными испытаниями и препятствиями, представленными этими функциями (получить трудновыполнимое задание, например, перейти степь с её знойными погодными условиями, пройти между двумя горами). В исследованных сказках главные герои находят решение всех трудных задач, которые поставлены перед ними.

Встреча с различными персонажами, предоставляющими помощь или поддержку, или принятия помощи от неожиданных союзников, является распространенным и увлекательным элементом в казахских волшебных сказках. Эти встречи и взаимодействия вносят разнообразие и драматизм в сюжет, а также служат ключевыми моментами в развитии героя. Рассматривая это в контексте 14-16 функций В. Проппа в проанализированных сказках, мы отметили, что герои в своем путешествии встречают волшебных птиц и волшебные существ (пери), которые делают им подсказки, осуществляют дары или даже сами участвуют в схватке с врагами. Таким образом, задания/препятствия, казавшиеся невыполнимыми, преодолеваются героями.

Обратный путь героя домой – важный момент в структуре казахских волшебных сказок. Этот этап отражает завершение приключения, возвращение измененного героя в его обыденный мир, в результате чего мы можем наблюдать позитивные изменения, укрепляющие веру в справедливость, в преобразование общества и шире – улучшение жизни.

Этап возвращения главного героя в родные края после завершения задачи или победы часто сочетается с его триумфальной победой, торжеством справедливости, где показывается, что он изменился или достиг чего-то важного не только для себя, но и для всего народа. Это очень важно – всеобщее счастье, герой является лучшим представителем своего народа, его гордостью, его славой, и поэтому единоличное преимущество, локализация счастья не свойственна казахским народным сказкам. Этот момент связан с чаяниями простого народа, его сплоченностью и единством, с верой в общее лучшее будущее.

В казахских волшебных сказках признание достижений героя - неотъемлемая часть в сюжете, добавляющая элементы триумфа, справедливости и завершенности в истории. Примеры из казахских волшебных сказок включают в себя сцены, где герой после успешного выполнения своей миссии получает признание со стороны других персонажей, что способствует его вознаграждению или изменению статуса в обществе. Этот момент придаёт глубину и завершенность сюжету, подчеркивая важность подвигов героя в контексте мира сказки.

Общей для рассмотренных сказок является функция - наказание врага, герои волшебных сказок одерживают победу над врагом, преодолевая его и устанавливая превосходство добра над злом. В качестве врагов часто выступают представители знати, баи и ханы.

Исследование по методологии В. Проппа помогают выявить часто встречающиеся темы, мотивы и образы в казахских волшебных сказках, что способствует лучшему пониманию культурных ценностей и традиций.

Заключение. Морфологические функции В. Проппа, применяемые для анализа русских волшебных сказок, в той или иной степени могут быть использованы и для исследования казахских волшебных сказок, так как русские и казахские волшебные сказки имеют некоторые сходства, продиктованные спецификой жанра сказки. Обязательным элементом волшебной сказки являются магия и волшебство. Герои могут встречать волшебных персонажей, использовать магические предметы и сталкиваться с необычными явлениями; в русских и казахских волшебных сказках часто содержатся нравственные уроки. Они могут обучать таким ценностям, как справедливость, доброта, трудолюбие и уважение. Часто встречается символика природы, где она может играть важную роль в развитии сюжета и характеров. Как в русских, так и в казахских сказках преобладает счастливый конец, где герои добиваются своих целей, и добро

побеждает зло. Однако, несмотря на эти общие черты, каждая национальная культура раскрывает свои особенности миропонимания и уклада жизни, обычаев и традиций, придавая уникальные черты народным сказкам. Казахские сказки отражают особенности казахской культуры, мифологии, традиций и социальных ситуаций. Многие казахские волшебные сказки отражают номадический образ жизни казахского народа с элементами, связанными с кочевыми племенами, скотоводством и суровыми условиями жизни в степях. Природа, ее элементы и силы являются важными составляющими казахских волшебных сказок, отражая уважение к природе и зависимость от нее.

Так, например, сказки «Чудесный лес», «Птица счастья», «Иди туда – принеси сюда» в первую очередь затрагивают проблемы социального неравенства. Постоянные противоречия между богатыми ханами, позволяющим себе всё, вплоть до поедания редких и необычных птиц и честными бедняками, которые не могут присвоить себе даже найденные на своей земле богатства, горя желанием сделать лучше своё государство и помочь ближнему.

Основные функции в методологии Проппа для анализа структуры волшебных сказок включают в себя такие основные элементы, как «долготерпение», «трансформация героя», «перемена героя», «встреча героя с противником» и другие. Эти функции расположены в определенном порядке, которые, по мнению Проппа, образует структуру сказки.

Анализ казахских волшебных сказок по принципу Проппа – это продуктивный способ понимания структуры и элементов волшебных повествований, позволяющий раскрыть основные элементы сюжета и структуру этих уникальных произведений.

Методология В. Проппа позволяет выделить четкие структурные элементы в сюжете, что делает анализ более удобным и понятным. Исследователь может определить основные функции и роли персонажей, что полезно при описании сюжетной линии, отслеживания динамики происходящего. Метод Проппа акцентирует внимание на ролях персонажей и их функциях в сюжете. Это позволяет более глубоко понять, как персонажи взаимодействуют друг с другом и как их действия влияют на развитие сюжета.

Волшебство и приключения, представленные в сказке, становятся более понятными и контекстуализированными, а моральные уроки и символика могут быть более глубоко исследованы через призму анализа функций Проппа.

Подводя итоги работы, отметим, что использование принципов Проппа открывает перед исследователями богатый и информативный путь для анализа и понимания волшебных сказок в контексте казахской литературной традиции.

Список использованной литературы:

1. *Рафаева А.В., Рахимова Э., Архипова А.С. Еще раз о структурно-семиотическом изучении сказки. Структура волшебной сказки. Москва, 2001. – С. 199-225.*
2. *Ибраева Ж.Б., Ломова Е.А., Баянбаева Ж.А. Нарратологические модели событийности в романе И. П. Щеголихина «Старая проза» // Вестн. Казахского Национального Университета имени Аль-Фараби. Сер. Фил, 2022. – №2. – 412-419 с.*
3. *Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Москва, 2022. – 224 с.*
4. *Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. Москва, 2020. – 634 с.*
5. *Акжолова Г. Казахские народные сказки. Астана, 2023. – 117 с.*
6. *Marrone G. (2020). "Folktale, Morphology", Glossary of Morphology, Springer, Cham, Switzerland. p. 1. – P. 185–190.*
7. *Propp V. (ed.) (1968). Morphology of the Folktale, University of texas Press, Austin, Texas.*

References:

1. *Rafaeva A.V., Rakhimova E., Arkhipova A.S. (2001). Once again about the structural and semiotic study of fairy tales. The structure of a fairy tale. Moscow. – P. 199-225.*

2. Ibraeva Zh. B., Lomova E. A., Bayanbayeva Zh.A. (2022). Narratological models of eventfulness in I. P. Shchegolikhin's novel "Old Prose" // Vestn. Kazakh National University named after Al-Farabi. Ser. Phil. – №2. – P. 412-419.
3. Propp V.Ya. (2022). Morphology of a fairy tale. Moscow. – 224 p.
4. Propp V.Ya. (2020). Morphology of a fairy tale. The historical roots of the fairy tale. Moscow. – 634 p.
5. Akzholova G. (2023). Kazakh folk tales. Astana. – 117 p.
6. Marrone G. (2020). Folk tale, morphology. Morphological Dictionary, Springer, Cham, Switzerland. p. 1. – P. 185-190.
7. Propp V. (ed.) (1968). Morphology of folk tales. University of Texas Press, Austin, Texas.

МРНТИ 17.82.10 10.51889/2959-5657.2025.91.1.011

*Молдагали М.Б.[1], Асылбекова М.С.[2], Проскурина Л.В.[3]
*[1]Казахский национальный педагогический университет имени Абая
[2]Специализированный лицей №165
[3]Гимназия № 56 им.К.Сатпаева
Алматы, Казахстан
*e-mail: mmoldagali@list.ru
e-mail: marina.assylbekova@gmail.com
e-mail: pro_larissa@mail.ru

ЗВУКОЦВЕТОВОЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ А.А. БЛОКА О ВЕСНЕ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ

Аннотация

В предлагаемой статье рассматривается звукоцветовой анализ поэтического текста, основанный на взаимодействии звука и цвета. Звукоцветовой анализ поэтического текста сопряжен с рядом методологических трудностей, обусловленных многоаспектностью самого феномена цвета. Именно это приводит к разнообразию его интерпретаций. Особое внимание уделяется анализу стихотворений А.А. Блока «Сольвейг» и «О, весна без конца и без краю…», через фоносемантические методы выявляются цветовые ассоциации текста. Представлены результаты анализа, полученные с помощью сайта «Звукоцвет.ру» и искусственного интеллекта. Сравниваются различные подходы к определению звукоцветового настроения стихотворений, выявляются доминирующие цвета и их символическое значение в контексте творчества А. Блока. Применение различных методик позволяет определить преобладающую цветовую гамму стихотворений и их символическое значение. Исследование делает литературный анализ более глубоким и наглядным, способствуя развитию аналитического мышления учащихся.

Ключевые слова: звукоцветовой анализ, поэтический текст, звукопись, цветопись, фоносемантика, А.П. Журавлев, А.А. Блок, «Сольвейг», «О, весна без конца и без краю…»

М.Б. Молдағали, М.С. Асылбекова[2], Л.В. Проскурина[3]
[1*]Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
[2]№165 мамандырылған лицей
[3]Қ.Сатпаев атындағы № 56 гимназия
Алматы, Қазақстан
*e-mail: mmoldagali@list.ru
e-mail: marina.assylbekova@gmail.com
e-mail: pro_larissa@mail.ru

А.А. БЛОКТЫҢ КӨКТЕМ ТУРАЛЫ ӨЛЕҢДЕРІН ДЫБЫСТЫҚ-ТҮСТІ ТАЛДАУ МЕКТЕПТЕ ӘДЕБИЕТ САБАҒЫНДА

Аңдатпа

Ұсынылған мақалада дыбыс пен түстің өзара әрекеттесуіне негізделген поэтикалық мәтіннің дыбыстық түсті талдауы қарастырылады. Поэтикалық мәтіннің дыбыстық түсті талдауы түс құбылысының көп аспектілілігіне байланысты бірқатар әдістемелік қиындықтармен байланысты. Бұл оның түсіндірулерінің әртүрлілігіне әкеледі. А.А. Блоктың «Сольвейг» және «О, көктем шексіз және шыршаның шеті жоқ» өлеңдерін талдауға ерекше назар аударылады, фоносемантикалық әдістер арқылы мәтіннің түс ассоциациялары анықталады. «Дыбыс түсі» сайтының көмегімен алынған талдау нәтижелері ұсынылған.ру және жасанды интеллект. Өлеңдердің дыбыстық көңіл-күйін анықтаудың әртүрлі тәсілдері салыстырылады, басым түстер және олардың символдық мәні А. Блок шығармашылығы аясында анықталады. Әр түрлі әдістерді қолдану өлеңдердің басым түс схемасын және олардың символдық мағынасын анықтауға мүмкіндік береді. Зерттеу оқушылардың аналитикалық ойлауын дамыта отырып, әдеби талдауды тереңірек және көрнекі етеді.

Түйін сөздер: дыбыстық түсті талдау, поэтикалық мәтін, дыбыстық жазу, түсті кескіндеме, фоносемантика, А.П. Журавлев, А. А. Блок, «Сольвейг», «О, көктем шексіз және шеті жоқ шырша…»

M.Moldagali[1], M. Assylbekova[2], L. Proskurina[3]
*[1]Abai Kazakh National Pedagogical University
[2]Specialized Lyceum №165
[3]K. Satpayev Gymnasium № 56
Almaty, Kazakhstan
*e-mail: mmoldagali@list.ru
e-mail: marina.assylbekova@gmail.com
e-mail: pro_larissa@mail.ru

SOUND AND COLOR ANALYSIS OF A.A. BLOK'S POEMS ABOUT SPRING IN LITERATURE LESSONS AT SCHOOL

Abstract

The proposed article examines the sound-color analysis of a poetic text based on the interaction of sound and color. The sound-color analysis of a poetic text is fraught with a number of methodological difficulties due to the multidimensional nature of the color phenomenon itself. This is what leads to the variety of its interpretations. Special attention is paid to the analysis of A.A. Blok's poems “Solveig" and “O, Spring without end and without edge...”, through phonosemantic methods the color associations of the text are revealed. The results of the analysis obtained using the website “Zvukotsvet” and artificial intelligence. Various approaches to determining the sound-color mood of poems are compared, the dominant colors and their symbolic meaning in the context of A. Blok's work are revealed. The use of

various techniques allows you to determine the prevailing color scheme of poems and their symbolic meaning. The research makes literary analysis deeper and more visual, contributing to the development of students' analytical thinking.

Keywords: sound and color analysis, poetic text, sound painting, color painting, phonosemantics, A.P. Zhuravlev, A.A. Blok, “Solveig”, “O, spring without end and without edge...”

Введение. Звукоцветовой анализ поэтического текста сопряжен с рядом методологических трудностей, обусловленных многоаспектностью самого феномена цвета. Именно это приводит к разнообразию его интерпретаций. Для анализа лирического стихотворения используются понятия цветописи – передачи цветовой гаммы языковыми средствами, и звукописи – использования фонетических приемов (аллитерации, ассонанса и др.). Объединение этих элементов в рамках звукоцветового анализа дает возможность взглянуть на поэтический текст как на сложную систему взаимодействующих образов. Такое изучение стихотворений А.А. Блока не только способствует развитию аналитического мышления учащихся, но и делает уроки литературы более глубокими и увлекательными.

Методы и материалы. Исследование взаимозависимости звука и цвета можно разделить на несколько важных исторических этапов. Причем эта взаимозависимость была исследована, связана с именами известных ученых. В трактате «Метафизика» древнегреческий философ Аристотель первым заметил, что цвет можно измерить числом. Позже, уже в Средние века, итальянский художник Джузеппе Арчимбольдо (1526–1593) соединил музыку и цвет. Именно Арчимбольдо считается отцом-основателем «цветового клавикорда». Звуки в этом «цветовом клавикорде» находились в прямой взаимосвязи с тем или иным цветом. Исаак Ньютон в 1666 году провел свой известный опыт с преломлением луча солнца через призму. Благодаря этому опыту Ньютон задумался об одинаковой природе звука и цвета. Также известны работы немецкого ученого, профессора математики Афанасия Кирхера (1602–1680), английского физика Томаса Юнга (1773–1829), композиторов Николая Римского-Корсакова (1844–1908) и Александра Скрябина (1872–1915) и др.

В литературе понятие «звукоцвет» прочно связано с французским поэтом Артюром Рембо и его символистским «Гласные». В переводе Н. Гумилева стихотворение начинается с перечисления гласных и их цветов: «А – черно, бело – Е, У – зелено, О – сине, И – красно…». Однако это было его субъективным видением цветов и звуков. Например, Андрей Белый в поэме «Глоссалогия» называет другие семантические признаки звуков другие: «Звук [а] – белый, летящий открыто; многообразие раскрытых рук выражает он; полнота души – в нем; благословение, поклонение, удивление, воспринимающее начало есть – [а]» [1, 95-96].

В толковом словаре С.И. Ожегова даются следующие определения понятиям «звук» и «цвет». Звук – «то, что слышится, воспринимается слухом: физическое явление, вызываемое колебательными движениями частиц воздуха или другой среды» [2, 230]. Цвет – «световой тон чего-нибудь» [2, 869].

В конце 1980-х годов в науке наблюдается рост интереса к объективных закономерностям, определяющих взаимосвязь между звуковой формой слова и его значением. Фоносемантика стала одним из самостоятельных направлений в лингвистике. Исследования А.П. Журавлева [3], И.Н. Горелова [4], В.В. Левицкого [5], Л.Н. Санжарова [6] и других ученых расширили представления о механизмах взаимодействия звука и смысла в языке.

Для звукоцветового анализа лирики А. Блока нами используются звукоцветовые соответствия, предложенные А.П. Журавлевым. В качестве инструмента анализа применяется разработанная в 2010 году на основе методологии ученого компьютерная программа «Звукоцвет.ру» (Звуковой анализ текстов).

В статье ключевым понятием выступает звукоцвет, понимаемый нами как взаимодействие звука и цвета в их временных и пространственных характеристиках.

Результаты и обсуждения. Творчество А.А. Блока, согласно Типовой учебной программе, изучается на уроках литературы в 11 классе в разделе «Человек в эпоху перемен». Покажем методику работы над звукоцветом на примере анализа стихотворений А.А. Блока «Сольвейг» (1906) и «О, весна без конца и без краю…» (1907). Выбранные нами стихотворения не случайны: образ весны играет важную роль в поэзии Александра Блока, поскольку связан с ключевыми для него темами обновления, надежды, любви и преображения мира.

Стихотворение «Сольвейг» написано в 1906 году и посвящено Сергею Городецкому. В едином художественном пространстве А. Блока оно во многом символично. Лирический герой переживает духовное возрождение, вызванное встречей с возлюбленной. Сюжет произведения перекликается с драматургическим миром Генрика Ибсена, однако Блок предлагает собственную художественную трактовку данной темы. Эпиграф стихотворения отсылает к третьему акту пьесы «Пер Гюнт»: «Сольвейг прибегает на лыжах» [7, 389].

В основе композиции стихотворения – противопоставление различных временных и пространственных координат: прошлое и настоящее, земля и небо. Эти оппозиции соотносятся с мифопоэтической структурой текста. До встречи с Сольвейг герой пребывает в состоянии безысходности, живя в «бедной и темной избушке», где отсутствуют свет и надежда. Однако появление возлюбленной пробуждает его к жизни, наполняя энергией обновления. Сольвейг становится для героя воплощением жизненной силы и обновления. Ее появление символизирует освобождение от рутины и обретение нового смысла, что подчеркивается мотивом борьбы с преградами («вековые сосны»), заслоняющими небо. Внутренние трансформации героя синхронизируются с природными изменениями: «Ты пришла – и светло, / Зимний сон разнесло, / И весна загудела в лесу!» [7, 389].

Восприятие мира через звук выражается в особых «звукообразах»: если ранее герой «пел молитвы сосне», то теперь «распевает хвалы» Сольвейг. Музыкальность весеннего обновления подчеркивается лексическими средствами: «весна загудела», «звонкий топор», «Голос твой – он звончей песен старой сосны». Таким образом, Блок использует систему звукосимволики и цветовых образов, создавая сложную поэтическую структуру, в которой весна и любовь сливаются в единый мотив преображения.

Учащимся было предложено провести анализ стихотворения по следующим пунктам:

1) Прочитать стихотворения и кратко описать свои собственные ощущения цветонастроения. Необходимо было указать, какие цвета преобладают в стихотворениях.

2) Подсчитать количество гласных букв в стихотворениях. Выписать, каких букв больше. По приведенной ниже шкале цветов, приведенной в книге А.П. Журавлева [3, 102], составить рейтинг цветов в стихотворениях *(таблица 1)*.

Таблица 1. *Звуко-цветовые соответствия*

А	Густо-красный
Я	Ярко-красный
О	Светло-желтый, белый
Е	Зеленый
Ё	Желто-зеленый
Э	Зеленоватый
И	Синий
Й	Синеватый
У	Темно-синий
Ю	Голубоватый, сиреневый
Ы	Темно-коричневый или черный

3) По схеме, предложенной А.П. Журавлевым, составить таблицу присутствия звукобукв в стихотворениях Блока.

4) В ChatGPT, Gemini или любом другом искусственном интеллекте необходимо нарисовать «цветовые круги» (не рисунки) к стихотворениям.

5) Проверить на сайте «Звукоцвет.ру» правильность подсчетов.

6) Сравнить между собой вышеуказанные позиции: собственное мнение после прочтения стихотворения, мнение после подсчета гласных букв, мнение после подсчета звукобукв по методике А.П. Журавлева, позицию ИИ (выраженную в цветовом круге) и данные с сайта «Звукоцвет.ру».

Мнение учащихся относительно цветов в стихотворении практически совпало. Ответы учеников выглядели приблизительно так: «На мой взгляд, в стихотворении “Сольвейг” преобладают зеленые, светло-желтые и голубоватые цвета. После прочтения стихотворения общее цветонастроение представляется как яркое и жизнеутверждающее. Это связано с описанием весны, пробуждения природы, света и радости. В то же время белые и серые оттенки зимы остаются фоном, указывая на завершенный этап покоя».

Следовательно, можно сделать вывод, что учащиеся практически совпали с собственным видением цвета в стихотворении (общие цвета: зеленые и голубоватые/голубые цвета).

Далее было подсчитано количество букв и определено, какое цветонастроение имеет стихотворение. Буквы идут в порядке их численного убывания в стихотворении *(таблица 2)*.

Таблица 2. *Количество гласных в стихотворении А. Блока «Сольвейг»*

Е	43
О	37
А	35
И	20
У	14
Й	12
Ы	9
Я	8
Ю	3
Э	2
Ё	0

Подсчитываем звукобуквы по методике А.П. Журавлева. А считаем вместе с Я, О вместе с Ё, У вместе с Ю, Э с Е. Также заранее необходимо подсчитать общее количество букв в стихотворении. Все ударные буквы при счете удваиваются. Значит, всего букв 723 (337 гласных и 386 согласных).

Таблица 3. *Звукобуквы в стихотворении А. Блока «Сольвейг»*

Звуко-буквы	Количество звукобукв в тексте	Доли звукобукв в тексте	Нормальные доли для звукобукв	Отношение долей звукобукв в тексте к норме	Места звукобукв по их преобладанию над нормой	Цвет преобладающих звукобукв
О+Ё	104	0,144	0,109	1,321	3	Желтый/светло-желтый
Э+Е	75	0,104	0,085	1,223	4	зеленый
У+Ю	55	0,076	0,035	2,171	1	синий, голубоватый
А+Я	51	0,070	0,117	0,599	6	
И	28	0,039	0,056	0,697	5	
Ы	24	0,033	0,018	1,833	2	Темно-коричневый

Далее, исходя из данных таблицы и общего количества звукобукв, можно посчитать доли определенных звукобукв в тексте. Для этого делим количество каждой звукобуквы на общее число звукобукв в стихотворении.

Для каждой из звукобукв получим:

1) О+Ё. 104:723=0,144
2) Э+Е. 75:723=0,104
3) У+Ю. 55:723=0,076
4) А+Я. 51:723=0,070
5) И. 28:723=0,039
6) Ы. 24:723=0,033

Согласно данным А.П. Журавлева, нормальные доли для звукобукв следующие: О+Ё=0,109; Э+Е=0,085; У+Ю=0,035; А+Я=0,117; И=0,056; Ы=0,018.

Таким образом, зная долю звукобукв в тексте и нормальную долю звукобукв, можно подсчитать отношение долей звукобукв в тексте к норме:

1) О+Ё. 0,144:0,109=1,321
2) Э+Е. 0,104:0,085=1,223
3) У+Ю. 0,076:0,035=2,171
4) А+Я. 0,070:0,117=0,599
5) И. 0,039:0,056=0,697
6) Ы. 0,033:0,018=1,833.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что звукобукв У+Ю и Ы практически в два раза больше, чем это необходимо в обыкновенном тексте. Звукобукв О+Ё и Э+Е в 1,3 и 1,2 раза больше соответственно. При этом звукобукв А+Я и И практически в два раза меньше необходимого. Ни одна из долей звукобукв не коррелирует с нормальными долями звукобукв в текстах.

В зависимости от отношения долей звукобукв к норме расставляем по местам звукобуквы. На первом месте – У+Ю, второе – Ы, третье – О+Ё, четвертое – Э+Е, пятое – И, шестое – А+Я. Таким образом, получился «топ» трех цветов: синий/голубоватый, темно-коричневый и желтый/светло-желтый.

После математического подсчета звукобукв, обратимся к Искусственному Интеллекту. ИИ нарисовал следующий «цветовой круг» стихотворения.

Рисунок 1. Фоносемантическая оценка стихотворения А.А. Блока “Сольвейг” (ИИ)

Как можно заметить, ИИ также выделяет следующие главные цвета стихотворения: зеленый, синий, кремовый/желтый. Цветовой круг, созданный ИИ, отражает баланс между зимним спокойствием (серые и белые круги), весенним пробуждением (зелёные и голубые оттенки) и радостью, принесенной Сольвейг (золотисто-желтые тона). Такой подход гармонично соединяет основные образы стихотворения.

Обратимся к данным «Звукоцвета». Согласно данным этого сайта, преобладающим цветом стихотворения является темно-зеленый.

Рисунок 2. Фоносемантическая оценка стихотворения А.А. Блока «Сольвейг» (Звукоцвет.ру)

После выполнения всех заданий учащиеся делают вывод о том, что по разным методикам определения звукоцветового настроения стихотворения основные цвета практически совпали (желтый и синий/голубоватый). Единственное, в чем разошлись подсчет по методике А.П. Журавлева и данные сайта «Звукоцвет.ру», так это в темно-коричневом и темно-зеленом цвете. По методике А.П. Журавлева зеленый оказался только на четвертом месте, а по данным «Звукоцвета» он преобладает. Программа помещает это стихотворение в темно-зеленый каталог. Цветовые оттенки, выявленные программами, соответствуют образам стихотворения: Сольвейг в интерпретации Блока приобретает символическое значение весны, воплощая в себе ее обновляющую и животворную природу. Лирический герой напрямую связывает ее образ с приходом весны, называя «невестой-весной» и «весенней Сольвейг». Эпитет «зеленый» в строках «зеленый твой глаз мне блеснул» и «Сольвейг! Песня зеленой весны!» символизирует связь героини с пробуждением природы. По верному замечанию А. Журавской, Сольвейг стала для А. Блока «воплощением божественного начала, символом возвышающей и очищающей любви» [8].

Цикл А. Блока «Заклятие огнем и мраком» открывает стихотворение «О, весна без конца и без краю…» (1907). Обращение к весне символизирует мечту. Весна становится метафорой жизни. Лирический герой проходит процесс осознания и принятия жизни в ее многообразии, что отражается через градацию: «Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! И приветствую звоном щита!» [9, 62]. Само узнавание становится ключевым этапом на пути к принятию: оно позволяет понять то, что прежде казалось чуждым или неприемлемым. Осознание приводит к согласию и примирению, поскольку восприятие жизни меняется вместе с углублением личного опыта.

Последовательность действий – узнавание, принятие, приветствие – формирует логику взаимодействия героя с окружающей действительностью. Узнать означает не только получить информацию, но и распознать знакомые черты, осмыслить их. Принять – значит включить в свою картину мира, согласиться, внутренне присвоить или даже выстрадать. Приветствовать – значит не просто одобрить, но встретить с готовностью, как это передает образ «звонкого щита», отсылающий к боевому столкновению.

Использование слова “приветствовать” в сочетании со «звоном щита» создает двойственность: с одной стороны, герой раскрывается навстречу жизни, с другой – он продолжает держать оборону. Щит здесь выступает символом защиты от неизбежных ударов судьбы.

В первой строфе стихотворения возникает противопоставление двух пространств: беспредельного, связанного с весной и мечтой («без конца и без краю»), и ограниченного, личного, связанного с героем («щит»). Осознание весны как бесконечной мечты ведет к более глубинному пониманию самой жизни, а ее принятие становится для героя шагом к внутреннему преображению.

Три последующие строфы стихотворения Блока строятся на повторе «принимаю», который выполняет роль анафоры. Лирический герой выражает готовность воспринимать все аспекты жизни, что подчеркивается противопоставлениями («неудача» – «удача») и метафорическими образами («заколдованная область плача» – «тайна смеха»). Эти метафоры отражают многогранность человеческих эмоций и сложность их осмысления. Однако в блоковском понимании жизнь включает не только сферу чувств, но и динамику событий: «бессонные споры, / Утро в завесах темных окна, / Чтоб мои воспаленные взоры / Раздражала, пьянила весна!» [9, 62].

Весна представлена в стихотворении как активная сила, оказывающая влияние на героя, что передается через олицетворение («раздражает и пьянит»). Эпитет «воспаленные взоры» говорит не только о последствиях «бессонных споров», но и о том, какое воздействие оказывает весна на внутреннее состояние героя.

Четвертая строфа раскрывает принятие лирическим героем различных форм существования: природного («пустынные веси») и урбанистического («колодцы земных городов»). Слово «веси» обозначает деревню или небольшое селение, а эпитет «пустынные» акцентирует их уединенность и малолюдность. В противовес этому, образ «колодцев земных городов» несет ассоциации с замкнутым, подземным пространством. В мифологических традициях колодцы и пещеры символически связаны с зимним периодом и подземными мирами.

Этим замкнутым пространствам противопоставлен «осветленный простор поднебесий», символизирующий стремление к возвышенному, освобождение от ограничений земного существования. Однако это устремление оказывается недолговечным: человек неизбежно возвращается к «томлениям рабьих трудов».

Учащиеся отметили свои цветоощущения после прочтения стихотворения: «Смотря на строки стихотворения и акцент на весеннее время года, можно сказать, что цветонастроение стиха кажется светлым. Однако состояние лирического героя определяют более глубокие и насыщенные оттенки. Это бордовый и желтоватый (возможно даже золотистый) – символ решимости и упорства, готовности героя к жизненным трудностям. Также в нем ощущаются синеватые оттенки, выражающие легкую печаль и внутренние переживания автора».

Подсчет гласных букв показал следующее (Таблица 4).

Таблица 4. *Количество гласных в стихотворении А. Блока «О, весна без конца и без краю…»*

Е	63
О	61
А	52
И	37
У	21

Я	18
Й	17
Ы	16
Ю	16
Ё	3
Э	0

Как и в стихотворении «Сольвейг», здесь преобладают зеленый, светло-желтый и ярко-красный цвета.

Подсчет звукобукв по методике А.П. Журавлева показал следующие результаты. Всего букв – 669 (ударные мы удвоим, 352 согласных, 317 гласных) (таблица 5).

Таблица 5. Звукобуквы в стихотворении А. Блока «О, весна без конца и без краю…»

Звукобуквы	Количество звукобукв в тексте	Доли звукобукв в тексте	Нормальные доли для звукобукв	Отношение долей звукобукв в тексте к норме	Места звукобукв по их преобладанию над нормой	Цвет преобладающих звукобукв
О+Ё	48	0,072	0,109	0,661	6	Светло-желтый, белый
Э+Е	64	0,096	0,085	1,129	5	Желто-зеленый, зеленый
У+Ю	31	0,046	0,035	1,314	3	Темно-синий, сиреневый
А+Я	113	0,169	0,117	1,444	1	Ярко-красный, красный
И	44	0,066	0,056	1,179	4	Синий
Ы	17	0,025	0,018	1,389	2	Темно-коричневый

Следовательно, преобладающими являются звукобуквы «А+Я», «Ы» и «У+Ю».

Далее мы возьмем данные искусственного интеллекта.

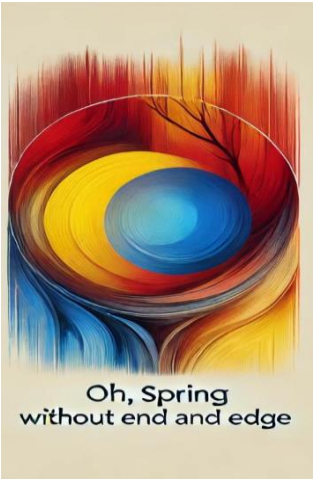


Рисунок 3. Фоносемантическая оценка стихотворения А.А. Блока «О весна без конца и без краю…» (ИИ)

Сходные результаты показала и программа «Звукоцвет.ру».

Рисунок 4. Фоносемантическая оценка стихотворения А.А. Блока «О весна без конца и без краю…» (Звукоцвет.ру)

Это стихотворение программа помещает в розовый каталог. Возможное объяснение этому мы найдем в статье Н. Ганькиной «Мотив жизни» [10]. Исследователь считает, что А.А. Блок словно продолжает своеобразный «диалог с жизнью», начатый А.С. Пушкиным в «Евгении Онегине» (Глава VI Строфа XLV). Н. Ганькина исследует пушкинский подтекст в стихотворении «О, весна без конца и без краю…» и выявляет множество параллелей. В текстах обоих поэтов лирические герои принимают жизнь во всей ее полноте – вместе с радостями, испытаниями и даже трагедиями. Они достигают некой предельной черты, переживая внутренний кризис. Однако если у Пушкина герой, ощущая поддержку высших сил, преодолевает этот рубеж и продолжает движение вперед, осмысливая прошлое и выражая благодарность судьбе («простимся дружно, о юность легкая моя!»), то у Блока ситуация иная.

Лирический герой А.С. Пушкина обращается к поэзии как к спасительному началу. Его «угол» – это пространство, которое позволяет ему противостоять холодности и ожесточению. Пушкин показывает неизбежность течения жизни, которая постепенно ведет человека к уходу, но при этом предлагает своего рода противоядие – поэзию, мудрое принятие и благодарность.

А. Блок развивает этот мотив, но переосмысливает образ, который является границей между жизнью и смертью. В его стихотворении ключевым становится символ порога, на котором герой оказывается в постоянном противостоянии с мифической силой. Это не просто борьба, а

«враждующая встреча» героя (уподобленного Персею) с загадочной сущностью, одновременно воплощающей жизнь, весну, мечту и женское начало, но в то же время угрожающей ему, подобно Медузе Горгоне. Герой Блока, в отличие от пушкинского, не движется дальше и не ищет укрытия – он остается на границе, принимая вызов судьбы и «приветствуя ее звоном щита».

Мифологический Персей в мифе побеждает Горгону, но цена этой победы – постоянная угроза: прямой взгляд на чудовище означает мгновенное окаменение, то есть смерть. У Блока это трансформируется в невозможность слияния героя с жизнью, мечтой или весной. Он остается одиноким, лишенным поддерживающего пространства, и его существование – вечное пребывание «у порога» [10].

Интересно, что миф о Персее содержит мотив рождения поэзии: когда герой отсек голову Медузы, из ее крови возник Пегас, связанный с музами и вдохновением. Таким образом, жертвенность лирического героя А. Блока героя оказывается истоком поэтического творчества. С одной стороны, он осознает свою обреченность, ощущает беспомощность перед судьбой, но с другой – готов безоглядно принять ее, что подчеркивается финальными строками: «За мученья, за гибель – я знаю – Все равно: принимаю тебя!» [9, 62].

Заключение. Звукоцветовой анализ поэтического текста представляет собой исследование взаимодействия фонетических и цветовых образов в стихотворении. Фоносемантический анализ стихотворений А. Блока «Сольвейг» и «О, весна без конца и без краю…» позволяет выявить, как определенные звуки вызывают ассоциации с конкретными цветами и эмоциональными состояниями. Использование такого анализа на уроках литературы способствует развитию эстетического восприятия и художественного мышления учащихся. Это помогает не только лучше понимать произведения, но и чувствовать их внутреннюю музыкальность и цветовую гармонию, что особенно важно при изучении поэзии А. Блока.

Список использованной литературы:

1. Белый А. Глоссалогия. – М., 2002. – 144 с. URL: https://imwerden.de/pdf/bely_glossolaliya_2002__ocr.pdf (Дата обращения. 20.02.2025)

2. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов/ Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 21-е изд. – М., Рус. Яз. – 1989. – 924 с.

3. Журавлев А.П. Звук и смысл. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.

4. Горелов И.Н. Прикладные аспекты фоносемантики // Фоносемантические исследования. – Пенза, 1990. – С. 112-120.

5. Левицкий В.В. Звуковой символизм: закономерности функционирования и источники порождения // Проблемы фоносемантики. (Тезисы выступлений на совещании). – М.: Наука, 1989. – С. 69-71.

6. Санжаров, Л.Н. Современная фоносемантика: Истоки, проблемы, возможные решения. 2-е изд.– Тула: Тульский полиграфист, 2002. – 138 с.

7. Блок А. Собрание сочинений: В 6-ти т. Том I. – Л., Художественная литература, 1980. – 512 с.

8. Журавская А. Образ Сольвейг в литературной интерпретации А. Блока и В. Шершеневича. URL: https://dspace.onu.edu.ua/server/api/core/bitstreams/969d7293-217e-4104-9b7d-80c3e97dfa2a/content (Дата обращения: 17.02.2025 г.)

9. Блок А. Собрание сочинений: В 6-ти т. Том 2. – Л., Художественная литература, 1980. – 472 с.

10. Ганькина Н. Мотив жизни // Топос. Литературно-философский журнал. 15/08/2023 URL: https://www.topos.ru/article/laboratoriya-slova/motiv-zhizni (Дата обращения 23.02.2025 г.)

Reference:

1. Belyj A. (2002). Glossalogija [Glossology] – M. – 144 s. Retrieved from https://imwerden.de/pdf/bely_glossolaliya_2002__ocr.pdf (Accessed: 20.02.2025) [in Russian]

2. Ozhegov S.I. (1989). Slovar' russkogo jazyka: 70 000 slov/ Pod red. N.Ju. Shvedovoj [Dictionary of the Russian Language: 70,000 Words / Edited by N.Yu. Shvedova] – 21-e izd. – M., Rus. Jaz. – 924 s. [in Russian]

3. Zhuravlev A.P. (1991). Zvuk i smysl [Sound and Meaning] – M.: Prosveshhenie. – 160 s. [in Russian]

4. Gorelov I.N. (1990). Prikladnye aspekty fonosemantiki [Applied Aspects of Phonosemantics]// Fonosemanticheskie issledovanija. – Penza. – S. 112-120. [in Russian]

5. Levickij V.V. (1989). Zvukovoj simvolizm: zakonomernosti funkcionirovanija i istochniki porozhdenija [Sound Symbolism: Patterns of Functioning and Sources of Generation] // Problemy fonosemantiki. (Tezisy vystuplenij na soveshhanii). – M.: Nauka. – S. 69-71. [in Russian]

6. Sanzharov L.N. (2002). Sovremennaja fonosemantika: Istoki, problemy, vozmozhnye reshenija [Modern Phonosemantics: Origins, Problems, Possible Solutions]. 2-e izd.– Tula: Tul'skij poligrafist. – 138 s. [in Russian]

7. Blok A. (1980). Sobranie sochinenij: V 6-ti t. [Collected Works: In 6 Volumes.] Tom I. – L., Hudozhestvennaja literatura. – 512 s. [in Russian]

8. Zhuravskaja A. Obraz Sol'vejg v literaturnoj interpretacii A. Bloka i V. Shershenevicha [The Image of Solveig in the Literary Interpretation of A. Blok and V. Shershenevich.]. Retrieved from https://dspace.onu.edu.ua/server/api/core/bitstreams/969d7293-217e-4104-9b7d-80c3e97dfa2a/content (Accessed: 17.02.2025) [in Russian]

9. Blok A. (1980). Sobranie sochinenij: V 6-ti t. [Collected Works: In 6 Volumes] Tom 2. – L., Hudozhestvennaja literatura. – 472 s. [in Russian]

10. Gan'kina N. (2023). Motiv zhizni [The Motif of Life] // Topos. Literaturno-filosofskij zhurnal. Retrieved from https://www.topos.ru/article/laboratoriya-slova/motiv-zhizni (Accessed: 23.02.2025) [in Russian]

МРНТИ: 16.21.33 10.51889/2959-5657.2025.91.1.012

Назарбекова Г.А.
Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева,
Петропавловск, Казахстан
e-mail: gulsana0000@gmail.com

ИЗУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ОБУЧЕНИЯ

Аннотация

В данной работе рассматривается применение искусственного интеллекта (ИИ) в процессе изучения английского языка, акцентируя внимание на его потенциале для улучшения образовательных практик. В условиях стремительного развития информационных технологий традиционные методы обучения становятся недостаточно эффективными, что создает необходимость внедрения новых подходов. Искусственный интеллект предлагает адаптивные системы обучения и интерактивные приложения, которые позволяют индивидуализировать образовательный процесс, учитывая потребности и уровень подготовки каждого учащегося. Одной из ключевых разработок в рамках исследования является создание интеллектуального языкового ассистента под названием LinguaBot. Этот ассистент был разработан для поддержки студентов в изучении английского языка, предоставляя интерактивные упражнения, мгновенную обратную связь и возможность практиковать разговорную речь. Работа анализирует существующие исследования, проведенные как в Казахстане, так и за рубежом, подчеркивая важность интеграции ИИ в образовательные программы. В частности, рассматриваются работы казахстанских ученых,

таких как А. С. Нурмухамбетова и М. К. Тлеубердиева, которые акцентируют внимание на потенциале ИИ для повышения качества обучения языкам. Также обсуждаются международные исследования, включая работы Дж. С. Кенни и Л. М. Розен, которые демонстрируют успешные практики внедрения ИИ в языковое обучение. В результате проведенного исследования выявлено, что использование технологий ИИ, таких как LinguaBot, значительно повышает уровень вовлеченности студентов и улучшает их языковые навыки. Работа подчеркивает необходимость подготовки преподавателей к использованию новых технологий и предлагает рекомендации по дальнейшему исследованию в этой области.

Ключевые слова: искусственный интеллект, образование, английский язык, адаптивные системы, языковой ассистент

Назарбекова Г. А.
Манаш Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті
Петропавловск, Қазақстан
e-mail: gulsana0000@gmail.com

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ АРҚЫЛЫ АҒЫЛШЫН ТІЛІН ҮЙРЕНУ: ОҚЫТУДЫҢ ЖАҢА КӨКЖИЕКТЕРІ

Аңдатпа

Бұл жұмыс ағылшын тілін үйрену процесінде жасанды интеллектті (ЖИ) қолдануды қарастырады, оның білім беру тәжірибесін жақсарту әлеуетіне назар аударады. Ақпараттық технологиялардың қарқынды дамуы жағдайында оқытудың дәстүрлі әдістері тиімсіз болады, бұл жаңа тәсілдерді енгізу қажеттілігін тудырады. Жасанды интеллект әр оқушының қажеттіліктері мен дайындық деңгейін ескере отырып, оқу процесін жекелендіруге мүмкіндік беретін бейімделген оқыту жүйелері мен интерактивті қосымшаларды ұсынады. Зерттеу шеңберіндегі негізгі әзірлемелердің бірі-LinguaBot деп аталатын интеллектуалды тіл көмекшісін құру. Бұл көмекші интерактивті жаттығулар, лезде кері байланыс және ауызекі сөйлеу дағдыларын қамтамасыз ету арқылы студенттерге ағылшын тілін үйренуге қолдау көрсетуге арналған. Жұмыс Қазақстанда да, шетелде де жүргізілген зерттеулерді талдап, АИ-ді білім беру бағдарламаларына интеграциялаудың маңыздылығын атап көрсетеді. Атап айтқанда, А. С. Нұрмұхамбетов пен М. К. сияқты қазақстандық ғалымдардың жұмыстары қарастырылуда. Тілеубердиева, тілдерді оқыту сапасын арттыру үшін АИ әлеуетіне баса назар аударады. Халықаралық зерттеулер, соның ішінде Дж. С. Кенни мен Л. М. Розен, олар AI-ны тілдік оқытуға енгізудің сәтті тәжірибесін көрсетеді. Зерттеу нәтижесінде LinguaBot сияқты AI технологияларын қолдану студенттердің қатысу деңгейін едәуір арттырып, олардың тілдік дағдыларын жақсартатыны анықталды. Жұмыс оқытушыларды жаңа технологияларды қолдануға дайындау қажеттілігін көрсетеді және осы салада әрі қарай зерттеу бойынша ұсыныстар ұсынады.

Түйін сөздер: жасанды интеллект, білім беру, ағылшын тілі, адаптивті жүйелер, тіл көмекшісі

Nazarbekova G. A.
North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev
Petropavlovsk, Kazakhstan
e-mail: gulsana0000@gmail.com

LEARNING ENGLISH THROUGH ARTIFICIAL INTELLIGENCE: NEW HORIZONS OF LEARNING

Abstract

This paper examines the use of artificial intelligence (AI) in the process of learning English, focusing on its potential to improve educational practices. In the context of the rapid development of information technology, traditional teaching methods are becoming insufficiently effective, which creates the need to introduce new approaches. Artificial intelligence offers adaptive learning systems and interactive applications that allow you to customize the educational process, considering the needs and level of training of each student. One of the key developments in the research is the creation of an intelligent language assistant called LinguaBot. This assistant was designed to support students in learning English by providing interactive exercises, instant feedback, and the opportunity to practice speaking. The paper analyzes existing research conducted both in Kazakhstan and abroad, emphasizing the importance of integrating AI into educational programs. In particular, the work of Kazakhstani scientists such as A. S. Nurmukhambetov and M. K. is considered. Tleuberdiyev, who focuses on the potential of AI to improve the quality of language teaching. International studies are also discussed, including the work of J. S. Kenny and L. M. Rosen, which demonstrate successful AI implementation practices in language learning. As a result of the research conducted, it was revealed that the use of AI technologies, such as LinguaBot, significantly increases the level of student engagement and improves their language skills. The work highlights the need to train teachers to use new technologies and offers recommendations for further research in this area.

Keywords: artificial intelligence, education, English, adaptive systems, language assistant

Введение. Актуальность изучения английского языка с использованием технологий искусственного интеллекта обусловлена глобализацией и необходимостью межкультурной коммуникации в современном мире. В условиях стремительного развития информационных технологий традиционные методы обучения становятся недостаточно эффективными. Искусственный интеллект предлагает новые подходы, которые могут значительно улучшить процесс изучения языка [1]. В частности, адаптивные системы обучения и чат-боты позволяют индивидуализировать образовательный процесс, учитывая потребности и уровень подготовки каждого учащегося.

Основным термином данной работы является «искусственный интеллект», который охватывает широкий спектр технологий, включая машинное обучение, обработку естественного языка и нейронные сети. Эти технологии позволяют создавать интеллектуальные системы, способные анализировать и обрабатывать большие объемы данных, а также взаимодействовать с пользователями в режиме реального времени. В контексте изучения языков ИИ может использоваться для разработки интерактивных приложений, которые помогают учащимся улучшать навыки чтения, письма, аудирования и говорения [2].

По данным ЮНЕСКО, более 1,5 миллиарда человек по всему миру изучают английский язык, что делает его самым популярным иностранным языком. В условиях глобализации и международной интеграции знание английского языка становится необходимым для успешной карьеры и личного развития [3] В Казахстане, согласно исследованиям Министерства образования и науки, около 70% школьников и студентов изучают английский язык как второй иностранный [4]. Однако, несмотря на высокий интерес к изучению языка, уровень владения английским в стране остается ниже, чем в большинстве стран Европы и Азии. Это подчеркивает необходимость

внедрения новых методов обучения, таких как технологии искусственного интеллекта, которые могут значительно повысить эффективность образовательного процесса [5].

Актуальность использования ИИ в изучении английского языка в Казахстане становится очевидной. В условиях, когда традиционные методы обучения не всегда дают желаемые результаты, применение современных технологий может стать решением проблемы. Поэтому важно исследовать, как именно искусственный интеллект может помочь учащимся преодолеть языковые барьеры и повысить уровень владения английским языком. Внедрение ИИ в образовательный процесс может не только улучшить качество обучения, но и сделать его более доступным и интересным для студентов. Это, в свою очередь, может способствовать формированию нового поколения специалистов, готовых к вызовам глобального мира [6].

В Казахстане тема использования искусственного интеллекта в образовательном процессе исследовалась рядом ученых, таких как А. С. Нурмухамбетова [7] и М. К. Тлеубердиева [8], которые акцентировали внимание на потенциале ИИ в повышении качества обучения языкам. Их работы подчеркивают важность интеграции современных технологий в образовательные программы для достижения более высоких результатов.

Целью данного исследования является анализ эффективности применения искусственного интеллекта в процессе изучения английского языка и выявление его влияния на мотивацию и успеваемость учащихся.

Методы исследования включают анализ существующих научных публикаций, проведение опросов среди учащихся и преподавателей, а также экспериментальное внедрение ИИ-технологий в учебный процесс. Эти методы позволят получить комплексное представление о текущем состоянии и перспективах использования ИИ в обучении английскому языку.

Гипотеза исследования заключается в том, что использование искусственного интеллекта в процессе изучения английского языка способствует повышению мотивации учащихся и улучшению их языковых навыков.

В последние годы в Казахстане наблюдается активный интерес к исследованию применения искусственного интеллекта в образовательном процессе, особенно в контексте изучения английского языка. Одним из ведущих ученых в этой области является А. С. Нурмухамбетова [9], которая в своих работах акцентирует внимание на потенциале ИИ для создания адаптивных образовательных платформ. В своей статье "Искусственный интеллект в образовании: новые горизонты" она рассматривает примеры успешного внедрения ИИ в учебные процессы и подчеркивает важность индивидуализации обучения для повышения мотивации студентов. М. К. Тлеубердиева [10] также внесла значительный вклад в эту область, исследуя влияние технологий на развитие языковых навыков. В своей работе "Технологии искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам" она анализирует различные инструменты, такие как чат-боты и приложения для изучения языков, и их эффективность в обучении. Еще одним важным исследователем является Б. А. Султанов [11], который в своих публикациях рассматривает вопросы интеграции ИИ в образовательные программы и его влияние на качество обучения. Его работа "Инновационные технологии в образовании: вызовы и возможности" подчеркивает необходимость подготовки преподавателей к использованию новых технологий в классе.

На международной арене также существует множество исследований, посвященных использованию искусственного интеллекта в обучении языкам. Одним из известных ученых является Дж. С. Кенни [12], который в своей книге "Artificial Intelligence in Language Learning" рассматривает различные подходы к внедрению ИИ в языковое обучение и делится примерами успешных практик из разных стран. Его исследования показывают, что использование ИИ может значительно повысить уровень вовлеченности студентов и улучшить их языковые навыки. Другим важным исследователем является Л. М. Розен [13], который в статье "The Role of AI in Modern Language Education" анализирует влияние технологий на традиционные методы обучения и предлагает рекомендации по их интеграции в учебный процесс. Наконец, работа Э.

Т. Брауна [14] "AI-Powered Language Learning: Trends and Innovations" фокусируется на новых трендах в области языкового обучения с использованием ИИ, подчеркивая важность создания интерактивных и адаптивных образовательных платформ, которые могут удовлетворить потребности различных категорий учащихся.

В России также наблюдается растущий интерес к исследованию применения искусственного интеллекта в образовательном процессе, особенно в контексте изучения иностранных языков, включая английский. Одним из ведущих ученых в этой области является И. В. Кузнецова [15], которая в своих работах акцентирует внимание на возможностях использования ИИ для создания адаптивных образовательных систем. В своей статье «Искусственный интеллект в обучении иностранным языкам: новые подходы» она рассматривает примеры успешного внедрения ИИ в учебные процессы и подчеркивает важность индивидуализации обучения для повышения мотивации студентов. Другим значимым исследователем является А. Н. Петров [16], который изучает влияние технологий на развитие языковых навыков. В своей работе «Инновационные технологии в обучении языкам» он анализирует различные инструменты, такие как автоматизированные системы оценки и интерактивные приложения, и их эффективность в обучении. Также стоит отметить работу Е. А. Сидорова [17], который в своих публикациях рассматривает вопросы интеграции ИИ в образовательные программы и его влияние на качество обучения. Его работа «Цифровизация образования: вызовы и возможности» подчеркивает необходимость подготовки преподавателей к использованию новых технологий в классе.

Методы и материалы. База эксперимента была выбрана на основе Северо-Казахстанского университета имени Манаша Козыбаева, который является одним из ведущих образовательных учреждений в регионе. В рамках исследования были задействованы студенты факультета иностранных языков, что позволило получить репрезентативные данные о влиянии искусственного интеллекта на процесс изучения английского языка. В эксперименте приняли участие 100 студентов, разделенных на две группы: контрольную и экспериментальную. Контрольная группа обучалась по традиционным методам, в то время как экспериментальная группа использовала адаптивные образовательные платформы, основанные на технологиях искусственного интеллекта.

Для сбора данных использовались различные методы, включая анкетирование, тестирование и наблюдение. Анкеты были разработаны для оценки уровня мотивации студентов, их удовлетворенности процессом обучения и восприятия новых технологий. Тестирование проводилось в начале и в конце учебного семестра для определения изменений в уровне владения английским языком. Наблюдение за учебным процессом позволило исследовать взаимодействие студентов с ИИ-технологиями и выявить их влияние на учебную активность.

Кроме того, в исследовании использовались статистические методы для анализа полученных данных. Результаты тестирования и анкетирования были обработаны с помощью программного обеспечения для статистического анализа, что позволило выявить значимые различия между контрольной и экспериментальной группами.

В ходе работы была разработана интеллектуальная языковая ассистентка под названием “LinguaBot” [18]. Эта система, основанная на технологиях искусственного интеллекта, была создана для поддержки студентов в процессе изучения английского языка. Экспериментальная группа работала с LinguaBot в течение всего учебного семестра, используя ее для выполнения различных заданий, таких как практика разговорной речи, улучшение навыков аудирования и расширение словарного запаса.

LinguaBot предоставляла студентам интерактивные упражнения, адаптированные к их уровню подготовки, а также возможность получать мгновенную обратную связь по выполненным заданиям. Студенты могли задавать вопросы и получать разъяснения по грамматике, лексике и произношению, что способствовало более глубокому пониманию материала. Кроме того, ассистентка предлагала персонализированные рекомендации по обучению, основываясь на анализе прогресса каждого студента.

Работа с LinguaBot позволила экспериментальной группе значительно повысить уровень вовлеченности в учебный процесс и улучшить их языковые навыки. Студенты отмечали, что использование ассистента сделало обучение более интересным и доступным, а также способствовало развитию уверенности в своих способностях говорить на английском языке.

Результаты и обсуждения. В результате проведенного исследования были получены значимые данные, подтверждающие эффективность использования искусственного интеллекта в обучении английскому языку. Анализ результатов тестирования показал, что студенты экспериментальной группы, работавшие с интеллектуальной языковой ассистенткой LinguaBot, продемонстрировали более высокий уровень улучшения языковых навыков по сравнению с контрольной группой.

Таблица 1. *Используемые инструменты искусственного интеллекта в экспериментальной группе*

Инструмент ИИ	**Описание функциональности**	**Цели использования**
LinguaBot	Интерактивный языковой ассистент, предлагающий упражнения по грамматике, лексике и произношению.	Практика разговорной речи и грамматики.
Duolingo	Приложение для изучения языков с элементами геймификации, использующее адаптивные алгоритмы.	Расширение словарного запаса и аудирования.
Rosetta Stone	Платформа, использующая технологии распознавания речи для улучшения произношения.	Развитие навыков говорения и аудирования.
ChatGPT	Модель обработки естественного языка, позволяющая вести диалоги и получать объяснения по языковым вопросам.	Ответы на вопросы и практика диалогов.
Grammarly	Инструмент для проверки грамматики и стиля, использующий ИИ для анализа текста.	Улучшение навыков письма и редактирования.

Анализ полученных данных показывает, что использование инструментов искусственного интеллекта, таких как LinguaBot и Duolingo, значительно повысило уровень вовлеченности студентов в процесс изучения английского языка. Студенты экспериментальной группы не только улучшили свои языковые навыки, но и отметили рост мотивации к обучению, что подтверждается высокими результатами тестирования.

В ходе исследования была разработана интеллектуальная языковая ассистентка под названием LinguaBot. Этот инструмент был создан с целью поддержки студентов в процессе изучения английского языка и предоставления им персонализированного обучения. LinguaBot предлагает интерактивные упражнения, адаптированные к уровню подготовки каждого студента, что позволяет эффективно развивать их языковые навыки. Ассистентка также предоставляет мгновенную обратную связь, что способствует более глубокому пониманию материала и повышению уверенности учащихся в использовании языка. В результате работы с LinguaBot студенты смогли значительно улучшить свои навыки общения на английском языке и повысить мотивацию к обучению.

Рисунок 1. LinguaBot-инновационный помощник в изучении английского языка

Использование LinguaBot предоставляет студентам возможность взаимодействовать с языковым материалом в интерактивной форме, что делает процесс обучения более увлекательным и эффективным.

Рисунок 2. Преимущества использования LinguaBot

Мгновенная обратная связь, предоставляемая LinguaBot, помогает учащимся сразу же корректировать свои ошибки и улучшать навыки, что значительно ускоряет процесс обучения.

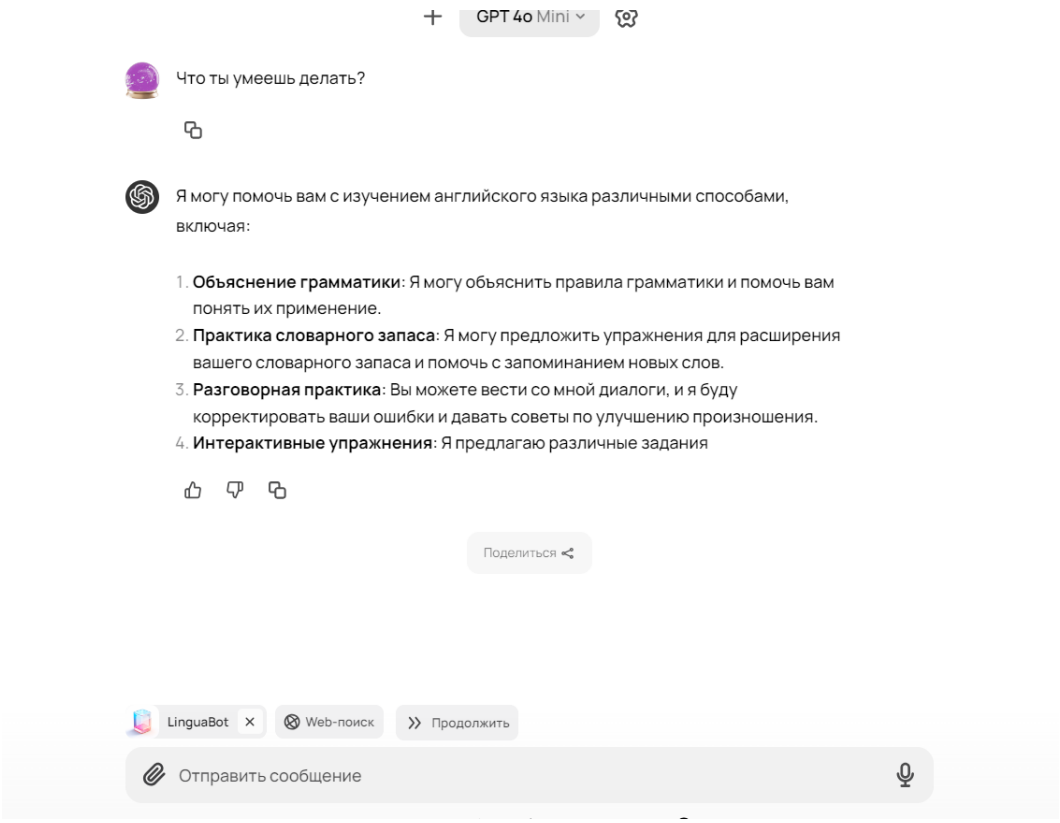


Рисунок 3. Функции LinguaBot

На рисунке представлена информация о ключевых функциях LinguaBot, которые помогают пользователям в изучении английского языка.

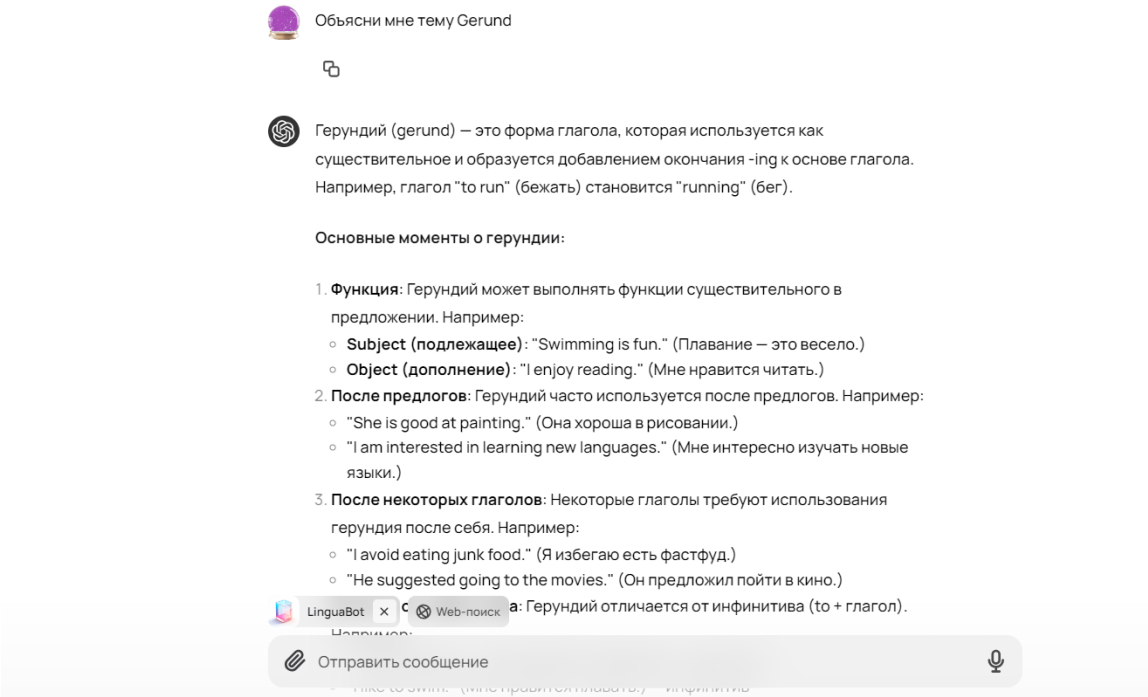


Рисунок 4. Объяснение темы «Герундий» с помощью LinguaBot

На рисунке представлено объяснение темы «герундий», предоставленное интеллектуальным ассистентом LinguaBot. Ассистент четко и доступно объясняет, что герундий – это форма

глагола, которая используется как существительное, образуемое добавлением окончания -ing. Важные моменты, такие как функции герундия в предложении, его использование после предлогов и некоторых глаголов, представлены в структурированном виде, что облегчает понимание материала.

LinguaBot демонстрирует свою способность предоставлять подробные и понятные объяснения, что способствует более глубокому усвоению грамматических правил. Такой подход позволяет студентам не только запомнить информацию, но и понять ее применение в контексте, что является ключевым аспектом эффективного изучения языка. Использование интерактивного формата делает процесс обучения более увлекательным и способствует активному вовлечению студентов в изучение английского языка.

Таблица 2. *Результаты тестирования до и после проведения эксперимента*

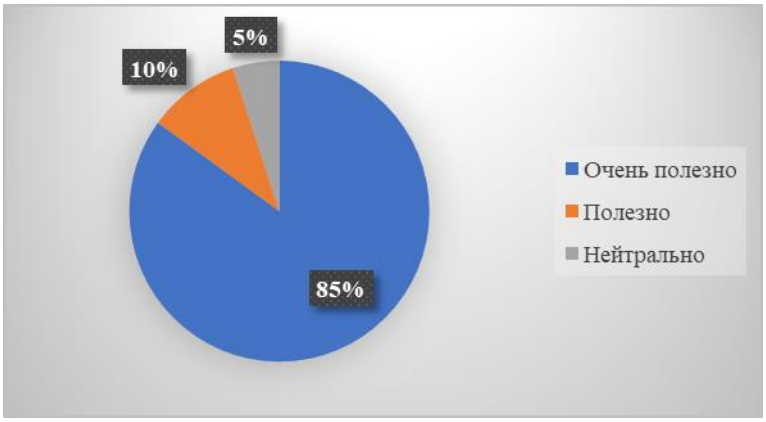
Группа	**Процентный результат до эксперимента (%)**	**Процентный результат после эксперимента (%)**	**Изменение (%)**
Контрольная группа	65	71	+6
Экспериментальная группа	66	83	+17

Результаты тестирования, представленные в таблице, показывают значительные различия в успехах между контрольной и экспериментальной группами. Контрольная группа, которая обучалась традиционными методами, продемонстрировала увеличение процентного результата всего на 6%, что указывает на ограниченные возможности традиционных подходов в повышении уровня владения английским языком. В то же время экспериментальная группа, использовавшая интеллектуального ассистента LinguaBot, показала более впечатляющее увеличение на 17%, что свидетельствует о высокой эффективности применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе.

Увеличение процентного результата в экспериментальной группе также может быть связано с индивидуализированным подходом к обучению, который позволяет каждому студенту работать в своем темпе и получать обратную связь в реальном времени.

После работы с интеллектуальным ассистентом LinguaBot в экспериментальной группе было проведено анкетирование, чтобы оценить восприятие и эффективность использования данного инструмента. Учащиеся заполнили анкеты, в которых делились своими впечатлениями о функциональности и удобстве работы с ассистентом.

Диаграмма 1. Вопрос: «Насколько полезным вы считаете использование LinguaBot в процессе изучения английского языка?»



Результаты анкетирования показывают, что 85% студентов считают использование LinguaBot «очень полезным» в процессе изучения английского языка, что свидетельствует о высокой степени удовлетворенности пользователей. Еще 10% участников отметили, что ассистент «полезен», что также указывает на положительное восприятие инструмента. Небольшая доля студентов (5%) выразила нейтральное отношение. Эти данные подчеркивают, что LinguaBot стал важным и эффективным инструментом в обучении, способствующим повышению мотивации и вовлеченности студентов в процесс изучения языка.

Диаграмма 2. Вопрос: «Как вы оцениваете уровень мотивации к обучению после работы с LinguaBot?»

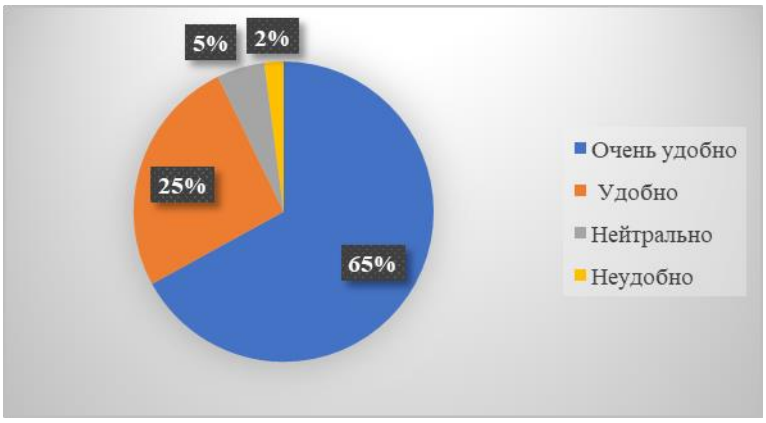
Результаты анкетирования показывают, что 55% студентов отметили, что уровень их мотивации к обучению "значительно повысился" после работы с LinguaBot. Это свидетельствует о том, что использование интеллектуального ассистента оказало положительное влияние на их желание учиться и развиваться в изучении английского языка. Еще 30% участников указали, что мотивация "повысилась", что также подтверждает эффективность инструмента.

Диаграмма 3. Вопрос: «Какие функции LinguaBot вы считаете наиболее полезными?»

Результаты анкетирования показывают, что 40% студентов считают практику разговорной речи наиболее полезной функцией LinguaBot, что подчеркивает важность развития навыков общения в изучении языка. Интерактивные упражнения по грамматике получили 30% голосов, что также свидетельствует о высоком интересе к структурированному обучению. Обратная связь по выполненным заданиям была отмечена 20% участников, что указывает на ценность мгновенной коррекции ошибок.

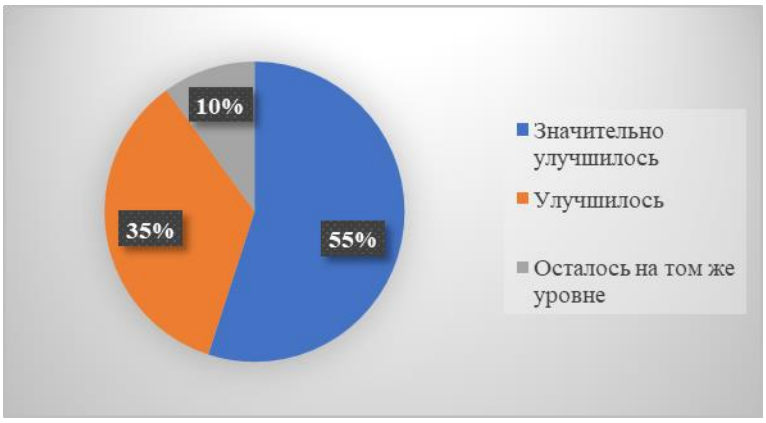
Остальные функции, такие как расширение словарного запаса и объяснение грамматических правил, получили меньшую долю голосов, что может свидетельствовать о том, что студенты больше ценят практическое применение языка, чем теоретические аспекты.

Диаграмма 4. Вопрос: «Как вы оцениваете удобство использования LinguaBot?»



Результаты анкетирования показывают, что 65% студентов оценили удобство использования LinguaBot как "очень удобно", что свидетельствует о высоком уровне удовлетворенности пользователей интерфейсом и функциональностью ассистента. Еще 25% участников отметили, что использование LinguaBot "удобно", что также подтверждает положительное восприятие инструмента. Лишь 5% респондентов выразили нейтральное отношение, а 2% указали на неудобства, что говорит о том, что большинство студентов не испытывают значительных трудностей при работе с ассистентом.

Диаграмма 5. Вопрос: «Как вы оцениваете влияние LinguaBot на ваше общее восприятие изучения английского языка?»



Результаты анкетирования показывают, что 50% студентов отметили, что их общее восприятие изучения английского языка "значительно улучшилось" после работы с LinguaBot. Это свидетельствует о положительном влиянии ассистента на мотивацию и интерес к языковому обучению. Еще 35% участников указали, что их восприятие "улучшилось", что также подтверждает эффективность использования технологии в образовательном процессе. Лишь 5% респондентов сообщили о том, что их восприятие осталось на том же уровне или ухудшилось, что указывает на высокую степень удовлетворенности и положительное влияние LinguaBot на студентов.

Использование LinguaBot значительно улучшает восприятие изучения английского языка и повышает мотивацию студентов. Интерактивные функции и удобство работы с ассистентом

способствуют более глубокому вовлечению учащихся в процесс обучения, что делаетLinguaBot ценным инструментом в образовательном процессе.

Таким образом, результаты исследования подчеркивают важность интеграции современных технологий в процесс изучения иностранных языков для достижения более высоких результатов.

Результаты проведенного исследования подтверждают гипотезу о том, что использование искусственного интеллекта, в частности интеллектуального ассистента LinguaBot, значительно повышает эффективность изучения английского языка. Анализ данных показал, что студенты экспериментальной группы, работавшие с LinguaBot, продемонстрировали более высокие результаты в тестировании по сравнению с контрольной группой, что свидетельствует о положительном влиянии технологии на усвоение языкового материала.

Одним из ключевых факторов успеха LinguaBot является его способность предоставлять персонализированное обучение, адаптированное к индивидуальным потребностям каждого студента. Это позволяет учащимся работать в своем темпе, получать мгновенную обратную связь и корректировать свои ошибки, что способствует более глубокому пониманию языка. Студенты отметили, что интерактивные упражнения и возможность практиковать разговорную речь с ассистентом сделали процесс обучения более увлекательным и мотивирующим.

Кроме того, результаты анкетирования показали, что большинство студентов оценили удобство использования LinguaBot как "очень удобное", что подчеркивает важность интуитивно понятного интерфейса и доступности образовательных технологий. Высокий уровень удовлетворенности пользователей также указывает на то, что LinguaBot может стать ценным инструментом в образовательном процессе, способствующим повышению интереса к изучению английского языка.

В целом, работа «Изучение английского языка через искусственный интеллект: новые горизонты» подчеркивает важность внедрения современных технологий в образовательный процесс. Искусственный интеллект открывает новые возможности для персонализированного обучения, позволяя адаптировать материалы под индивидуальные потребности студентов. Использование таких инструментов, как LinguaBot, демонстрирует, как технологии могут повысить мотивацию и вовлеченность учащихся в изучение языка. Результаты исследования показывают, что студенты, работающие с ИИ, достигают лучших результатов в тестировании и более активно участвуют в учебном процессе.

Кроме того, работа акцентирует внимание на необходимости подготовки преподавателей к использованию новых технологий, чтобы они могли эффективно интегрировать ИИ в свои учебные программы. Важно также учитывать отзывы студентов и вносить изменения в функциональность ассистентов, чтобы обеспечить максимальную удовлетворенность пользователей. Дальнейшие исследования в этой области могут выявить дополнительные преимущества и возможности использования искусственного интеллекта в обучении языкам. Внедрение ИИ в образовательный процесс не только улучшает качество обучения, но и делает его более доступным для широкой аудитории.

Таким образом, искусственный интеллект становится важным инструментом в формировании нового подхода к изучению иностранных языков, который отвечает требованиям современного общества. В заключение работа подчеркивает, что использование технологий ИИ в обучении английскому языку открывает новые горизонты и создает перспективы для дальнейшего развития образовательных практик.

Заключение. В заключение исследование "Изучение английского языка через искусственный интеллект: новые горизонты" подчеркивает значимость внедрения технологий ИИ в образовательный процесс. Результаты работы показывают, что использование интеллектуального ассистента LinguaBot значительно повышает эффективность изучения английского языка. Студенты, работающие с этим инструментом, продемонстрировали лучшие результаты в тестировании и более высокую мотивацию к обучению по сравнению с контрольной группой.

Интерактивные функции LinguaBot, такие как практика разговорной речи и мгновенная обратная связь, способствуют более глубокому усвоению материала и повышению уверенности учащихся в своих языковых навыках.

Кроме того, работа акцентирует внимание на важности персонализированного подхода к обучению, который позволяет адаптировать учебные материалы под индивидуальные потребности студентов. Это особенно актуально в условиях разнообразия уровней подготовки и стилей обучения. Важно отметить, что, несмотря на положительные результаты, некоторые студенты выразили нейтральное или негативное отношение к определенным аспектам работы с ассистентом, что указывает на необходимость дальнейшего улучшения функциональности LinguaBot.

Рекомендую продолжить исследование применения искусственного интеллекта в обучении английскому языку, чтобы выявить новые методы и подходы, которые могут повысить эффективность образовательного процесса. Также стоит рассмотреть возможность интеграции других технологий, таких как виртуальная реальность и дополненная реальность, для создания более интерактивной и увлекательной среды обучения. Важно проводить регулярные опросы и анкетирования среди студентов для получения обратной связи о работе с ИИ-ассистентами, что поможет улучшить их функциональность и адаптировать под потребности пользователей. Рекомендуется также организовать тренинги для преподавателей, чтобы они могли эффективно использовать технологии ИИ в своих учебных планах. Наконец, следует обратить внимание на разработку многоязычных ассистентов, которые смогут поддерживать обучение не только английскому, но и другим иностранным языкам, что расширит возможности для студентов.

Дальнейшие исследования в этой области могут помочь выявить новые возможности для использования технологий ИИ в обучении языкам и разработать более эффективные методы обучения. Внедрение искусственного интеллекта в образовательный процесс не только улучшает качество обучения, но и делает его более доступным для широкой аудитории. Таким образом, искусственный интеллект становится важным инструментом в формировании нового подхода к изучению иностранных языков, который отвечает требованиям современного общества.

Список использованной литературы:

1. *Кузнецова И.В. Искусственный интеллект в образовании: новые подходы и возможности. М.: Наука, 2020. – С. 45-60.*
2. *Петров А.Н. Применение технологий искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам. СПб.: Образование, 2019. – С. 78-85.*
3. *ЮНЕСКО. Глобальный отчет о состоянии образования в мире. Париж: ЮНЕСКО, 2021. – С. 12-15.*
4. *Министерство образования и науки Республики Казахстан. Статистический отчет о состоянии изучения иностранных языков в Казахстане. Нур-Султан, 2022. – С. 10-12.*
5. *Султанов Б.А. Инновационные технологии в образовании: вызовы и возможности. Алматы: Білім, 2021. – С. 34-40.*
6. *Rosen L.M. The Role of AI in Modern Language Education. New York: Educational Publishing, 2020. – P. 15-25.*
7. *Нурмухамбетова А.С. Искусственный интеллект как инструмент повышения качества образования. Алматы: Қазақ университеті, 2020. – С. 50-55.*
8. *Тлеубердиева М.К. Адаптивные системы обучения в контексте изучения иностранных языков. Астана: Жоғары оқу орны, 2019. – С. 22-30.*
9. *Нурмухамбетова А.С. Искусственный интеллект в образовании: новые горизонты. Алматы: Қазақ университеті, 2021. – С. 45-60.*
10. *Тлеубердиева М.К. Технологии искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам. Нур-Султан: Жоғары оқу орны, 2020. – С. 22-30.*

11. Султанов Б.А. Инновационные технологии в образовании: вызовы и возможности. Алматы: Білім, 2021. – С. 34-40.

12. Kenny J.S. Artificial Intelligence in Language Learning. New York: Educational Publishing, 2020. – P. 15-25.

13. Rosen L.M. The Role of AI in Modern Language Education. London: Academic Press, 2019. – P. 10-20.

14. Brown E.T. AI-Powered Language Learning: Trends and Innovations. San Francisco: Tech Publishing, 2021. – P. 30-40.

15. Кузнецова И.В. Искусственный интеллект в обучении иностранным языкам: новые подходы. – Москва: Наука, 2020. – С. 50-65.

16. Петров А.Н. Инновационные технологии в обучении языкам. Санкт-Петербург: Издательство "Образование", 2019. – С. 78-85.

17. Сидоров Е.А. Цифровизация образования: вызовы и возможности. Екатеринбург: Урал, 2021. – С. 15-25.

References:

1. Kuznetsova I.V. (2020). Iskusstvennyy intellekt v obrazovanii: novye podkhody i vozmozhnosti [Artificial intelligence in education: New approaches and opportunities]. Moskva: Nauka. – P. 45-60.

2. Petrov A.N. (2019). Primenenie tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v obuchenii inostrannym yazykam [Application of artificial intelligence technologies in foreign language learning]. Sankt-Peterburg: Obrazovanie. – P. 78-85.

3. UNESCO. (2021). Global'nyy otchet o sostoyanii obrazovaniya v mire [Global report on the state of education in the world]. Parizh: UNESCO. – P. 12-15.

4. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Respubliki Kazakhstan [Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan]. (2022). Statisticheskiy otchet o sostoyanii izucheniya inostrannykh yazykov v Kazakhstane [Statistical report on the state of foreign language learning in Kazakhstan]. Nur-Sultan. – P. 10-12.

5. Sultanov B.A. (2021). Innovatsionnye tekhnologii v obrazovanii: vyzovy i vozmozhnosti [Innovative technologies in education: Challenges and opportunities]. Almaty: Bılım. – P. 34-40.

6. Rosen L.M. (2020). The role of AI in modern language education. New York: Educational Publishing. – P. 15-25.

7. Nurmukhambetova A.S. (2020). skusstvennyy intellekt v obrazovanii: novye gorizonty [Artificial intelligence in education: New horizons]. Almaty: Qazaq universiteti. – P. 50-55.

8. Tleuberdieva M.K. (2019). Adaptive learning systems in the context of foreign language learning. Astana: Zhoghary oku orni. – P. 22-30.

9. Nurmukhambetova A.S. (2021). Artificial intelligence in education: New horizons. Almaty: Qazaq Universiteti. – P. 45-60.

10. Tleuberdieva M.K. (2020). Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v obuchenii inostrannym yazykam [Artificial intelligence technologies in foreign language learning]. Nur-Sultan: Zhogary oku orny. – P. 22-30.

11. Sultanov B.A. (2021). Innovatsionnye tekhnologii v obrazovanii: vyzovy i vozmozhnosti [Innovative technologies in education: Challenges and opportunities]. Almaty: Bılım. – P. 34-40.

12. Kenny J.S. (2020). Artificial intelligence in language learning. New York: Educational Publishing. – P. 15-25.

13. Rosen L.M. (2019). The role of AI in modern language education. London: Academic Press. – P. 10-20.

14. Brown E.T. (2021). AI-powered language learning: Trends and innovations. San Francisco: Tech Publishing. – P. 30-40.

15. Kuznetsova I.V. (2020). Iskusstvennyy intellekt v obuchenii inostrannym yazykam: novye podkhody [Artificial intelligence in foreign language learning: New approaches]. Moskva: Nauka. – P. 50-65.

16. Petrov A.N. (2019). Innovatsionnye tekhnologii v obuchenii yazykam [Innovative technologies in language learning]. Sankt-Peterburg: Obrazovanie. – P. 78-85.

17. Sidorov E.A. (2021). Tsifrovizatsiya obrazovaniya: vyzovy i vozmozhnosti [Digitalization of education: Challenges and opportunities]. Yekaterinburg: Ural. – P. 15-25.

IRSTI 14.35.09 10.51889/2959-5657.2025.91.1.013

Оспанов Е.Т.[1], **Иманғали Ө.*[2]
[1,2] *Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті*
Қазақстан, Алматы
e-mail: yedilbay.ospan@gmail.com
* *e-mail: orken.007@mail.ru*

АҒЫЛШЫН ТІЛІНІҢ БАСЫМ ТІЛ РЕТІНДЕ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ БІЛІМ БЕРУДЕ БАСҚА ТІЛДЕРГЕ ӘСЕРІ ҚАНДАЙ?

Аңдатпа

Бұл мақалада Қазақстандағы білім беру жүйесіндегі ағылшын тілінің басымдылығының әсері талданады. Елдің үштілділік саясаты аясында ағылшын тілі білім беру жүйесінің ажырамас бөлігіне айналды. Ағылшын тілінде оқыту халықаралық интеграцияға, ғылыми-зерттеу мүмкіндіктерінің кеңеюіне және студенттердің жаһандық еңбек нарығында бәсекеге қабілетті болуына ықпал етеді. Алайда, бұл үрдіс қазақ және орыс тілдерінің рөлін әлсіретуі, тілдік теңсіздікті күшейтуі және мәдени құндылықтардың сақталуына кері әсер етуі мүмкін. Мақалада сауалнама нәтижелеріне сүйене отырып, студенттердің ағылшын тілінің әсеріне қатысты пікірлері талданады. Зерттеу нәтижелері ағылшын тілінің білім беру жүйесіндегі артықшылықтарымен қатар, оның жергілікті тілдерге тигізетін ықтимал салдарын да көрсетеді. Осыған байланысты, мемлекеттік тіл саясаты ағылшын тілінің жаһандық мүмкіндіктерін ескере отырып, қазақ тілінің қолданыс аясын сақтау мен дамытуға бағытталуы тиіс.

Түйін сөздер: ағылшын тілі, қазақ тілі, орыс тілі, үштілділік саясаты, білім беру жүйесі, халықаралық интеграция, тілдік теңсіздік, жаһандану

Оспанов Е.Т.[1], **Имангали Ө.*[2]
[1,2]*Казахский национальный педагогический университет имени Абая*
Алматы, Казахстан
e-mail: yedilbay.ospan@gmail.com
* *e-mail: orken.007@mail.ru*

КАКОВО ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ДОМИНИРУЮЩЕГО ЯЗЫКА НА ДРУГИЕ ЯЗЫКИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАЗАХСТАНА?

Аннотация

В данной статье анализируется влияние доминирования английского языка в системе образования Казахстана. В рамках политики трёхъязычия английский язык стал неотъемлемой частью образовательного процесса. Обучение на английском языке способствует международной интеграции, расширению возможностей научных исследований и повышению конкурентоспособности студентов на глобальном рынке труда. Однако этот процесс может ослабить роль казахского и русского языков, усилить языковое неравенство и негативно сказаться на сохранении культурных ценностей. В статье рассматриваются мнения студентов на основе

результатов анкетирования. Исследование выявило как преимущества доминирования английского языка в системе образования, так и его возможные последствия для местных языков. В связи с этим государственная языковая политика должна учитывать глобальные возможности английского языка, при этом направляя усилия на сохранение и развитие сферы применения казахского языка.

Ключевые слова: английский язык, казахский язык, русский язык, политика трёхъязычия, система образования, международная интеграция, языковое неравенство, глобализация

Ospanov Y.[1], **Imangali O.*[2]
[1,2] *Abai Kazakh National Pedagogical University*
Kazakhstan, Almaty
e-mail: yedilbay.ospan@gmail.com
* *e-mail: orken.007@mail.ru*

WHAT IS THE IMPACT OF ENGLISH AS A DOMINANT LANGUAGE ON OTHER LANGUAGES IN KAZAKHSTAN'S EDUCATION SYSTEM?

Abstract

This article analyzes the impact of the dominance of the English language in Kazakhstan's education system. Within the framework of the trilingual policy, English has become an integral part of the educational process. Teaching in English contributes to international integration, expands research opportunities, and enhances students' competitiveness in the global labor market. However, this process may weaken the role of the Kazakh and Russian languages, increase linguistic inequality, and negatively affect the preservation of cultural values. The article examines students' perspectives based on survey results. The study highlights both the advantages of English language dominance in education and its potential consequences for local languages. Therefore, state language policy should consider the global opportunities of English while ensuring the preservation and development of the Kazakh language's scope of use.

Keywords: english language, Kazakh language, Russian language, trilingual policy, education system, international integration, linguistic inequality, globalization

Кіріспе. Ағылшын тілінің жаһандық тіл ретіндегі үстемдігі бүкіл әлемдегі, соның ішінде Қазақстандағы білім беру жүйелеріне елеулі әсері бар. 1991 жылы тәуелсіздік алғаннан бері Қазақстан тілдік және білім беру саласында түрлі реформалар жасауда, ал осы уақытта ағылшын тілі қазақ және орыс тілдерімен қатар үштілдік саясаттың маңызды бөлігіне айналды. Ағылшын тілі жаһанданудың негізгі құралы ретінде қарастырылса да, білім берудегі оның үстемдігінің артуы жергілікті тілдер мен мәдени идентитетке әсері туралы көптеген сұрақтар туындатуда. Бұл мақалада Қазақстандағы білім беруде ағылшын тілінің үстемдігінің әсері, оның артықшылықтары, қиындықтары және тілдік әртүрлілікке әсері жоғары оқу орындарында (ЖОО) оқып жатқан студенттерден сауалнама алу арқылы қарастырылады.

Қазақстан Республикасының (ҚР) білім беру саласында ағылшын тілін енгізуі оның жаһандық бәсекеге қабілеттілік пен интеграцияға деген ұмтылысымен тығыз байланысты. Қазіргі таңда ҚР Үкіметі ағылшын тілін үштілді саясаттың бір бөлігі ретінде белсенді түрде қолдауда. Осылайша бұл саясат азаматтардың қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде жетік білімге қол жеткізуін қамтамасыз етуді көздейді. Бұл елдегі көптілділікті дамыту арқылы жаһандық қауымдастықпен экономикалық және мәдени байланыстарды нығайтудың стратегиялық мақсатын көрсетеді [1].

Ағылшын тілінде білім беруді енгізу Қазақстанда маңызды тенденцияға айналды. Көптеген университеттер, әсіресе ғылым, технология және бизнес салалары бағытында мамандар даярлау

барысында өз бағдарламалары үшін ағылшын тілін оқыту тілі ретінде қолдана бастады. Бұл өзгеріс Қазақстанның ЖОО-ларының Болонья үдерісіне қатысуымен және бұл үдеріс жоғары білім жүйелерін Еуропа бойынша, сондай-ақ одан тыс жерлердегі білім беру үдерісімен үйлестіруді көздейді [2]. Дегенмен, білім беруде ағылшын тілінің тез таралуы ағылшын тілін қолдау мен қазақ және орыс тілдерін ұлттық және мәдени тілдер ретінде сақтау арасындағы қарама-қайшылықтарды тудырды.

ҚР білім берудегі саласындағы ағылшын тілінің тиімділігі мен кемшілігі

Ағылшын тілін ҚР білім беру жүйесіне енгізу жаһандық академиялық және кәсіби мүмкіндіктерге жол ашты. Ағылшын тілін меңгеру студенттерге халықаралық зерттеулерге қол жеткізуге, академиялық ұтқырлық бағдарламаларына қатысуға және халықаралық ұйымдарда мансап құруға мүмкіндік береді. Мысалы, Қазақстан университеттеріндегі ағылшын тіліндегі бағдарламалар студенттердің жұмысқа орналасу мүмкіндігін туғызып, жаһандық еңбек нарығында бәсекеге қабілеттілігін арттырды [3]. Бұл үкіметтің жаһандық деңгейде байланысқан және білікті кадрлар құруға бағытталған бағдарламалардың жемісі.

Сонымен қатар ағылшын тілі академиялық ынтымақтастық үшін ортақ тіл қызметін атқарады, бұл қазақстандық зерттеушілер мен студенттерге халықаралық әріптестерімен өзара әрекеттесуге мүмкіндік береді. Ағылшын тілінің академиялық басылымдар мен конференцияларда қолданылуы қазақстандық ғалымдардың жаһандық деңгейде танылуын арттырды. Бұл, әсіресе, ғылым мен технология сияқты ағылшын тілі негізгі байланыс құралы болып табылатын салалар үшін өте пайдалы екені анық.

Жалпы ҚР білім беру жүйесінде ағылшын тілінің қолданысын арттыру Қазақстандағы жаңғыру мен дамудың символы ретінде қарастырылады. Жастар арасында ағылшын тілін меңгеру арқылы тұлғалық даму мен қоғамдағы әлеуметтік беделге ие болуға болатыны туралы сенім басым [4]. Ағылшын тілінде білім беру арқылы Қазақстан өзін жаһандық қауымдастықпен тығыз байланыс орнатуға дайын, болашаққа бағытталған ел ретінде көрсетеді. Бұл тілдік саясат елдің халықаралық деңгейдегі бәсекеге қабілеттілігін арттырып, жаһандық үдерістертен тыс қалмауға мүмкіндік береді.

Дегенмен білім беруде ағылшын тіліне баса назар аударудың артуы қазақ және орыс тілдерінің шеттетілуіне қатысты алаңдаушылық туғызуда, өйткені бұл тілдер елдің мәдени және тілдік болмысының ажырамас бөлігі болып табылады. Қазақ тілі – мемлекеттік тіл, ал орыс тілі кеңінен қолданылатын тіл болғанымен, академиялық және кәсіби ортада ағылшын тілінің басымдыққа ие болуы олардың мәртебесін әлсіретуі мүмкін. Мысалы, ағылшын тілінде оқытылатын бағдарламаларда білім алатын студенттер қазақ тілін жетік меңгеруде қиындықтарға тап болуы мүмкін, бұл оның біріктіруші ұлттық тіл ретіндегі рөлін бәсеңдету қауіпін туындатады [1].

Білім беруде ағылшын тілінің басым болуы Қазақстандағы қалалық және ауылдық аймақтар арасындағы айырмашылықтардың одан сайын ұлғаюына алып келуде. Қалалық мектептер мен университеттер ағылшын тілінде оқытуға жақсырақ жабдықталған болса, ауылдық білім беру мекемелері көбінесе қажетті ресурстар мен білікті мамандардың жетіспеушілігіне тап болады. Бұл теңсіздік ауылдық жерлердегі студенттердің ағылшын тілінде білім алу мүмкіндіктерін шектеп, өңірлік білім беру нәтижелеріндегі алшақтықты одан әрі тереңдетеді [1].

Сондай-ақ білім беруде ағылшын тіліне басымдық беру мәдени құндылықтардың әлсіреуіне ықпал етуі мүмкін, өйткені студенттер өз ана тілдері мен дәстүрлерін сақтаудан гөрі шет тілін үйренуге көбірек көңіл бөледі. Бұл әсіресе Қазақстан сияқты көптілді қоғам үшін өзекті мәселе, өйткені тілдік әртүрлілік – елдің мәдени мұрасының маңызды бөлігі. Жас ұрпақтың ағылшын тілін бедел мен мүмкіндіктердің тілі ретінде көруі қазақ және орыс тілдерінің күнделікті өмірде қолданылуын азайтуы мүмкін [4].

Сонымен қатар ағылшын тілінде білім беруге көшу ағылшын тілін жетік меңгермеген студенттер мен мұғалімдер үшін қиындықтар туғызады. Көптеген студенттер шет тілінде күрделі академиялық ұғымдарды түсінуде қиналып, бұл олардың үлгеріміне кері әсер етуі мүмкін. Сол сияқты, мұғалімдер де, әсіресе арнайы терминологияны қажет ететін пәндер бойынша,

ағылшын тілінде сапалы білім беруде қиындықтарға тап болуы мүмкін [4].

Жалпы ҚР тілдердің өзара әсері біршама зерттелген. Абдығалиева және басқалар қазақ және ағылшын тілдеріндегі сөйлеу этикетінің формулаларын этнолингвомәдени ерекшеліктер тұрғысынан қарастырып, ағылшын тіліндегі сыпайылық деңгейін талдайды [5]. Бұл қазақ тіліндегі коммуникативтік нормалардың ағылшын сөйлеу мәдениетімен салыстырғанда өзіндік ерекшеліктері бар екенін көрсетеді. Алшынбекова мен Жұманбекова [6] қазақ, орыс, ағылшын және қытай тілдеріндегі фразеологиялық бірліктерді зерттей отырып, эмоцияларды білдірудегі ерекшеліктерді анықтайды. Бұл тілдер арасындағы семантикалық ұқсастықтар мен айырмашылықтарды көрсетіп, мәдениаралық коммуникацияның маңыздылығын ашады. Рысбекқызы [7] қазақ және ағылшын тілдеріндегі туыстық атауларды зерттеу арқылы мәдениаралық құзыреттілікті арттыруға бағытталған тиімді оқыту әдістерін ұсынады. Ол екі тілдегі туыстық жүйенің айырмашылықтарын салыстыра отырып, оқытудың жаңа әдістерін ұсынады. Хамитова және басқалар [8] ағылшын тіліндегі түркілік кірме сөздердің бейімделуін зерттейді. Олар тек қазақ тілінен ғана емес, араб, моңғол, парсы, татар және өзбек тілдерінен енген сөздердің де ағылшын тілінің лексикалық қорын байытқанын атап өтеді. Бұл зерттеулер қазақ тілінің ағылшын тілімен өзара ықпалдасуының әртүрлі аспектілерін қарастырып, тілдік және мәдени әсерлердің жан-жақты зерттеліп жатқанын көрсетеді.

Бірақ ағылшын тілінің ҚР ЖОО-ларында оқып жатқан студенттері жөніндегі пікірі бойынша зерттеулер жасалмаған. Білім беруде ағылшын тілінің басым болуы Қазақстанға жаһандық білімге қолжетімділік, академиялық ынтымақтастықтың артуы және мансаптық мүмкіндіктердің кеңеюі сияқты елеулі артықшылықтар әкелді. Алайда бұл тілдік теңсіздік, мәдени құндылықтардың әлсіреуі және қазақ пен орыс тілдерінің шеттетілуі сияқты қиындықтарды да тудырды. Мақала ЖОО студенттерінің ағылшын тілінің білім алу барысына тигізіп жатқан әсерін эмпирикалық бағытта зерттеуге бағытталады.

Әдістер мен материалдар. ЖОО студенттерінің ағылшын тілінің өз ана тілінде білім алу барысына тигізетін әсерін білу мақсатында сауалнама алынды. Сауалнама қазақ тілінде жазылды және «Google Формы» арқылы құрылып, ЖОО оқу орнында оқып жатқан 520 студентке таратылды. Бірақ сауалнамаға 215 студент қана жауап берді. Сауалнама ерікті және зерттеуге қатысудан кез келген уақытта бастартуға болатындығы жөнінде сауалнамада жан-жақты түсіндіріліп жазылды.

Зерттеу жұмысына қатысушы 215 студент туралы ақпаратты 1-кестеден көруге болады. Бұл зерттеуге әртүрлі категориялар бойынша студенттер қатысты. Кестеде жыныс, курс, негізгі қолданыстағы тіл және мамандық сияқты негізгі категориялар бойынша деректер келтірілген. Бұл мәліметтер студенттердің демографиялық құрылымын талдауға мүмкіндік береді.Жынысы бойынша әйелдер саны 194 адамды (90%) құрайды, ал ерлер саны 21 адамды (10%) құрайды. Курс бойынша бірінші курс студенттері ең көп санынан тұрады (117 адам, 54%), ал екінші курс студенттері ең аз саныннан тұрады (11 адам, 5%). Негізгі қолданыстағы тіл бойынша қазақ тілін пайдаланатындар саны 206 адамды (96%) құраса, ал 7 адамды орыс тілін пайдаланатындар (3%) болып шықты. Ұйғыр тілін пайдаланатындар саны 2 адамды (1%) құрайды. 145 адам (67,5%) мамандық бойынша жарастылыстану саласындағы студенттер болып шықты. Гуманитарлық саладағы студенттер саны 70 адамды (32,5%) құрайды.

Кесте 1. *Зерттеуге қатысушылар*

Категориясы	**Саны**	**Пайызы**
Жынысы		
Ер	21	10%
Әйел	194	90 %
Курс		
1	117	54 %
2	67	29 %

3	11	5 %
4	20	16 %
Негізгі қолданыс тілі		
Қазақ	206	96 %
Орыс	7	3 %
Ұйғыр	2	1 %
Мамандығы		
Жарастылыстану	145	67,5 %
Гуманитарлық	70	32,5 %
Жалпы саны	215	100 %

Нәтижелер және талқылау. ҚР ЖОО-ларында ағылшын тілінің маңыздылығы жыл санап артуда. Ағылшын тілі тек пән ретінде оқытылып қоймай, таза ағылшын тілінде білім беретін мамандықтар ашылуда. Ал қазақ тілінде ғана білім алатын студенттердің өздері де ағылшын тіліндегі материалдарды оқуына, пайдалануына тура келетін жайттар күннен-күнге артуда. Бұл білім беру жүйесінің жаһандық бәсекеге қабілеттілігінің артуына жан-жақты мүмкіндік берері анық.

Кесте 2. *Ашық сұрақтар*

Сұрақтар	**Келісемін**	**Келіспеймін**	**Бейтарап**	**Толық келісемін**	**Толық келіспеймін**
Ағылшын тілінен енген сөздері қолдану сіздің пәнді түсінуіңізге ықпалын тигізеді ме?	23,7 %	15,8 %	49,8 %	1,9 %	8,8 %
Қазіргі білім беру саласында ағылшын тілінен енген сөздердің болуы қажет деп санайсыз ба?	15,3 %	23,3 %	44,7 %	10,2 %	6,5 %

Бұл кесте ағылшын тілінен енген сөздердің пәндерді түсінуге ықпалы мен білім беру саласында олардың қажеттілігі туралы сауалнама нәтижелерін көрсетеді. Сауалнама бойынша, ағылшын тілінен енген сөздердің пәндерді түсінуге ықпалын 23,7% респондент қолдаса, 15,8% қарсы болған. Білім беру саласында ағылшын тілінен енген сөздердің болуы қажет деп 15,3% респондент санаса, 23,3% бұл пікірге қарсы шықты. Респондентердің көпшілігі (49,8% және 44,7%) бұл мәселелерге бейтарап көзқарас білдірген.

1-диаграмма

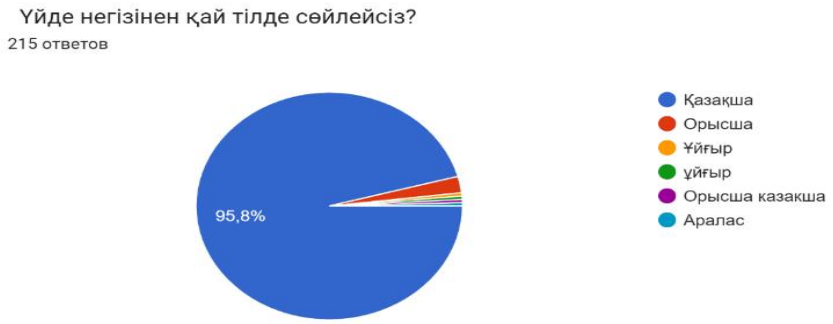


Диаграмма нәтижелеріне сәйкес, респонденттердің басым бөлігі (95,8%) үйде негізінен қазақ тілінде сөйлейтінін көрсеткен. Бұл қазақ тілінің отбасы деңгейінде негізгі қарым-қатынас құралы

екенін және оның күнделікті өмірде кеңінен қолданылатынын білдіреді. Орысша, ұйғыр және аралас тілде сөйлейтіндердің үлесі өте аз, бұл қазақ тілінің үй жағдайында басымдыққа ие екенін растайды. Жалпы, бұл көрсеткіш қазақ тілінің тұрмыстық қолданыстағы орнының нығайғанын көрсетеді.

2-диаграмма

Сауалнама нәтижесі бойынша (2-диаграмма), қатысушылардың басым бөлігі (40,5%) ағылшын тілінен енген сөздерді анда-санда кездестіретінін айтқан. Ал 28,8% жиі ұшырататынын, 27% сирек кездесетінін мәлімдеген. Демек, ағылшын сөздерінің қолданысы айтарлықтай байқалғанымен, ол барлық жерде бірдей таралмаған.

3-диаграмма

Сауалнама нәтижесіне сәйкес, ағылшын тілінен енген сөздер көбінесе **технология / информатика** пәнінде кездеседі (64,7%). **Тіл** пәнінде 17,2%, ал **гуманитарлық ғылымдарда** 14,9% байқалады. **Математика** мен **ағылшын тілі** пәндерінде бұл көрсеткіш өте төмен. Бұл мәліметтер ағылшын тілінің ғылыми-техникалық салаларда көбірек қолданылатынын көрсетеді.

4-диаграмма

Сауалнама нәтижелері бойынша, респонденттердің 53% ағылшын тілінен енген сөздерді академиялық жазылымда ыңғайлы деп санайды, ал 20,9% оларды қолдануды ыңғайсыз немесе өте ыңғайсыз деп бағалайды. Бұл ағылшын тілінің сөздерін қолданудың барлығы үшін бірдей ыңғайлы емес екенін көрсетеді.

5-диаграмма

Диаграмма нәтижелері көрсеткендей, ағылшын тілінен енген сөздердің қазақ тіліне әсері туралы пікірлер әртүрлі. Ең үлкен үлес (37,2%) бұл құбылысты заман талабына сай жаһандану бір бөлігі ретінде қабылдап, оны тілдің дамуына ықпал ететін фактор деп санайды. Алайда, 36,3% респондент бұл үрдіс шатасуға алып келеді деп есептейді, бұл қазақ тілінің құрылымдық өзгерістерге ұшырау қаупін білдіреді. Сонымен қатар, 22,3% жауап берушілер ағылшын тілінің ықпалы қазақ тілінің маңыздылығын төмендетеді деп алаңдаушылық білдірген. Жалпы, мәліметтер тілдік өзгерістерге деген көзқарастардың екіжақты екенін және қоғамда бұл мәселеге қатысты алаңдаушылық бар екенін көрсетеді.

Ағылшын тілі түрлі механизмдер арқылы жаһандық доминант тілге айналды, оның ішінде ғаламдану, интернет және халықаралық институттар бар. Кристал ағылшын тілінің отаршылдық арқылы таралуын және кейіннен ағылшын тілінде сөйлейтін мәдениеттердің бүкіл әлемге жайылуын талқылайды [9]. Қазіргі уақытта ағылшын тілінің ықпалы технология, дипломатия және ойын-сауық салаларында артты. Ағылшын тілі көптеген халықаралық ұйымдарда жұмыс тілі ретінде қолданылып, оның ғаламдық орнын одан әрі нығайтуда [10]. Жүргізілген сауалнама нәтижелері бұл мәселенің қоғамда өзекті екендігін көрсетеді. Пікірлерді талдай келе, ағылшын тілінің қазақ тіліне ықпалына қатысты көзқарастардың әртүрлі екенін байқауға болады.

Ағылшын тілінің ғаламдық доминанттығының маңызды салдары – ол азшылық тілдеріне төндірген қауіп. Біріккен Ұлттар Ұйымының Білім, Ғылым және Мәдениет Ұйымы мәліметі бойынша, әлемдегі тілдердің 40%-ы жойылып кету қаупіне ұшыраған, ал ағылшын тілінде сөйлейтін елдер мен олардың тіл саясаты көбінесе жергілікті тілдердің жоғалуына себепкер болады [11]. Фишман тіл ауысымы жиі азшылық тілдерін сөйлейтіндер ағылшын тілін экономикалық, білім беру немесе әлеуметтік мобильділік үшін қабылдаған кезде орын алатынын атап көрсетеді [12]. Ағылшын тілі тараған сайын көптеген қауымдастықтар өздерінің ана тілдерін ағылшын тілін үйрену үшін тастауға мәжбүр болып, бұл тілдік әртүрліліктің біртіндеп жоғалуына әкеледі [13]. Респонденттердің бір бөлігі ағылшын тілінің ықпалын оң бағалайды. Олар бұл үдерісті ғылым мен техниканың дамуына, жаңа терминологияның қалыптасуына және қазақ тілінің заманауилануына мүмкіндік беретін фактор ретінде қарастырады. Ағылшын тілінен енген сөздер кейбір респонденттердің пікірінше, қазақ тілінің сөздік қорын кеңейтіп, оны халықаралық деңгейге жақындатады. Сонымен қатар, көптілділік білім мен мансап мүмкіндіктерін арттырады деген көзқарас та жиі кездеседі.

Ағылшын тілінің өсуі көптеген аймақтарда тіл ауысымына әкелді. Кейбір жағдайларда, бір ұрпақ балалар өздерінің жергілікті тілдерін енді үйренбейді. Бұл ауысым әлемнің әртүрлі

бөліктерінде байқалады, Латын Америкасындағы жергілікті тілдерден бастап, Еуропадағы аймақтық диалектілерге дейін [14]. Бір мысал ретінде Уэльс жағдайын айтуға болады, мұнда ағылшын тілінің үстемдігі уэльс тілінің құлдырауына себеп болды [15]. Сонымен қатар, көптеген елдердің білім беру жүйесі қазір ағылшын тілінің білгірлігін жергілікті тілдерді үйретуден басымырақ етіп отыр, бұл үрдіске үлес қосуда [16]. Зерттеу барысындағы сауалнама нәтижелері қазақ тілінің болашағына қатысты алаңдаушылықтың да бар екенін айғақтайды. Кейбір респонденттер ағылшын тілінен енген кірме сөздердің қазақ тілінің табиғи құрылымын бұзатынын, тілдің шұбарлануына және ұлттық бірегейліктің әлсіреуіне алып келетінін атап өткен. Сондай-ақ, ағылшын тілінің ықпалы қазақ тілінің мәртебесін төмендетуі мүмкін деген пікірлер бар. Бұл әсіресе жастар арасында ана тілін меңгеру деңгейінің төмендеуіне алып келуі ықтимал.

Жалпы, зерттеу нәтижелері ағылшын тілінің қазақ тіліне екіжақты әсер ететінін көрсетті. Оның жағымды тұстары қатарында жаңа мүмкіндіктер мен заманауилық тұрса, жағымсыз жақтары ұлттық тілдің қолданыс аясын тарылту қаупімен байланысты. Осыған орай, мемлекеттік тіл саясаты қазақ тілінің дамуын қамтамасыз ететін теңгерімді стратегияны ұстануы қажет.

Қорытынды. Қазақстандағы білім беру жүйесінде ағылшын тілінің басым болуы елдің халықаралық аренада бәсекеге қабілеттілігін арттыруға септігін тигізуде. Ағылшын тілі арқылы студенттер жаһандық ресурстарға қол жеткізіп, ғылыми және кәсіби ортада кең мүмкіндіктерге ие болуда. Сонымен қатар, ағылшын тілінің кеңінен қолданылуы қазақ және орыс тілдерінің білім беру саласындағы орнын өзгертіп, тілдік теңсіздікке әкелуі мүмкін. Зерттеу нәтижелері студенттердің ағылшын тілінің маңыздылығын мойындай отырып, оның ана тілдеріне ықпалын елеулі мәселе ретінде қарастыратынын көрсетті. Сондықтан, елдің тіл саясаты тілдік әртүрлілікті сақтауға және ағылшын тілін ұлттық ерекшеліктермен үйлестіре дамытуға бағытталуы қажет. Бұл Қазақстанның мәдени тұтастығын сақтай отырып, білім беру сапасын арттыруға мүмкіндік береді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Makhanov K. The Trends of Language Shift in Education in Kazakhstan. Retrieved from https://www.eurasian-research.org/publication/the-trends-of-language-shift-in-education-in-kazakhstan/

2. Seitzhanova A., Plokhikh R., Baiburiev R., Tsaregorodtseva A. English as the medium of instruction: New trend of education in Kazakhstan // Internationalisation in Higher Education: Management of Higher Education and Research. April 13, 2015. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/307819672_New_trend_of_education_in_Kazakhstan_English_as_the_medium_of_instruction

3. Goodman B., Yessenbekova K., Curle S. English-medium education in Kazakhstan: A multifaceted exploration of student and alumni perceptions on language proficiency, academic performance, and career prospects // International Journal of Educational Research. - Volume 128, 2024, 102451 Retrieved from https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0883035524001368

4. Akynova D., Zharkynbekova S., Agmanova A., Aimoldina A., Dalbergenova L. Language Choice Among the Youth of Kazakhstan: English as a Self-Representation of Prestige // Procedia - Social and Behavioral Sciences 143. August 2014. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/275543997_Language_Choice_Among_the_Youth_of_Kazakhstan_English_as_a_Self-Representation_of_Prestige

5. Абдыгалиева Н.Н., Смағұлова Г.Н., Иргатоглу А. Қазақ-ағылшын тілдеріндегі сөйлеу этикетінің этно-лингвомәдени ерекшеліктері // Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ Хабаршысы. Филология сериясы. No 4(149) / 2024. 8-21 б. DOI: https://doi org/10.32523/2616-678X-2024-149-4-8-21

6. Алшынбекова М.С., Жуманбекова Н.З. Қазақ, орыс, ағылшын, қытай тілдеріндегі фразеологиялық бірліктерді салыстырмалы талдау // Қарағанды университеті Хабаршысы. Филология сериясы. No4(108)/2022. 92-98 б. DOI 10.31489/2022Ph4/92-98

7. Рысбекқызы Г. Қазақ және ағылшын тілдеріндегі туыстық атаулар – мәдениетаралық құзыреттілікті қалыптастыру құралы // Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ Хабаршысы. Филология сериясы. № 3(144)/2023. 120-135 б. DOI: https://doi org/10.32523/2616-678X-2023-144-3-120-135

8. Хамитова Ш.А., Тайшыбай З.С., Адилова А.С. Ағылшын тіліндегі түркі кірме сөздерінің қолданылуы // Қарағанды университеті Хабаршысы. Филология сериясы. № 1(105)/2022. 22-27 б. DOI 10.31489/2022Ph1/22-27

9. Crystal D. English as a global language. Second edition. Cambridge University Press.

10. Pennycook A. Global Englishes and Transcultural Flows. London and New York: Routledge, 2007, ISBN: 978-0-415-37497-2

11. UNESCO. Atlas of the World's Languages in Danger. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Retrieved from https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000187026

12 . Fishman J.A. Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages. Multilingual Matters. Retrieved from https://books.google.kz/books?id=ah1QwYzi3c4C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false

13. García O. Bilingual education in the 21st century: A global perspective. Wiley-Blackwell. DOI:10.1017/S0047404513000304

14. Hale K. Language endangerment and the human value of linguistic diversity. Language, 68(1), 1-42. Retrieved from https://doi.org/10.1353/lan.1992.0052

15. Jones M. Language and identity in Wales. University of Wales Press. March 2019. Geography 104(1):19-27. DOI:10.1080/00167487.2019.12094058

16. Canagarajah S. Changing communicative practices in a globalizing world. Journal of Language, Identity & Education, 5(4). – P. 251-268.

References:

1. Makhanov K. The Trends of Language Shift in Education in Kazakhstan. Retrieved from https://www.eurasian-research.org/publication/the-trends-of-language-shift-in-education-in-kazakhstan/

2. Seitzhanova A., Plokhikh R., Baiburiev R., Tsaregorodtseva A. (2015). English as the medium of instruction: New trend of education in Kazakhstan // Internationalisation in Higher Education: Management of Higher Education and Research. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/307819672_New_trend_of_education_in_Kazakhstan_English_as_the_medium_of_instruction

3. Goodman B., Yessenbekova K., Curle S. (2024). English-medium education in Kazakhstan: A multifaceted exploration of student and alumni perceptions on language proficiency, academic performance, and career prospects // International Journal of Educational Research. - Volume 128. Retrieved from https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0883035524001368

4. Akynova D., Zharkynbekova S., Agmanova A., Aimoldina A., Dalbergenova L. (2014). Language Choice Among the Youth of Kazakhstan: English as a Self-Representation of Prestige // Procedia - Social and Behavioral Sciences. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/275543997_Language_Choice_Among_the_Youth_of_Kazakhstan_English_as_a_Self-Representation_of_Prestige

5. Abdygalieva N.N., Smagulova G.N., Irgatoglu A. (2024). Ethno-linguocultural Features of Speech Etiquette in Kazakh and English // Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Philology Series. No. 4(149). pp. 8-21. DOI: https://doi.org/10.32523/2616-678X-2024-149-4-8-21

6. Alshynbekova M.S., Zhumbekova N.Z. (2022). Comparative Analysis of Phraseological Units in Kazakh, Russian, English, and Chinese // Bulletin of Karaganda University. Philology Series. No. 4(108). – P. 92-98. DOI: 10.31489/2022Ph4/92-98

7. Rysbekkyzy G. (2023). Kinship Terms in Kazakh and English as a Tool for Developing Intercultural Competence // Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Philology Series. No. 3(144). – P. 120-135. DOI: https://doi.org/10.32523/2616-678X-2023-144-3-120-135

8. Khamitova Sh.A., Taishybay Z.S., Adilova A.S. (2022). The Usage of Turkic Loanwords in the English Language // Bulletin of Karaganda University. Philology Series. No. 1(105). – P. 22-27. DOI: 10.31489/2022Ph1/22-27

9. Crystal D. English as a global language. Second edition. Cambridge University Press.

10. Pennycook A. (2007). Global Englishes and Transcultural Flows. London and New York: Routledge, ISBN: 978-0-415-37497-2

11. UNESCO. Atlas of the World's Languages in Danger. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Retrieved from https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000187026

12. Fishman J.A. Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages. Multilingual Matters. Retrieved from https://-books.google.kz/books?id=ah1QwYzi3c4C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false

13. García O. Bilingual education in the 21st century: A global perspective. Wiley-Blackwell. DOI:10.1017/S0047404513000304

14. Hale K. Language endangerment and the human value of linguistic diversity. Language, 68(1), 1-42. https://doi.org/10.1353/lan.1992.0052

15. Jones M. (2019). Language and identity in Wales. University of Wales Press. Geography 104(1):19-27. DOI:10.1080/00167487.2019.12094058

16 .Canagarajah, S. Changing communicative practices in a globalizing world. Journal of Language, Identity & Education, 5(4). – P. 251-268.

АУДАРМАТАНУ
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ
TRANSLATION STUDIES

МРНТИ 16.31.41 10.51889/2959-5657.2025.91.1.014

**Жаткин Д.Н.[1], Сердечная В.В.[2]*
[1]Пензенский государственный технологический университет
Пенза, Россия
[2]Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия
**e-mail: ivb40@yandex.ru*
e-mail: rintra@yandex.ru

И.М. САБАШНИКОВ (ЮРИНСКИЙ) – ПЕРЕВОДЧИК ЭДВИНА АРНОЛЬДА

Аннотация

В предлагаемой статье рассматривается вклад И.М. Сабашникова (1855-1931) в популяризацию творчества Э. Арнольда в России в конце XIX – начале XX века. Подробно анализируются особенности его стихотворного перевода поэмы «Свет Азии» (1891), сопоставляются с первым русским переводом А.Н. Анненской (1890). Отмечаются случаи отступления от оригинала, обусловленные как языковыми различиями, так и стремлением переводчика к русификации и эмоциональной окраске текста. Особое внимание уделяется анализу перевода «Беседы Будды» (1892) и поэмы «Тайна смерти» (1892), а также предпринятой Сабашниковым попытке перевода христианского эпоса Арнольда «Свет мира» (1917). В статье также анализируются читательские отзывы на перевод «Света Азии», в частности, заметки Н.С. Лескова и Д.И. Менделеева.

Ключевые слова: И.М. Сабашников, Эдвин Арнольд, «Свет Азии», перевод, русификация, буддизм, ориентализм, Н.С. Лесков, Д.И. Менделеев

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации работ по гранту Российского научного фонда № 24-18-00040 «Эволюция русского поэтического перевода в контексте идейных концепций литературных журналов второй половины XIX века».

**Жаткин Д.Н.[1], Сердечная В.В.[2]*
[1]Пенза мемлекеттік технологиялық университеті
Пенза, Ресей
[2]Кубань мемлекеттік университеті
Краснодар, Ресей
**e-mail: ivb40@yandex.ru*
e-mail: rintra@yandex.ru

И.М. САБАШНИКОВ (ЮРИНСКИЙ) – ЭДВИН АРНОЛЬДТЫҢ АУДАРМАШЫСЫ

Аңдатпа

Ұсынылған мақалада И.М. Сабашниковтың (1855-1931) XIX ғасырдың аяғы мен XX ғасырдың басында Ресейде Э. Арнольдтың шығармашылығын танымал етуге қосқан үлесі қарастырылады. Оның “Азия Нұры” (1891) поэмасының поэтикалық аудармасының ерекшеліктері егжей-тегжейлі талданады, А.Н. Анненскаяның (1890) алғашқы орыс аудармасымен салысты-

рылады. Түпнұсқадан ауытқу жағдайлары тілдік айырмашылықтарға да, аудармашының мәтінді орыстандыруға және эмоционалды бояуға деген ұмтылысына да байланысты. «Будданың әңгімелері» (1892) мен «Өлім құпиясы» (1892) поэмасының аудармасын, сондай-ақ Сабашниковтың Арнольдтың «Әлем нұры» (1917) христиан эпосын аудару әрекетін талдауға ерекше назар аударылады. Мақалада сонымен қатар «Азия жарығы» аудармасына оқырмандардың пікірлері, атап айтқанда Н.С. Лесков пен Д.И. Менделеевтің жазбалары талданады.

Түйін сөздер: И. М. Сабашников, Эдвин Арнольд, «Азия Нұры», аударма, орыстандыру, буддизм, Шығыстану, Н.С. Лесков, Д.И. Менделеев

*Zhatkin D.[1], Serdechechnaya V.[2]
[1]Penza State Technological University
Penza, Russia
[2]Kuban State University
Krasnodar, Russia
*e-mail: ivb40@yandex.ru
e-mail: rintra@yandex.ru

I.M. SABASHNIKOV (YURINSKY) – TRANSLATOR OF EDWIN ARNOLD

Abstract

The proposed article considers the contribution of I.M. Sabashnikov (1855-1931) to the popularization of E. Arnold's work in Russia in the late XIX - early XX century. The features of his verse translation of the poem “The Light of Asia” (1891) are analyzed in detail and compared with the first Russian translation by A.N. Annenskaya (1890). The cases of deviation from the original are noted, caused by both linguistic differences and the translator's desire for Russification and emotional coloring of the text. Special attention is paid to the analysis of the translation of “Buddha's Talk” (1892) and the poem “The Mystery of Death” (1892), as well as Sabashnikov's attempt to translate Arnold's Christian epic “The Light of the World” (1917). The article also analyzes reader responses to the translation of The Light of Asia, in particular, the notes of N.S. Leskov and D.I. Mendeleev.

Keywords: I.M. Sabashnikov, Edwin Arnold, “Light of Asia”, translation, Russification, Buddhism, Orientalism, N.S. Leskov, D.I. Mendeleev

Введение. Одним из первых русских интерпретаторов произведений известного английского поэта Эдвина Арнольда был Иван Михайлович Сабашников (1855–1931), врач-психиатр, полиглот, публиковавший в 1890-е гг. свои переводы под псевдонимом И. Юринский. Его племянница Маргарита, впоследствии муза Максимилиана Волошина, известная художница, тепло вспоминая о дяде, так писала о событиях, произошедших на Пасху в 1895 г.: «Поздней ночью мы вернулись домой к обильному и нарядному пасхальному столу и я получила пасхальный подарок – книгу “Светило Азии” Эдвина Арнольда, переведенную моим дядей Иваном с английского <…> Я сейчас же начала читать, и книга захватила меня так, что я не могла не “протанцевать” ее через всю анфиладу комнат. Танец был моим прибежищем и в радости, и в горести» [1, 67].

Сабашников обращается к творчеству Арнольда много чаще других русских интерпретаторов. Так, в 1891 г. он публикует стихотворный перевод «Светила Азии» [2] (второе издание – 1895 г. [3]); годом позже – перевод поэмы «Тайна смерти» [4] и отрывка «Беседа Будды» [5]; наконец, в 1917 г. – перевод христианского эпоса Арнольда «Свет мира» [6].

Методы и материалы. Поэму «The Light of Asia» Сабашников опубликовал под названием «Светило Азии», а не «Свет Азии», несколько сужая семантику слова «light»: не свет сам по себе, а источник света. Если русские издания «Света Азии» 1890 и 1893 годов (перевод А.Н.

Анненской под редакцией В.В. Лесевича) отличались наличием вводных и заключительных материалов культурологического и религиоведческого характера, то перевод Сабашникова был опубликован без каких-либо приложений, не считая небольшого словаря имен и понятий; при этом было опущено и предисловие к поэме, написанное самим Арнольдом.

В отличие от первого интерпретатора А.Н. Анненской, Сабашников переводит поэму в стихах, стремясь выдерживать основной размер оригинала – пятистопный ямб; этот размер в русской поэзии, как и в английской, восходит к античной драме, и обычно воплощается «в медитативные стихотворения, стилизованные под драматический монолог» [7, 393], так что можно говорить о наследовании не только размера, но и его семантического наполнения в стихотворной традиции. Очевидно, что задачей переводчика стало представление интерпретируемого текста как художественного (поэтического) произведения, а не трактата религиозной или философской тематики.

Результаты и обсуждения. Сабашников в основном следует оригиналу и в разбивке текста на строфы. Однако он не придерживается принципа эквилинеарности: переводная поэма значительно длиннее исходной. Так, если у Арнольда в восьмой книге 560 строк, то в переводе Сабашникова – 858. Это обстоятельство может быть отчасти обусловлено различной длиной слов в русском и английском языках, но зачастую пренебрежение эквилинеарностью ведет к тому, что перевод становится раздутым, а афористический стиль оригинала – размытым.

Сабашников в отдельных случаях обращается к транслитерации вставок на санскрите: «Ом, татсавитурварениам / Бхарго девасийя дхимаги…» [2, 11], в других случаях принимает решение отказаться от их передачи – например, речь Будды после его откровения он дает в русском переводе, а в сноске предлагает английский вариант транслитерации [2, 177-178].

С самого начала перевода можно отметить наличие многочисленных вольных замен. Так, в первой строфе Будда назван не «спасителем мира» («Saviour of the World», [8, 1]), а «подателем отрады» [8, 3]), – вероятно, для того чтобы избежать очевидных и небезопасных христианских параллелей. Важной задачей интерпретируемого произведения становится передача понятий буддизма и индуизма – в особенности в силу упоминавшегося ранее практически полного отсутствия в книге необходимых справочных материалов. Решения Сабашникова, в основном, не отличаются от вариантов прочтения, предложенных Анненской и редактором ее перевода Лесевичем, например, сохраняются традиционные названия богов Сива и Лукшми; и только в ряде случаев появляются новые варианты, в частности «Dhyana» переведена несколько иначе – «Дхияна» [2, 21]. Следуя за автором, переводчик старается приводить понятия, данные на санскрите, – например, в эпизоде, когда маленький Будда «учится» считать: «За нею ката, чтоб считать в ночи / Мирьяды звезд, там коти-ката – капли / Воды в морях…» [2, 12].

Многие понятия, реалии переводятся транслитерацией, при этом их смысл читатель должен домыслить: «Дух Севера с своими в золотой / Одежде Якшами…» [2, 7], – и только значительно позже будет упомянуто, что якши – разновидность духов. Аналогично переводу Анненской, понятие «Devas» непоследовательно передается то как «боги», то как «духи», то как «девы». В описании духа Запада [2, 6] не упомянута его колоритная свита из «нагов», т. е. полузмей. Неточно переданы функции некоторых богов, из тех, что смущают и искушают Будду перед его откровением. Так, например, одним из искусителей становится бог чувственности Рупарага: «Lust of days – / That sensual Sin which out of greed for life / Forgets to live» [8, 164]) [Сладострастие существования, тот чувственный Грех, что из ненасытности жизни забывает жить]; у Сабашникова это значение утрачивается, и божество оказывается чуть ли не воплощением тяги к суициду: «Рупарага, / Которого вся цель довесть людей / От жажды жизни до самоубийства» [2, 161].

В нескольких принципиальных местах перевод Сабашникова точнее, чем предшествующий прозаический. Так, Будда перед инкарнацией вспоминает, что это его последнее воплощение: «…грешный мир спасти / Иду в последний раз я» [2, 4]. Сабашников более точен и при назывании восьми ступеней познания: он переводит «Right Doctrine» как «знание закона», «Right

Purpose» как «чистота <…> целей», «Right Discourse» – «правое слово», «Right Purity» – «чистота для души», «Right Thought» – «помысл правый», «Right Loneliness» – «аскетизм», «Right Rapture» – «полнейший экстаз». И только в отношении четвертой ступени «Right Behaviour» вместо конкретного названия предложена описательная характеристика: «…должна и любовь мировая / Через ваши поступки скользить» [8, 239]. Впрочем, если в оригинале эти ступени определены как уровни («levels»), то Сабашников использует слово «стезя», т. е. путь, а не отрезок пути, что несколько нарушает семантику последовательного духовного восхождения; получается, что всё перечисленное – не ступени единой лестницы, а различные дороги, которыми можно достичь просветления.

Единство ряда спорных переводческих решений убеждает в том, что Сабашников сопоставлял свою версию поэмы с ранее вышедшим прозаическим переводом. Как и Анненская, например, он переводит «grain of mung» как «семя манга» [2, 13]), не пытаясь найти более понятный русскому читателю эквивалент (такой как горох, бобы). «Plantain-leaves» он так же, ошибочно, переводит как «листок смоковницы» [2, 16]), хотя более точный перевод – лист подорожника, либо растения, подобного банану; атрибут бога Ганеши «hook» («крюк») становится «жезлом» [2, 43]), а «sun-birds» – «колибри» [2, 44]. Далее, вслед за Анненской, Сабашников переводит «tree-milk» как молоко кокосовых орехов, а «ivory cup» – как оболочку тех же орехов [2, 46]), хотя это, очевидно, не совсем точно и может относиться к другим растениям. Оборот «starved on» («продолжал голодать») переведен, как и ранее у Анненской, ошибочно: «…погибал / Голодной смертью» [2, 115]. То же касается «Каррма-Канда» и «Джнана-Канда», которые являются названиями вед, но у Сабашникова даны как имена собственные. Как и Анненская, он не переводит «curd», и добродетельная Суджата вновь угощает Будду только молоком (хотя из дальнейшего описания становится ясно, что приготовленное ею блюдо – не просто молоко). Переводчик часто использует понятие «спасения» для описания задач Будды, даже когда в оригинале – другие лексемы («He shall help the world», [8, 23]), а также не всегда точно говорит о «небе» (например, при интерпретации слов «taking good news to Gods», [8, 23]). Если в прозаическом переводе принц, обучаясь, использует трость писца, то Сабашниковым выбран ненамного более удачный вариант – «спичка для письма» [8, 11].

В переводе метафоры с оленем и охотником Сабашников также следует за версией Анненской, делая главным героем не оленя (в притче – Будду), а его преследователя: «…охотник долго бродит, / Но всё ж в конце его стрела летит» [2, 25]. Далее в отношении Сиддхартхи используется понятие «lure» («приманка»), так что метафора охоты (на праведника) у Арнольда системна.

Есть у Сабашникова и вольности, приводящие порой к антонимичному переводу. Так, при вести о рождении Будды (сон его матери Майи) в оригинале «сотряслись мощные холмы» («the strong hills shook», [8, 3]), в переводе – «заснули волны» [2, 4], т. е. природа не «встрепенулась», а уснула.

Некоторые реалии интерпретатор транслитерирует и дает в кавычках, что вполне обоснованно для перевода слов без точного эквивалента в русском языке: «В цветах “нелюмбо”, лотоса и розы» [2, 43].

Иногда Сабашников также производит небольшие сокращения, например, в сцене лечения лебедя юным Сиддхартхой или при описаниях богатой индийской природы. Однако не всегда эти сокращения уместны: так, когда один из мудрых советников после собрания у царя оборачивается змеей, у Арнольда есть пояснение: «The gods come ofttimes thus!» [8, 18], [Так порой являются боги!]; у Сабашникова этого пояснения нет, и мудрец оказывается неким «оборотнем»: «…он скрылся, / По-видимому, проскользнув змеей» [2, 18]).

Порой переводчик довольно остроумно передает афоризмы оригинала: говоря об аскетах, Сиддхартха называет их телами, «голодающими из-за души» («starved by the soul», [8, 137], и это переведено – «которых плоть съел дух» [2, 136].

Одной из важных особенностей перевода является очевидное тяготение к русификации реалий и стиля. Например, «fresh-bathed» ([8, 27], «свежеомытые») о красавицах переводится

так: «…водой / Омытые холодной ключевою» [2, 26]. Индийская благородная женщина говорит: «Вот, если мой младенец вдруг помрет…» [2, 151]. Вместо тропического растения колоказии (talas-tree), которую Анненская воспринимала как «пальмовое дерево», Сабашников выбирает «дуб»:

Потом взял Девадатта острый меч
И дуб рассек в шесть пальцев толщиною… [2, 34].

Здесь, кроме очевидной культурологической неточности (индийские принцы становятся похожи по задачам на героев славянских сказок типа Дубыни), весьма непривычно и измерение толщины дуба в пальцах.

Если в оригинале отмечено, что глаза девушек подведены сурьмой, то в переводе они – «с блестящими ресницами» [2, 26]. Цари у Сабашникова обходят свои земли пешком: «Они пошли» [2, 18], хотя в оригинале отец с Сиддхартхой едут по полям: «So they rode» [8, 19]. Для описываемого периода это принципиальная разница: пешком принц может уйти из дворца только инкогнито, переодевшись.

Тяготение Сабашникова к романтико-патетическому стилю отражено в выборе стихотворных размеров. Наряду с нерифмованным пятистопным ямбом, Арнольд использует рифмованный ямб или хорей разной стопности – когда рассказчик цитирует чье-то пение или речи (эти вставки могут быть разделены на катрены или терцеты). Сабашников в этих случаях также меняет размер, но более кардинально: он вводит то трехстопный анапест с перекрестной рифмовкой, обладающий в сознании русского читателя окраской романтической и патетической [7, 390]), то амфибрахий – также размер, отмеченный романтической семантикой [7, 387].

Особенно ощутимо тяготение интерпретатора к экспериментам в переводе финальной речи-проповеди Будды, которая занимает большую часть восьмой книги и написана Арнольдом рифмованными ямбическими катренами (три строки пятистопного ямба, завершающая – трехстопная). Переводчик разбивает эту речь на нумерованные части (такой разбивки нет в оригинале) и пишет каждый отрывок другим стихотворным размером. Так, первую часть он пишет дактилем, трех- и четырехстопным; семантика этого размера, с чередованием мужских и дактилических рифм, – романтизированная «народная грусть» [7, 401]. В переводе заключительной речи Будды первые три катрена трансформируются в пять катренов [2, 216]. И здесь с наибольшей очевидностью видны потери: вместо афоризмов Арнольда – объяснительный, расширяющий перевод. Так, в оригинале: «Who asks doth err, / Who answers, errs» [8, 211] – [Кто спрашивает, ошибается; кто отвечает, ошибается]; в переводе читаем:

Тот, кто вопросы об этом дает,
Вводит себя в заблуждение,
Тот, кто готовит ответ на вопрос,
Ложное выскажет мнение [2, 216].

Далее переводчик переходит на трехстопный анапест с парной рифмовкой (и с семантическими оттенками романтики и патетики), затем – на четырехстопный дактиль с парной рифмовкой (и с балладной семантикой) [7, 400] и т. д.

Если у Арнольда сохраняется эпическое величие речи пророка, с афоризмами и анжамбеманами, восходящими к библейской риторике:

The Books say well, my Brothers! each man's life
The outcome of his former living is;
The bygone wrongs bring forth sorrows and woes,
The bygone right breeds bliss [8, 219].

Подстрочный перевод:

Книги говорят правду, братья мои! Жизнь каждого человека –
Результат его прежней жизни:
Прошлые ошибки порождают печали и горести,
Прошлые добродетели порождают блаженство.

– то у Сабашникова перевод катрена удлиняется до шести строк, и появляются некоторые напевность и легкость, упрощающие стиль, а также дополнительные образы («молчанье», «страшно подумать»):

Правду гласит нам писанье святое:
Благо или кару приносит былое
В жизни людей на земле.
Добрый поступок, свершенный в молчаньи,
Счастье и радость влечет в воздаянье,
Страшно подумать о зле! [2, 226].

При чтении некоторых фрагментов перевода Сабашникова нельзя уйти от ассоциаций со стихами Н.А. Некрасова:

Если ты труд прилагаешь упорный,
Плевелы полешь, хлеб сеешь отборный, –
Будет хорош урожай,
Поле твое будет нивой богатой,
Труд окупается жатвенной платой,
Будет цветущим твой край! [2, 226].

Или раннего М.Ю. Лермонтова:

Нет бытия с печалью, горем,
Ом мани падме, ом!
Слилася капля с светлым морем
В пространстве голубом! [2, 229].

Сабашников переходит на четырехстопный ямб с перекрестной рифмовкой, также имеющей романтические коннотации, и именно этим размером рассказывает о нирване:

И вечность жизнь твою потушит,
Пройдут года, пройдут века,
Покоя больше не нарушит
По прежним радостям тоска.
Земному призраку, обману
Тебя теперь не обольстить –
Ты погружаешься в Нирвану,
Ты слился с жизнью, чтоб не жить [2, 229].

Однако следующую часть речи Будды – учение о карме – Сабашников переводит, точно следуя как метру, так и строфическому строению стиха, но при этом использует в катренах трехстопный ямб вместо пятистопного:

Вот вам учение о Карме. Знайте!
Когда загладится последний грех

И жизнь погаснет тихо, как лампада,
Умрет и смерть для всех [2, 229].

Стилистическим ориентиром для Сабашникова, очевидно, являются лироэпические поэмы периода романтизма. Переводчик тяготеет к повышению эмоциональной наполненности текста. Так, в оригинале Будда прижимает спасенного лебедя к «нежной щеке» («smooth cheek», [8, 17]), тем самым подчеркивается юность героя; в переводе Сабашникова – «пылающая щека» [2, 17]), принц исполнен эмоций.

В целом Будда предстает в переводе Сабашникова более эмоциональным, чем в оригинале. Например, в сцене первого откровения Сиддхардхи (под деревом джамбу) сказано, что он сел со скрещенными ногами, «как сидят священные статуи» («as holy statues sit», [8, 22]); переводчик опускает упоминание о ногах и представляет позу принца не медитативной, а опечаленной: «…голову свою склонил / И начал думать о болезни мира» [2, 21]. Принц у Арнольда мыслит о мировых проблемах в терминах болезни и излечения, но в переводе добавляется образ зла и борьбы с ним: «…о зле, о том, как справиться со злом» [2, 21]; в оригинале он страстно желает «излечить боль» («such passion to heal pain», [8, 22]), в переводе – наделяется «желаньем глубочайшим осчастливить / Вселенную» [2, 21]. У Арнольда Будда просыпается от сна со словами: «Мой мир! О, мир!» («My world! Oh, world!» [8, 50]), у Сабашникова – «О скорбный мир!» [2, 49]. Будда, герой, сознательного отказывающийся от героического и аскетического пути, в переводе обретает черты борца со злом; этот отшельник в отдельные моменты напоминает больше Мцыри, чем Сиддхартху.

Другим направлением стилистических трансформаций стало нагнетание ужасного, усиление «готической» составляющей экзотической поэмы. Так, если в оригинале мертвец, которого впервые в жизни видит Сиддхартха, «осыпан красной и желтой краской» («sprinkled with red and yellow dust» [8, 76]), и это единственные цветовые указания, то переводчик, утрируя ситуацию, добавляет в его портрет эмоциональные эпитеты – и много зеленого:

…зеленый, страшный,
С ввалившимися ребрами, худой,
С отвисшей челюстью, оскалив зубы,
Натертые зеленым порошком,
Лежал мертвец… [2, 74].

Подобным образом переводчик сгущает краски, когда рассказывает о самоистязаниях аскетов. Арнольд пишет о том, что они доводили, в частности, руки до того, что те выходили из суставов; Сабашников же буквально говорит о том, что руки отсыхали:

Одни стояли с поднятой рукою,
Пока не высыхала наконец
Рука, лишенная горячей крови,
И не отваливались сочлененья,
И не высовывались из плеча
Сухие кости рук, подобно сучьям
Безжизненным на дереве лесном… [2, 113-114].

Арнольд замечает, подводя итог описанию аскетов: «печальная (болезненная) компания» («a grievous company», [8, 116]), а переводчик восклицает: «Ужасный вид!» [2, 114]. Лица их в оригинале «дикие и бледные» («haggard and wan»), а в переводе – «ужасные и синие» [2, 115].

Тяготение к некоторому сентиментально-готическому нагнетанию прослеживается по всей поэме. Так, в оригинале сказано, что Ясодхара не знает, где ее муж – «далеко ушедший сейчас, забывший всё, изменившийся или мертвый» («far-wandered now, forgetful, changed, or dead», [8,

180]; в переводе Сабашникова описание существенно эмоциональнее:

Никто во всей стране сказать не мог,
Где обитает он, своих забывший,
Иль где лежит истлевший прах его [2, 180].

Пашущие быки у Арнольда прорисовываются с любованием и сочувствием: это «больше-глазые быки» («great-eyed oxen») с «бархатными боками» («velvet flank», [8, 120]); в переводе же бык приобретает черты мощного, угнетаемого существа:

Он подгоняет мощного быка,
В палящий зной он бьет его по бедрам
И по крутым бокам… [2, 20].

Не довольствуясь лаконичными выражениями оригинала: «…how hard / The oxen's service!» [8, 21] […как тяжело служение волов], переводчик усиливает эмоции принца: «Труд каторжный волов – одно проклятье» [2, 21].

Если у Арнольда буддийский дух поэмы склоняет рассказчика к некоторой бесстрастности, тяготению к эпической объективности, то Сабашников, увлеченно экспериментируя с размерами, выбирает краски романтической субъективной лироэпики, усиливает эмоциональное звучание текста.

Эта наполненность чувством позволяет Сабашникову иногда добиваться почти той же шекспировской риторической силы, что и в оригинале, не слишком отклоняясь от него по смыслу. Так, например, звучат строки, где Сиддхартха критикует путь аскетов:

Ужели из любви к душе возможно
Так ненавидеть тело, так терзать
Его: оно совсем не будет годно
Служить душе, стремящейся к звездам,
Оно падет до наступленья ночи,
Подобно заморенному коню! <…>
Надеясь посрамить и самый ад
Другим, зажженным здесь, воображая
В блаженном ослеплении своем,
Что из измученного тела лучший
Отыщет путь взлетевшая душа [2, 118-119].

Перевод Сабашникова представил еще одну сторону ориенталистской экзотики, с которой уже работала русская литература, – Будда стал в какой-то мере родствен героям «восточных» поэм Пушкина и Лермонтова. Вместе с тем усиление эмоциональной окраски оценок и реплик не вполне соответствовало посылу поэмы, рассказывающей о великом бесстрастии Будды.

Первое издание перевода Сабашникова сохранилось в библиотеке Н.С. Лескова с его читательскими замечаниями. Как указывает Л.Н. Афонин, «многочисленные пометы позволяют утверждать, что в этом поэтическом изложении жизни Будды и его учения Лескову дороги призывы к милосердию, состраданию, любовь ко всему живому, мечта о всеобщем мире» [9, 147]. Лесковым-читателем отмечены близкие ему стихи о ненасилии («О том, как был бы дивен этот мир, / Когда бы в нем все существа живые / Не причиняли никому вреда, / Когда бы все употребляли пищу / Бескровную и чистую одну, / Ведь пищи и питья довольно в мире: / Златые зерна, чудные плоды, / Везде растут питательные травы, / Везде струится чистая вода»), о происхождении добра от добра: «Что в жизни всех добро родит добро, / А зло рождает только зло» [9, 148-149].

«Свет Азии» в двух переводах: прозаическом Анненской (1890) и поэтическом Сабашникова (1891) – среди других книг по индологии и востоковедению, был и в библиотеке великого химика, тестя А.А. Блока, Д.И. Менделеева [10, 590]. Он посылал «Свет Азии» в Индию своему сыну Владимиру [10, 590-591]. (Владимир Дмитриевич Менделеев (1865–1898), офицер флота, инженер-конструктор, сын Д.И. Менделеева). В этих книгах сохранились многочисленные пометки, отразившие заинтересованность Менделеева в тематике произведения. Так, из записей в издании перевода Анненской очевидно, что его особенно интересовала буддийская трактовка «Я», идея страдания. На полях, на стр. 170, он написал: «И у Будды все отрицания, Где же полож<ительное> там учение» [10, 622]. В переводе Сабашникова также есть пометки, на обложке книги рукой Менделеева написано:

Пусть смерть пугает робкий люд,
Но нас бояться не принудит,
Пока мы живы – смерти нет,
А смерть придет – так нас не будет [10].

Сабашников предложил прочтения и других произведений Арнольда – не привлекавших внимания иных переводчиков. Так, «Беседа Будды», опубликованная им в 1892 г. в первом выпуске «Сибирского сборника» под псевдонимом И. Юринский, – перевод стихотворения «A Discourse of Buddha» из сборника «The Secret of Death» (1885) [11]. Перевод выдержан в другом размере (рифмованная речь Будды передана не пяти- и трехстопным ямбом, а трехстопным анапестом), однако в целом дает представление о сути и образной природе оригинала. Впрочем, и здесь можно наблюдать некоторую драматизацию речи героя. Если у Арнольда «prison-wall» («тюремная стена»), у Сабашникова – «тень печальной тюрьмы»; трансформации такого типа можно найти по всему тексту перевода. Афористическим центром стихотворения является фраза о том, что бесполезно проводить время в сравнении жизненных возможностей: «Rest under, if you must, but question not / Which is the best of all» [Отдыхай [в тени], если надо, но не спрашивай, какая [тень] лучше всех]. У Сабашникова эта мысль значительно заостряется:

И не ставь невозможных вопросов
О возможности счастья людей [2, 19].

В финале Арнольд говорит о том, что мудрый человек не прикладывает лишних усилий: «The eagle seeks no shadow, nor the wise / Greater or less bliss!» [11, 237] [Орел не ищет тени, а мудрец – большего либо меньшего счастья / благословения]; Сабашников же приходит к совершенно иному выводу:

Как орел не нуждается в тени,
Не нуждается в счастье мудрец... [7, 20].

Поэма «Тайна смерти» («The Secret of Death», 1885), переведенная Сабашниковым, была опубликована Арнольдом в том же сборнике, что и «Беседа Будды» [12, 14-45]. Сабашников обратился к интерпретации не только поэмы, но и введения ко всему сборнику («Introduction») [13, 9-13], которое становится у него частью поэмы; в этом введении Арнольд обосновывает свое пристрастие к индийской поэзии:

От этих звучных длинных строк
Мне в душу льется, как поток,
«Свет Азии» – волшебный свет,
Сиявший людям с дальних лет.

И у твоих кладу я ног
Роскошный лотоса цветок –
Блестел он ярко, как звезда,
В давно минувшие года,
За много длительных веков
До галилейских рыбаков.
Индийской мысли смел полет,
Та мысль нас в горний мир влечет,
Где дух царит; не побежден
В том мире самой смертью он… [5, 1-2].

Поэма «Тайна смерти» отличается драматическим, а не повествовательным характером: это, по сути, пьеса в стихах, где сахиб-англичанин и жрец-брахман разбирают подробности учения о смерти в индуизме на материале Упанишад. Она также переведена близко к оригиналу; вставки с санскрита на английском даны, большей частью, без перевода (хотя некоторые, за непонятностью, просто опущены). Введены многие индуистские лексемы: «небесная обитель Сварга-лока» [5, 8] («Swarga-lôk» [12, 20]), имена Ямы и Брамы, понятия Вед, Пуруши, гуру и пр. Однако, очевидно, по сравнению с историей о Будде эта поэма оказалась излишне умозрительной, а потому прошла незамеченной.

Наконец, важным свершением Сабашникова был перевод в 1917 г. «Света мира» («The Light of the World, or the Great Consummation», 1891) [14, 296] – поэмы Арнольда о Христе, в которой он, по общему мнению, старался повторить успех «Света Азии», – впрочем, читательского признания эта поэма, не отличающаяся новизной темы и образности, не получила. Поэма в основном построена как диалог мудреца («the Magus») и Марии Магдалины, происходящий уже после смерти и вознесения Христа; любопытно, что Арнольд выбирает «восточный» метод рассказа – даже о евангельских событиях: это драматический диалог с участием восточного мудреца, волхва.

Как и оригинал, перевод поэмы разделен на главы: «Мария Магдалина», «Мудрец», «Сосуд алебастровый», «Притчи», «Любовь Бога и человека», «Великое завершение»; однако вводная часть – «В Вифлееме» («At Bethlehem»), занимающая в оригинале 38 страниц, по неясным причинам опущена. Сабашников, как и ранее, следует размеру оригинала, переводя пятистопным нерифмованным ямбом, – и достаточно точно. Задачи переводчика облегчаются благодаря тому, что все библейские топонимы и имена давно устоялись в русской культуре.

Подобно «Свету Азии», поэма завершается обобщающим, почти молитвенным финалом, и если у Арнольда здесь размер, близкий к трехстопному дактилю, с рифмовкой AABA, то у Сабашникова – четырех- и трехстопный амфибрахий с парной рифмовкой:

И станет Любовь, этот светоч в пути,
От века до века расти,
И злоба исчезнет, и зависть, и страсть,
От смерти отнимется власть,

И благость настанет и мир на Земле!
Сердца не погрязших во зле,
Те слышат и ныне, духовно созрев,
О вечном блаженстве напев! [5, 188].

В русской культуре, как и в англоязычной словесности, было много источников размышлений о Христе, среди которых имелись и, несомненно, более значимые в сравнении с поэмой Арнольда. К тому же появление перевода в печати в 1917 году, в канун событий, начавших

собой долгий период богоборчества в России, и вовсе не соответствовало превалировавшим общественным настроениям. Поэтому неудивительно, что перевод «Света мира», вскоре после публикации, был забыт на многие десятилетия.

Заключение. Как видим, в конце XIX века И.М. Сабашников был одним из самых активных популяризаторов творчества Эдвина Арнольда, в особенности его поэмы «Свет Азии», в России. При переводе «Света Азии» он пользовался более ранним прозаическим прочтением этого произведения А.Н. Анненской, которое во многом использовалось в качестве подстрочника, в результате чего многие ошибки прозаического перевода-предшественника перешли в перевод поэтический. Увлеченность миром Востока и, в частности, буддийским учением проявилась в обращении И.М. Сабашникова к интерпретации таких произведений Арнольда, ранее не известных на русском языке, как стихотворение «Беседа Будды» и поэма «Тайна смерти». Осуществленный И.М. Сабашниковым в период русских революций перевод христианской поэмы Арнольда «Свет мира» остался незамеченным ввиду явного несоответствия духу и настроениям новой исторической эпохи.

Список использованной литературы:

1. Волошина М. (Сабашникова М.В.). Зеленая Змея. История одной жизни / Перевод с немецкого М.Н. Жемчужниковой. М.: Энигма, 1993. – 413 с.

2. Арнольд Э. Светило Азии, или Великое отречение. (Mahâbhinishkramana): Поэма / Пер. с англ. (с 38-го изд.) И. Юринского (И.М. С[абашни]кова). СПб.: типолит. Месника и Римана, 1891. – 254 с.

3. Арнольд Э. Светило Азии или Великое отречение. (Mahâbhinishkramana): Поэма / Перевод с англ. (с 38-го изд.) И.М. Сабашникова (И. Юринского). 2-е изд. СПб.: М.М. Ледерле; типолит. Б.М. Вольфа, 1895. –238 с.

4. Арнольд Э. Тайна смерти. Поэма / Пер. И. Юринского // Северный вестник. 1892. № 1 (Январь). Отд. I. – С. 1–24.

5. Арнольд Э. Свет мира [или Великое утешение]. Поэма / Пер. И. Сабашникова. М.: типолит. Т-ва И.Н.Кушнерев и К°, 1917. – 188 с.

6. Арнольд Э. Беседа Будды / Пер. И. Юринского // Сибирский сборник. Приложение к «Восточному обозрению», 1891. Вып. I. М.: тип. П.Е. Астафьева, 1892. – С. 18–20.

7. Гаспаров М.Л. Метр и смысл. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. – 416 с.

8. Arnold E. The Light of Asia, or Great Renunciation (Mahabhinishkramana). London: Trubner & Co, 1879. XIII. – 238 p.

9. Афонин Л.Н. Книги из библиотеки Лескова в Государственном музее И.С. Тургенева // Литературное наследство. Т. 87. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860–1890 гг. М.: Наука, 1977. – С. 130–158.

10. Бонгард-Левин Г.М. Блок и индийская культура // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 5 / РАН, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; отв. ред. И.С. Зильберштейн и Л.М. Розенблюм. М.: Наука, 1993. – С. 589-632.

11. Arnold E. A Discourse of Buddha // Arnold E. The Secret of Death. Boston: Roberts Brothers, 1885. – P. 235-237.

12. Arnold E. The Secret of Death // Arnold E. The Secret of Death. Boston: Roberts Brothers, 1885. – P. 14-45.

13. Arnold E. Introduction // Arnold E. The Secret of Death. Boston: Roberts Brothers, 1885. – P. 9-13.

14. Arnold E. The Light of the World, or the Great Consummation. London: Longmans, Green, and Co., 1891. – 296 p.

References:

1. Voloshina M. (Sabashnikova M.V.) (1993). Zelenaya Zmeya. Istoriya odnoy zhizni [The Green Snake. The Story of One Life] / Perevod s nemetskogo M.N. Zhemchuzhnikovoy. M.: Enigma. – 413 s.

2. Arnold E. (1891). Svetilo Azii, ili Velikoe otrechenie. (Mahâbhinishkramana): Poema [The Light of Asia, or The Great Renunciation (Mahabhinishkramana): A Poem] / Per. s angl. (s 38-go izd.) I. Yurinskogo (I.M. Sabashnikova). SPb.: tipolit. Mesnika i Rimana. – 254 s.

3. Arnold E. (1895). Svetilo Azii ili Velikoe otrechenie. (Mahâbhinishkramana): Poema [The Light of Asia, or The Great Renunciation (Mahabhinishkramana): A Poem] / Perevod s angl. (s 38-go izd.) I.M. Sabashnikova (I. Yurinskogo). 2-e izd. SPb.: M.M. Lederle; tipolit. B.M. Vol'fa. – 238 s.

4. Arnold E. (1892). Tayna smerti. Poema [The Secret of Death. A Poem] / Per. I. Yurinskogo // Severny vestnik. № 1 (Yanvar'). Otd. I. – S. 1–24.

5. Arnold E. (1917). Svet mira [ili Velikoe uteshenie]. Poema [The Light of the World [or The Great Consolation]. A Poem] / Per. I. Sabashnikova. M.: tipolit. T-va I.N. Kushnerev i Ko. – 188 s.

6. Arnold E. (1892). Beseda Buddy [A Discourse of Buddha] / Per. I. Yurinskogo // Sibirsky sbornik. Prilozhenie k «Vostochnomu obozreniyu», 1891. Vyp. I. M.: tip. P.E. Astaf'eva. – S. 18–20.

7. Gasparov M.L. (2012). Metr i smysl [Meter and Meaning] / M.: Fortuna EL. – 416 s.

8. Arnold E. (1879). The Light of Asia, or Great Renunciation (Mahabhinishkramana) / London: Trubner & Co. XIII. – 238 p.

9. Afonin L.N. (1977). Knigi iz biblioteki Leskova v Gosudarstvennom muzee I.S. Turgeneva [Books from Leskov's Library in the State Museum of I.S. Turgenev] // Literaturnoe nasledstvo. T. 87. Iz istorii russkoy literatury i obshchestvennoy mysli 1860–1890 gg. M.: Nauka. – S. 130–158.

10. Bongard-Levin G.M. (1993). Blok i indiyskaya kultura [Blok and Indian Culture] // Literaturnoe nasledstvo. T. 92. Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniya. Kn. 5 / RAN, In-t mirovoy lit. im. A.M. Gorkogo; otv. red. I.S. Zil'bershteyn i L.M. Rozenblyum. M.: Nauka. – S. 589-632.

11. Arnold E. (1885). A Discourse of Buddha // The Secret of Death. Boston: Roberts Brothers. – P. 235-237.

12. Arnold E. (1885). The Secret of Death // The Secret of Death. Boston: Roberts Brothers. – P. 14-45.

13. Arnold E. (1885). Introduction // The Secret of Death. Boston: Roberts Brothers. – P. 9-13.

14. Arnold E. (1891). The Light of the World, or the Great Consummation / London: Longmans, Green, and Co. – 296 p.

БІЗДІҢ АВТОРЛАР

Жиренов Саян Аманжолұлы – филология ғылымдарының кандидаты, профессор, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4660-0381, e-mail: Saken82@mail.ru

Ержанқызы Әйгерім – Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің PhD докторанты, Алматы қаласы, Қазақстан, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0037-3777, e-mail: erzhankyzy91@gmail.com

Молдағалиева Раушан Шамжанқызы – педагогика ғылымдарының магистрі, Астана медицина университетінің филологиялық пәндер кафедрасының аға оқытушысы, Астана, Қазақстан, ORCID: https://orcid.org/0009-0001-2476-7375, e-mail: moldagaliyeva66@mail.ru

Бигалиева Айман Советқызы – Алматы қаласы Білім басқармасына қарасты ШЖҚ МКК «Білім берудегі жаңа технологиялар бойынша қалалық ғылыми-әдістемелік орталығының» әдістемелік ғылыми-әдістемелік жұмыс жөніндегі әдіскері, Алматы, Қазақстан, ORCID: https://orcid.org/0009-0001-6323-4520, e-mail: aiman_bigalieva@mail.ru

Пашан Дана Мұсабекқызы – филология ғылымдарының кандидаты, Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институтының аға ғылыми қызметкері, Алматы, Қазақстан, ORCID: https://doi.org/10.55491/2411-6076-2022-2-57-73, e-mail: pashan_dan@mail.ru

Абишева Сауле Джунусовна – филология ғылымдарының докторы, профессор, орыс тілі мен әдебиеті кафедрасының меңгерушісі, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан, ORCID: 0000-0002-4497-0805, e-mail: s.abisheva@mail.ru

Абуова Бибижан Паркуловна – Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің орыс тілі мен әдебиеті кафедрасының докторанты, Алматы, Қазақстан, ORCID: 0000-0002-8976-0959, e-mail: bibizhan@@mail.ru

Мустояпова Айнаш Токушқызы – филология ғылымдарының кандидаты, Қарағанды университетінің орыс тілі мен әдебиеті кафедрасының доценті. Е.А. Букетова, Қарағанды, Қазақстан, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5658-9844**,** e-mail: mustoypova2017@gmail.com

Серикова Лидия – орыс тілі мен әдебиеті кафедрасының магистранты, Абай атындағы Қа-зақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан, ORCID: https://orcid.org/0009-0000-4748-1436, e-mail: lida.serikova.2000@mail.ru

Сылам Дина – Шанхай университеті, докторант, Шанхай, Қытай, ORCID: https://orcid.org/0009-0001-6829-2690, e-mail: dina.slamkyzy@gmail.com

ВэнЛян Цянь – профессор, PhD (Философия), Шанхай университетінің гуманитарлық өнер колледжі, Шанхай, Қытай, e-mail: qwl08@sina.com

Өмірханова Шынар Әділханқызы – Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті орыс тілі мен әдебиеті кафедрасының докторанты, Алматы, Қазақстан, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5514-2810 , e-mail: umirhanovas@gmail.com

Орынханова Ғибадат Аманжолқызы – филология ғылымдарының кандидаты, Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университетінің орыс тілі мен әдебиеті кафедрасының доценті, Алматы, Қазақстан, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1864-1802, e-mail: gibadat_@mail.ru

Жиндеева Елена Александровна – филология ғылымдарының докторы, М.Е.Евсевьев атындағы Мордовия мемлекеттік педагогикалық университетінің «Әдебиет және әдебиетті оқыту әдістемесі» кафедрасының профессоры, Саранск қ., Ресей Федерациясы, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6680- 148X, e-mail: jindeeva@mail.ru

Ибраева Жанарка Бакибаевна – филология ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан, ORCID: 0000-0003-1487-5513, e-mail: igb1006@mail.ru

Құрманчакова Айнур – орыс тілі мен әдебиеті кафедрасының магистранты, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан, ORCID: https://orcid.org/0009-0001-5720-1036, e-mail: kurmanchakova97@mail.ru

Молдағали Мадина Бауыржанқызы – Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің Филология факультеті орыс тілі мен әдебиеті кафедрасының докторанты, Алматы, Қазақстан, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8494-1497, e-mail: mmoldagali@list.ru
Асылбекова Марина Сергеевна – филология ғылымдарының кандидаты, №165 мамандандырылған лицейінің орыс тілі мен әдебиеті пәнінің мұғалімі, Алматы, Қазақстан, ORCID: https://orcid.org/0009-0005-9384-2067, e-mail: marina.assylbekova@gmail.com
Проскурина Лариса Васильевна – Қ. Сәтбаев атындағы №56 гимназиясының орыс тілі мен әдебиеті пәнінің мұғалімі, Алматы, Қазақстан, ORCID: https://orcid.org/0009-0002-4953-2369, e-mail: pro_larissa@mail.ru
Назарбекова Гүлсана Амандыққызы – магистрант**,** Манаш Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті, Алматы, Қазақстан, e-mail: gulsana0000@gmail.com
Оспанов Еділбай – филология ғылымдарының кандидаты, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан, ORCİD: https://orcid.org/0000-0003-2253-134X, e-mail: ospanov.yedilbay@gmail.com
Иманғали Өркен – PhD, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7142-7982, e-mail: orken.007@mail.ru
Жаткин Дмитрий Николаевич – филология ғылымдарының докторы, профессор, Пенза мемлекеттік технологиялық университеті, Пенза қ., Ресей, ORCİD: https://orcid.org/0000-0003-4768-3518, e-mail: ivb40@yandex.ru
Сердечная Вера Владимировна – филология ғылымдарының докторы, доцент, Кубань мемлекеттік университеті, Краснодар қ., Ресей, e-mail: rintra@yandex.ru

НАШИ АВТОРЫ

Жиренов Саян Аманжолұлы – кандидат филологических наук, профессор, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Казахстан, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4660-0381, e-mail: Saken82@mail.ru

Ержанқызы Әйгерім – PhD докторант, Казахский национальный педагогический университет им. Абая, г. Алматы, Казахстан, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0037-3777, e-mail: erzhankyzy91@gmail.com

Молдагалиева Раушан Шамжановна – магистр педагогических наук, старший преподаватель кафедры филологических дисциплин Медицинского университета Астаны, Астана, Казахстан, ORCID: https://orcid.org/0009-0001-2476-7375, e-mail: moldagaliyeva66@mail.ru

Бигалиева Айман Советовна – методист по научно-методической работе ГКП на ПХВ «Городской научно-методической центр новых технологий образовании» Управления образования города Алматы, Казахстан, ORCID: https://orcid.org/0009-0001-6323-4520, e-mail: aiman_bigalieva@mail.ru

Пашан Дана Мусабековна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания имени Байтурсынулы, г. Алматы, Казахстан, ORCID: https://doi.org/10.55491/2411-6076-2022-2-57-73, e-mail: pashan_dan@mail.ru

Абишева Сауле Джунусовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и литературы, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Казахстан, ORCID: 0000-0002-4497-0805, e-mail: s.abisheva@mail.ru

Абуова Бибижан Паркуловна – докторант кафедры русского языка и литературы, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Казахстан, ORCID: 0000-0002-8976-0959, e-mail: bibizhan@@mail.ru

Мустояпова Айнаш Токушевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Казахстан, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5658-9844, e-mail: mustoypova2017@gmail.com

Серикова Лидия – магистрант кафедры русского языка и литературы, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Казахстан, ORCID: https://orcid.org/0009-0000-4748-1436, e-mail: lida.serikova.2000@mail.ru

Сылам Дина – докторант, Шанхайский университет, Шанхай, Китай, ORCID: https://orcid.org/0009-0001-6829-2690, e-mail: dina.slamkyzy@gmail.com

ВэньЛян Цянь – доктор PhD, профессор, Шанхайский университетский колледж свободных искусств, Шанхай, Китай, e-mail: qwl08@sina.com

Умирханова Шынар Адильханкызы – докторант кафедры русского языка и литературы, Казахский национальный женский педагогический университет, г. Алматы, Казахстан, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5514-2810 , e-mail: umirhanovas@gmail.com

Орынханова Гибадат Аманжоловна – кандидат филологический наук, ассоциированный профессор кафедры русского языка и литературы, Казахский национальный женский педагогический университет, г. Алматы, Казахстан, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1864-1802, e-mail: gibadat_@mail.ru

Жиндеева Елена Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6680- 148X, e-mail: jindeeva@mail.ru

Ибраева Жанарка Бакибаевна – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Казахстан, ORCID: 0000-0003-1487-5513, e-mail: igb1006@mail.ru

Курманчакова Айнур – магистрант кафедры русского языка и литературы, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Казахстан, ORCID: https://orcid.org/0009-0001-5720-1036, e-mail: kurmanchakova97@mail.ru

Молдагали Мадина Бауыржановна – докторант кафедры русского языка и литературы Факультета филологии Казахского национального педагогического университета имени Абая, Алматы, Казахстан, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8494-1497, e-mail: mmoldagali@list.ru
Асылбекова Марина Сергеевна – кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы Специализированного лицея №165, Алматы, Казахстан, ORCID: https://orcid.org/0009-0005-9384-2067, e-mail: marina.assylbekova@gmail.com
Проскурина Лариса Васильевна – учитель русского языка и литературы Гимназии №56 имени К. Сатпаева, Алматы, Казахстан, ORCID: https://orcid.org/0009-0002-4953-2369, e-mail: pro_larissa@mail.ru
Назарбекова Гулсана Амандыккызы – магистрант, Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева, г. Петропавловск, Казахстан, e-mail: gulsana0000@gmail.com
Оспанов Едилбай Толеубаевич –кандидат филологичских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Казахстан, ORCİD: https://orcid.org/0000-0003-2253-134X, e-mail: ospanov.yedilbay@gmail.com
Имангали Өркен – PhD, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Казахстан, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7142-7982, e-mail: orken.007@mail.ru
Жаткин Дмитрий Николаевич – доктор филологических наук, профессор, Пензенский государственный технологический университет, г. Пенза, Россия, ORCİD: https://orcid.org/0000-0003-4768-3518, e-mail: ivb40@yandex.ru
Сердечная Вера Владимировна – доктор филологических наук, доцент, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия, e-mail: rintra@yandex.ru

OUR AUTHORS

Zhirenov Sayan Amanzholuly – Candidate of philological sciences, professor, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4660-0381, e-mail: Saken82@mail.ru

Yerzhankyzy Aigerim – Doctoral student in the specialty linguistics, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0037-3777, e-mail: erzhankyzy91@gmail.com

Moldagaliyeva Raushan – Master of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Philological Disciplines, Astana Medical University, Astana, Kazakhstan, ORCID: https://orcid.org/0009-0001-2476-7375, e-mail: moldagaliyeva66@mail.ru

Bigaliyeva Ayman – Methodologist for Scientific and Methodological Work at the SCE REM «City Scientific and Methodological Center for New Technologies in Education» of the Department of Education of Almaty City, Kazakhstan, ORCID: https://orcid.org/0009-0001-6323-4520, e-mail: aiman_bigalieva@mail.ru

Pashan Dana – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher at the Baitursynula Institute of Linguistics, Almaty, Kazakhstan, ORCID: https://doi.org/10.55491/2411-6076-2022-2-57-73, e-mail: pashan_dan@mail.ru

Abisheva Saule – Doctor of Philological Sciences, professor, head of the department of russian language and literature, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan, ORCID: 0000-0002-4497-0805, e-mail: s.abisheva@mail.ru

Abuova Bibizhan – Doctoral student of the Department of Russian Language and Literature, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan, ORCID: 0000-0002-8976-0959, e-mail: bibizhan@@mail.ru

Mustoyapowa Ainash – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Karaganda University named after E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5658-9844**,** e-mail: mustoypova2017@gmail.com

Serikova Lidia – Master's student, Russian Language and Literature Department, Abai KazakhNational Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan, ORCID: https://orcid.org/0009-0000-4748-1436, e-mail: lida.serikova.2000@mail.ru

Dina Sylam – PhD student, Shanghai University, Shanghai, China, ORCID: https://orcid.org/0009-0001-6829-2690, e-mail: dina.slamkyzy@gmail.com

WenLiang Qian – PhD, Professor, Shanghai University College of Liberal Arts, Shanghai, China, e-mail: qwl08@sina.com

Umirkhanova Shynar – PhD student, Department of Russian Language and Literature, Kazakh National Women's Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5514-2810 , e-mail: umirhanovas@gmail.com

Orynkhanova Gibadat – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Kazakh National Women's Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1864-1802, e-mail: gibadat_@mail.ru

Zhindeeva Elena – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseviev, Saransk, Russian FederationORCID: https://orcid.org/0000-0002-6680- 148X, e-mail: jindeeva@mail.ru

Ibraeva Zhanarka Bakibaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan, ORCID 0000-0003-1487-5513, e-mail: igb1006@mail.ru

Kurmanchakova Ainur – Master's student, Russian Language and LiteratureDepartment, Abai KazakhNational Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan, ORCID: https://orcid.org/0009-0001-5720-1036, e-mail: kurmanchakova97@mail.ru

Moldagali Madina – PhD Candidate of the Department of Russian language and literature, Faculty of Philology, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8494-1497, e-mail: mmoldagali@list.ru
Assylbekova Marina – Candidate of Philological Sciences, Russian Language and Literature Teacher at Specialized Lyceum №165, Almaty, Kazakhstan, ORCID: https://orcid.org/0009-0005-9384-2067, e-mail: marina.assylbekova@gmail.com
Proskurina Larisa – Russian Language and Literature Teacher at K. Satpayev Gymnasium №56, Almaty, Kazakhstan, ORCID: https://orcid.org/0009-0002-4953-2369, e-mail: pro_larissa@mail.ru
Nazarbekova Gulsana – Master's student, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev, Petropavlovsk, Kazakhstan, e-mail: gulsana0000@gmail.com
Ospanov Yedilbay – Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan, ORCİD ID: 0000-0003-2253-134X, e-mail: ospanov.yedilbay@gmail.com
Imangali Orken – PhD, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7142-7982, e-mail: orken.007@mail.ru
Zhatkin Dmitry – Doctor of Philological Sciences, Professor, Penza State Technological University, Penza, Russia, ORCİD: https://orcid.org/0000-0003-4768-3518, e-mail: ivb40@yandex.ru
Serdechechnaya Vera – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Kuban State University, Krasnodar, Russia, e-mail: rintra@yandex.ru